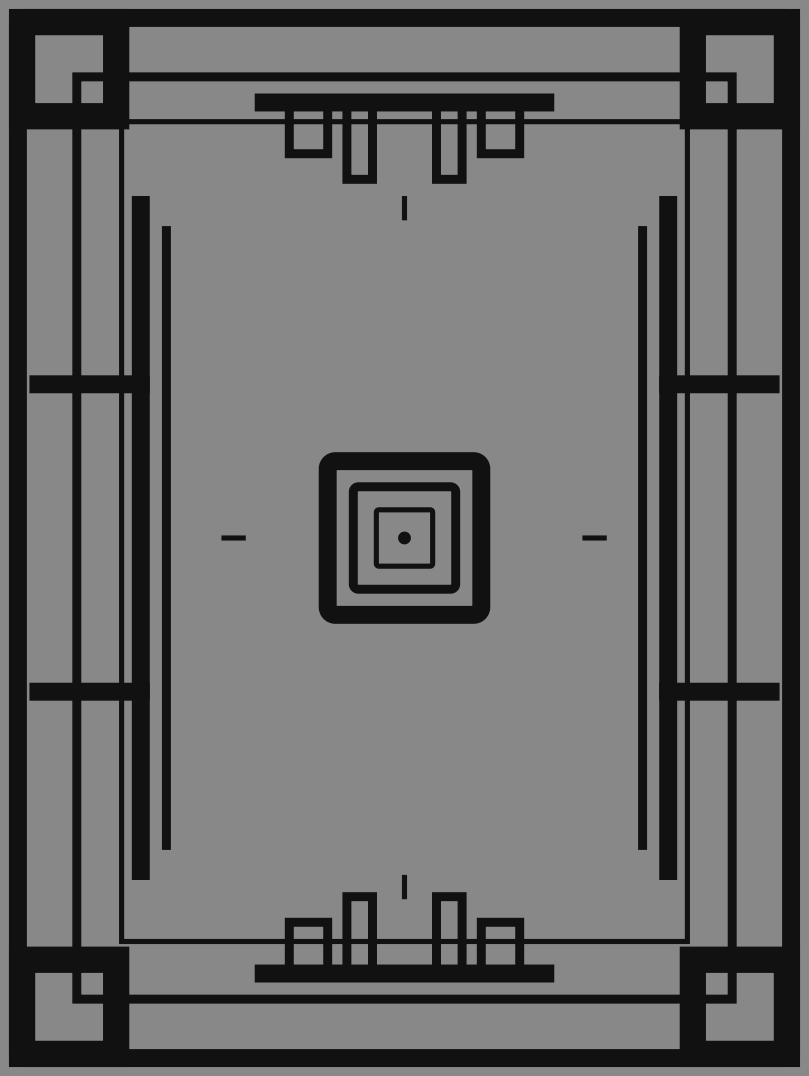

Считайте его мертвым

Эрик Фрэнк Рассел

Аннотация
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Аннотация

В ночь на 1 апреля Уэйд Харпер ехал по ночному шоссе. Пока не «услышал» предсмертный крик полицейского. Чтобы «слышать», не обязательно нужны уши, ведь Харпер обладает врожденным телепатическим даром, который он тщательно ото всех скрывает. Обладая своим даром, Харпер часто помогает полиции, и этот раз — не исключение.

Поставив полицейских в известность, он начинает свое расследование, постепенно разматывая клубок интриги...

Эрик Фрэнк Рассел

СЧИТАЙТЕ ЕГО МЕРТВЫМ

© Перевод К. Плешкова

Глава 1

Не сводя немигающего взгляда с шоссе, широкоплечий мужчина с волосатыми руками и густыми бровями вел автомобиль со скоростью шестьдесят миль в час навстречу событиям, о которых пока даже не подозревал.

Было первое апреля тысяча девятьсот восьмидесятого года. «День дурака», — криво усмехнувшись, подумал он.

В Лос-Анджелесе, Чикаго и Нью-Йорке построили по два-три самодвижущихся шоссе, на Луне появилось шесть станций под герметичными куполами. Но если не считать заднего расположения двигателя и топлива на спирту, нынешние автомобили мало чем отличались от тех, что были в ходу тридцать лет тому назад. Вертолеты оставались не по карману рядовым гражданам. Налогоплательщики по-прежнему месяц за месяцем отдавали последнее — и с тоской размышляли об этом в День дурака.

Последние десять лет шли разговоры о массовом производстве вертолетов по две тысячи долларов за штуку… Но разговоры так и оста-

вались разговорами. Может, оно и к лучшему, учитывая количество возможных жертв, если бы в воздух поднялись согни пьяных, придурков и лихачей.

И все десятилетие ученые предсказывали, что в ближайшие пять лет состоится высадка на Марсе. Из этого тоже ничего не вышло. Порой сидящий за рулем автомобиля человек сомневался, что такое вообще когда-нибудь удастся. Как минимум шестьдесят миллионов миль — громадное расстояние для летящей в пустоте штуковины.

Его мысли прервал незнакомый голос, внезапно прозвучавший в его мозгу: «Больно! О господи, как… больно!»

Дорога была широкой и прямой; по обеим сторонам густо рос лес. Единственной другой машиной в поле зрения была огромная автоцистерна, поднимавшаяся по пологому склону двумя милями впереди. В зеркале заднего вида вообще никого не было видно. Но несмотря на это, водитель нисколько не удивился.

«Больно! — повторил голос, быстро слабея. — Не дали мне ни единого шанса. Сволочи!»

Сбросив скорость до двадцати миль в час, водитель быстро развернулся, доехал до изрезанной колеями проселочной дороги, ведущей в лес, и

свернул на нее: он отлично знал, что голос доносится именно с той стороны.

Первые пятьсот ярдов дорога дважды круто сворачивала, сначала вправо, потом влево. За вторым поворотом стояла машина, полностью перегораживая путь. Водитель резко затормозил и съехал на поросшую травой обочину, чтобы избежать столкновения.

Он вышел из автомобиля, оставив дверцу открытой, и окинул внимательным взглядом чужую машину. Застыв, широкоплечий человек прислушивался — скорее разумом, чем ушами.

«Бетти… — прошептал странный голос. — Трое парней и боль в животе. Темнота. Не могу встать. Надо сообщить Форету. Где ты, Форет?»

Повернувшись, человек тяжело побежал вдоль обочины, спустился в неглубокий кювет и обнаружил там лежащего мужчину. Бросил на него быстрый взгляд, поспешно вернулся на дорогу, отыскал в бардачке своей машины фляжку и вернулся к раненому.

Приподняв голову лежащего, он влил меж бледных губ тонкую струйку спиртного — молча, без ободряющих слов, без вопросов. Поддерживая рукой голову умирающего, он лишь пытался не дать угаснуть еле тлеющей искорке жизни. И

слушал — но не ушами.

«Высокий блондин, — путанно подумал раненый; его мысленный голос звучал словно издалека. — Стрелял в меня… другие вышли… оттащили меня с дороги. Бетти, я…»

Поток мыслей прервался.

Широкоплечий мужчина бросил фляжку, осторожно опустил голову человека и внимательно на него посмотрел — вне всякого сомнения, мертв. К форменному кителю убитого был прикреплен жетон с номером.

Оставив тело в кювете, мужчина подошел к чужому автомобилю, сел в кресло водителя, нашел микрофон и стал неуверенно возиться с переключателями. Он не был уверен, как работает эта штука, но был полон решимости это выяснить.

— Алло! — крикнул он, поворачивая ручку, которая смахивала на нужную. — Алло!

Немедленно кто-то отозвался:

— Полиция штата. Сержант Форст слушает.

— Меня зовут Уэйд Харпер. Вы меня слышите?

— Полиция, — слегка раздраженно повторил голос. — Форст слушает.

Судя по всему, его не слышали. Харпер попробовал еще раз, повернув другой переключатель.

— Алло! Вы меня слышите?

— Да. Что случилось?

— Я на связи из машины номер семнадцать. Один из ваших офицеров лежит мертвый рядом, в кювете.

Харпер назвал номер, который видел на жетоне.

Послышался судорожный вздох, затем:

— Это Боб Элдерсон. Где вы сейчас?

Харпер подробно описал, где находится, добавив:

— В него стреляли дважды, один раз в живот и один в шею. Видимо, это произошло недавно, поскольку он был еще жив, когда я его нашел. Он умер у меня на руках.

— Он что-нибудь сказал?

— Да — это сделал высокий блондин. С блондином были другие, но умирающий не сказал, сколько их было и как они выглядели.

— Напавшие на него ехали в машине?

— Этого он не сказал, но наверняка так и было.

— Оставайтесь на месте, мистер Харпер. Сейчас прибудем.

Послышался резкий щелчок, и в разговор включился другой человек:

— Машина номер девять, Ли и Бейтс. Мы все слышали, сержант, и едем туда. Мы в двух милях

от места происшествия.

Положив микрофон на место, Харпер вернулся к краю кювета и мрачно посмотрел на тело. На женщину по имени Бетти этой ночью обрушится большое горе.

Через несколько минут со стороны шоссе послышался визг больших шин, и на проселочную дорогу свернула машина. Харпер выбежал за поворот, размахивая рукой, чтобы она не налетела на препятствие. Из машины выбрались двое полицейских; у них был вид людей, которые кому-то крупно задолжали и намереваются заплатить сполна и с процентами.

Они спустились в кювет, потом снова поднялись на дорогу.

— Да, он и вправду мертв. Какой-то сукин сын очень об этом пожалеет.

— Надеюсь, — сказал Харпер.

Полицейский, который был повыше, окинул его любопытным взглядом.

— Как вы его тут отыскали?

Харпер был готов к такому вопросу. Он с детства учился искусству маскировки и уже в возрасте девяти лет узнал, что не всякие навыки достойны восхищения и что способы, с помощью которых добываются знания, порой могут внушать ужас.

— Просто захотел отлить. И обнаружил машину, стоящую поперек дороги. Сперва я подумал, что кому-то в голову пришла та же идея, что и мне, а потом услышал из кювета стон.

— Пятьсот ярдов — чертовски далеко для такого дела, — заметил высокий полицейский с проницательным взглядом, — Хватило бы и пятидесяти, не так ли?

— Возможно.

— И как далеко бы вы заехали, если бы дорога не оказалась перекрыта?

— Не могу сказать. — Харпер с безразличным видом пожал плечами. — В таких случаях просто ищешь подходящее место, где и останавливаешься, разве не так?

— Не знаю, — сказал полицейский.

— Должны знать, — ответил Харпер. — Если, конечно, вы не уникальны с физиологической точки зрения.

— Что вы имеете в виду? — неожиданно нахмурившись, спросил полицейский.

— Хватит, Берт, — вмешался второй. — Сейчас здесь будет Ледсом. Пусть он и разбирается. В конце концов, ему за это платят.

Берт что-то проворчал и замолк. Двое начали шарить вокруг в поисках улик и вскоре обна-

ружили свежие следы шин на мягком участке дороги в двадцати ярдах дальше. Потом нашли в траве гильзу. Они все еще внимательно разглядывали ее, когда прибыли еще три полицейские машины.

Человек с чемоданчиком спустился в кювет, вскоре вернулся и устало сказал:

— Две пули примерно тридцать второго калибра. Любая рана могла оказаться смертельной. Следы ожогов отсутствуют. Стреляли с нескольких ярдов. Пуль в теле нет.

Другой, с нашивками капитана, обратился к двум ближайшим полицейским:

— Приехала «скорая» — несите его туда.

Другим велел:

— Ищите эти пули, ребята. Мы обязательно должны их найти.

Потом капитан повернулся к Ли и Бейтсу:

— Накройте следы досками, мы сделаем отливки. Попробуйте отыскать вторую гильзу. Поищите заодно и пистолет — преступник мог его выбросить. Капитан Ледсом, — подойдя к Харперу, представился он. — Вы хорошо придумали — воспользовались рацией Эддерсона, чтобы с нами связаться.

— Мне самому это показалось разумным.

— Люди далеко не всегда поступают разумно, особенно если не хотят ни во что ввязываться.

Ледсом окинул Харпера холодным властным взглядом.

— Как вы нашли Эддерсона?

— Заехал сюда, повинуясь «зову природы». И наткнулся на него.

— Далековато, вам не кажется?

— Ну, вы же знаете, как это бывает. На такой узкой дороге обычно ищешь подходящее место, где можно развернуться, чтобы поехать назад.

— Да, наверное. Парковаться на повороте вы тоже вряд ли бы стали.

Капитана как будто вполне удовлетворило объяснение, но Харпер ясно видел, что Ледсом подозревает каждого в радиусе пятидесяти миль.

— Что в точности сказал Элдерсон перед смертью?

— Он что-то пробормотал насчет Бетти и…

— Его жена, — хмуро перебил Ледсом. — Не представляю, как я ей обо всем скажу.

— Он упомянул некоего высокого блондина, который в него стрелял. И что были еще другие, которые сбросили его в кювет. К несчастью, больше никаких подробностей он не сообщил. Он был при последнем издыхании, мысли его путались.

— Очень жаль.

Ледсом перевел взгляд на приближающегося полицейского.

— Ну?

— Кэп, судя по отпечаткам шин, Элдерсон ехал следом за свернувшей сюда машиной. Машина остановилась у обочины, Элдерсон рядом с ней, но поперек дороги. Он вышел, подошел к той машине, и в него выстрелили. По крайней мере двое человек подняли его и сбросили в кювет.

Полицейский протянул руку.

— Вот вторая гильза. Она лежала прямо там.

— Автоматический пистолет тридцать второго калибра, — сказал Ледсом, разглядывая маленький латунный цилиндрик, — Никаких признаков того, что машину Эддерсона сдвинули с дороги, а потом поставили обратно?

— Нет.

— Значит, они поехали прямо. Назад они вернуться не могли, поскольку машина перегораживала путь.

Капитан задумчиво потер подбородок.

— Эта дорога крутит семнадцать миль через лес, потом делает петлю и снова выходит на шоссе десятью милями дальше. Так что сейчас они или снова выехали на трассу, или прячутся

где-то в лесу.

— Чтобы сделать семнадцать миль по такой дороге, надо затратить минимум двадцать минут, — предположил Харпер, — Даже если они гонят как сумасшедшие, они не могли далеко уйти.

— Да, знаю. Свяжусь с ребятами, чтобы выставили посты на шоссе. Эту дорогу тоже обшарим. По ней почти никто не ездит, кроме лесорубов. Если дорога хорошо знакома ублюдкам, они вполне могут работать или раньше работали на лесозаготовках. После проверим.

Вернувшись в свою машину, Ледсом поговорил по рации.

— Вопрос решен, — выйдя, заявил он. — В ближайшее время выставят посты. Сюда едет местный шериф с четырьмя помощниками.

Он обвел лес мрачным взглядом.

— Даже хорошо, что они сюда едут. Беглецы могли бросить машину и уйти пешком, и в таком случае нам потребуется целая армия.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил Харпер.

Ледсом в третий раз окинул его внимательным взглядом, размышляя: «Сумасшедший простофиля может решить, что, сунув голову в пасть льва, он однозначно докажет свою невиновность. Мне

бы хотелось побольше узнать об этом парне. Пока его рассказ ничем не подтверждается».

— Ну? — поторопил Харпер.

— Если мы найдем орудие убийства, это может навести нас на след, — задумчиво проговорил Ледсом, — И туг нельзя упустить ни единого шанса, даже самого крошечного.

Он уставился прямо на Харпера; в голосе капитана зазвучали властные нотки:

— Поэтому нам придется обыскать вас и вашу машину.

— Само собой, — с полнейшим безразличием ответил Харпер.

«Неверный диагноз, — подумал Ледсом, — Он чист. Но все равно обыщем».

Они обшарили всю машину, ощупали Харпера и извлекли из его правого кармана крошечный вороненый пистолет. Ледсом торопливо схватил оружие, выщелкнул магазин из рукоятки, рассмотрел и удивленно поднял брови.

— Господи! Что это за штуковина? Двадцать патронов в обойме, пули размером со спичечную головку. Где вы его взяли?

— Сам сделал. На расстоянии до пятидесяти ярдов — весьма действенно.

— Могу себе представить. Разрешение име-

ется?

— Да. — Харпер протянул ему документ.

Ледсом взглянул на бумагу и удивился еще больше.

— Вы агент ФБР?

— Нет, капитан. ФБР выдало мне разрешение, руководствуясь своими причинами. Если хотите узнать подробности, вам придется расспросить их.

— Это не мое дело, — с легким замешательством ответил Ледсом, возвращая разрешение и пистолет, — В любом случае ваша игрушка — не то оружие, которое нам нужно. Вы не видели, не слышали ничего подозрительного до или после того, как нашли Элдерсона?

— Ничего.

— Шума уезжающей машины, например?

— Вообще ничего.

— Не слышали выстрелов до того, как здесь оказались?

— Нет.

— Уфф! — недовольно выдохнул Ледсом, — Значит, у них по крайней мере две или три минуты форы. Вы — важный свидетель, и нам нужны ваши письменные показания. Прошу прощения, что приходится отнимать у вас время, но…

— Буду только рад помочь, — сказал Харпер.

Ледсом отправил две группы прочесывать лесную дорогу, а сам поехал в сторону полицейского участка, показывая путь следовавшему за ним Харперу. Оказавшись у себя в кабинете, капитан тяжело опустился за стол и глубоко вздохнул.

— Грязное дело. Мне еще предстоит рассказать обо всем его жене. Они не так давно женаты, и одному богу известно, как она это воспримет.

С новым вздохом Ледсом достал из ящика официальный бланк.

— Придется самому заниматься канцелярской работой, поскольку все ребята заняты. У вас есть визитка, мистер Харпер?

Харпер подвинул ему визитку, на которой значилось: «Уэйд Харпер — микроинженер».

— Микроинженер? — моргнул Ледсом. — Это еще что за зверь?

— Я делаю хирургические инструменты и манипуляторы, настолько крошечные, что с их помощью можно прооперировать бациллу.

— Только этого не хватало! Да человеческий глаз просто не сможет с ними работать!

— Сможет — с помощью мощного микроскопа.

— Каждый год придумывают что-нибудь новенькое, — удивленно проговорил Ледсом. — За

всем не угонишься.

— В этом нет ничего нового, — заверил Харпер. — Все началось в тысяча восемьсот девяносто девятом году, с голландца доктора Схоутена. С тех пор единственное существенное усовершенствование в данной технологии связано с появлением ручного пневматического микроманипулятора де Фонбрюна. Разновидности этого манипулятора я тоже делаю.

— Вы наверняка чертовски занятой человек, — заметил Ледсом, размышляя, кому может понадобиться оперировать микробов.

— Справляюсь. Во всем мире не больше двух десятков опытных микроинженеров. Спрос едва поспевает за предложением.

— Значит, ФБР считает, что не может вас потерять?

— Это всего лишь ваши предположения, — сказал Харпер.

— Может, ваш бизнес как-то связан с бактериологическим оружием?

— И это только ваши предположения.

— Ладно, не буду совать нос в чужие дела.

Взяв официальный бланк, капитан вписал туда имя свидетеля, его адрес и профессию, под диктовку подробно изложил случившееся и подвинул

листок Харперу, чтобы тот прочитал и подписал.

Стоило Харперу уйти, как Ледсом схватил телефонную трубку и набрал междугородный номер. Он уже заканчивал разговор, когда в кабинет вошел сержант Форст и с любопытством посмотрел на капитана.

— Что-то не так, кэп?

— То, что наговорил мне этот Харпер, может сделать честь лучшему в мире жулику. Поэтому я позвонил в его родной город, чтобы выяснить, есть ли у них какие-нибудь сведения о нем.

— И что же?

— Оказалось, есть.

— Черт побери! — Форст бросил на стол несколько книг и направился к двери. — Сообщу, чтобы его задержали.

— Нет, — задумчиво проговорил Ледсом. — Копы его родного города передают ему горячий привет. Он помог им раскрыть несколько весьма сложных дел, а в придачу пристрелил троих преступников.

— Он что, частный детектив?

— Ничего подобного. Они говорят — Харпер то и дело натыкается на то, что безуспешно ищут все остальные. Они говорят, что такое случалось уже не раз, как ни поразительно.

Капитан попытался выработать подходящую версию, и в конце концов ему это удалось.

— Возможно, ему просто везет, и везение стало его хобби, — заключил он.

Если бы предмет этого разговора находился в радиусе полумили от них, он наверняка услышал бы замечание капитана и улыбнулся.

Катя на большой скорости по шоссе, Харпер без каких-либо приключений преодолел один за другим три полицейских поста.

Все это время он лихорадочно размышлял. Если, рассуждал он, преследуемая машина свернула на боковую дорогу, то с вероятностью как минимум пятьдесят к одному водитель выбрал поворот на своей стороне дороги, а не на противоположной. Подобный выбор был бы вполне естественным, инстинктивным.

Поскольку лесная дорога, описывавшая петлю, находилась теперь где-то впереди и по другую сторону шоссе, вполне вероятно, что Элдерсон и преследуемая машина как раз по той стороне и ехали.

Харпер посмотрел на часы. Двадцать минут седьмого. Элдерсона он нашел в десять минут пятого, чуть больше двух часов назад. Убийцы могли находиться больше чем в сотне миль от-

сюда, если ехали не останавливаясь. Полиция, скорее всего, выставила посты и дальше. Возможно, была объявлена тревога по всем восьми соседним штатам.

Впрочем, что толку от подобных мер? Нет ни подробного описания беглецов, ни каких-либо сведений об их машине. «Высокий блондин» — слишком скудная информация, чтобы можно было на нее опереться. Единственный шанс быстро поймать беглецов оставался лишь в том случае, если они воспользовались угнанной машиной и какой-нибудь сообразительный офицер опознает ее по номерам.

Проехав еще несколько миль, Харпер увидел станцию техобслуживания на дальней стороне дороги — той самой стороне, по которой, по его теории, двигались Элдерсон и его убийцы. Развернувшись, Харпер остановился возле заправки, и к нему подошли двое служащих.

— Ребята, вы были на работе около четырех?

Оба кивнули.

— Не видели патрульную машину, которую вел полицейский по фамилии Элдерсон? Машина номер семнадцать.

— Я знаю Боба Элдерсона, — ответил один из служащих, — Он проезжал тут пару раз сегодня

утром.

— Случайно, не между тремя и четырьмя?

— Нет. — Парень немного подумал, — Если он и был тут в это время, я его просто не видел.

— Я тоже, — сказал второй.

Их мысли подтверждали, что они говорят правду. Харпер знал это совершенно точно — им даже незачем было открывать рот.

— Тут есть еще кто-нибудь, кто мог бы видеть его в это время?

— Только Саттертуэйт. Хотите, спрошу его?

— Буду крайне признателен.

Служащий скрылся за зданием заправки. Неважно — Харпер прекрасно слышал мысли, хотя голоса до него и не доносились.

«Эй, Сатги, тут один тип спрашивает, не видел ли ты Боба Элдерсона два или три часа назад?»

«Нет, не видел».

Служащий вернулся.

— Не повезло. Сатти его не видел.

— Может, видел кто-нибудь из тех, кто сейчас не на работе?

— Нет, мистер.

Парень с любопытством посмотрел на Харпера.

— Хотите, я скажу Бобу, что вы его искали, если

он вдруг появится?

— Он больше не появится — никогда, — сказал Харпер.

— В смысле?

— Какая-то сволочь стреляла в него около четырех. Он мертв.

— Ну и ну! — побледнев, пробормотал служащий.

— Рано или поздно здесь появится полиция, которая будет задавать те же вопросы. — Харпер окинул взглядом дорогу. — Не знаете, где мог останавливаться Элдерсон во время патрулирования?

— Он часто пил кофе в «Стар-кафе».

— Где это?

— Через четыре мили, у перекрестка.

— Спасибо.

Харпер сел за руль и нажал на газ. Двумя милями дальше, на под пути к кафе, ему встретилась еще одна заправочная станция, на этот раз на той обочине дороги, вдоль которой двигался он сам. Остановившись, Харпер повторил свои вопросы.

— Конечно, я его видел, — сказал немногословный парень с волосами песочного цвета. — Точного времени не заметил, но примерно часа три назад.

— Элдерсон за кем-то гнался?

Парень задумался.

— Да, теперь мне кажется, так и было.

— А что именно происходило?

— Мимо на большой скорости пронесся низкий зеленый «тандербаг», на расстоянии полумили за ним проехал Элдерсон — и тоже явно зря времени не терял.

— Но вы не уверены, что он преследовал «тандербаг»?

— Тогда мне так не показалось: по дороге многие быстро ездят. Но теперь мне сдается, что он вполне мог гнаться за той машиной.

— Вы не заметили, кто в ней был?

— Не могу сказать.

— Кто-нибудь еще видел это? С вами тогда кто-нибудь был?

— Нет.

Харпер поблагодарил и поехал дальше.

Пока он выяснил лишь одно: существует некий зеленый «тандербаг». Поздравлять себя он не стал — чтобы получить эти данные, особого ума не требовалось. Полиция наверняка раскопает то же самое еще до наступления ночи. Харпер опережал полицейских на шаг только потому, что сосредоточился на одном конкретном следе, в

то время как им приходилось иметь дело с сотней ведущих в разные стороны нитей. Харпер весьма уважал полицию.

В «Стар-кафе» бойкая официантка сообщила, что Элдерсон поел у них и ушел около половины второго. Да, с ним никого больше не было. Нет, он не проявлял особого интереса к другим посетителям и ушел один. Нет, она не видела высокого блондина в зеленом «тандербаге».

Она не заметила, в какую сторону уехала полицейская машина номер семнадцать, но вышла, пообещав спросить у других девушек. Вернувшись, официантка сказала, что девушка по имени Дороти видела, как Элдерсон свернул с перекрестка налево.

Харпер поехал в указанном направлении, вдавив педаль газа до упора. Через пятнадцать минут он нашел владельца ресторана, заметившего, как около трех часов дня мимо промчалась полицейская машина номер семнадцать. Свидетель утверждал, что его привлек кокну шум мчащегося на бешеной скорости автомобиля. Тот автомобиль пронесся мимо, прежде чем владелец ресторана его разглядел, зато он успел увидеть мчащегося следом Элдерсона. Да, тогда он подумал, что Элдерсон за кем-то гонится, вероятно за

каким-нибудь придурком-лихачом.

Еще через семь миль Харперу снова повезло, на очередной заправке. Вышедший навстречу ему старик сообщил крайне полезные сведения.

— Вскоре после трех на заправке затормозил «танлербаг», чтобы залить в бак десять галлонов. В машине были трое парней и девушка. Девушка сидела сзади, вместе с одним из парней, и то и дело бросала в мою сторону странные призывные взгляды, пока я стоял рядом со шлангом в руках. Мне пришла в голову мысль, что она хочет закричать, но не осмеливается. Все это мне показалось весьма подозрительным.

— И что вы сделали?

— Тогда — ничего. Я был один, и я уже не так молод. Трое парней могли запросто вышибить мне мозги.

— А что было потом?

— Они расплатились и уехали, так и не поняв, что заставили меня поволноваться. Я вел себя совершенно естественно, поскольку не хотел лишних неприятностей. Но как только они набрали скорость, я вышел на дорогу, чтобы взглянуть на номера.

— Вы заметили номер? — спросил Харпер, надеясь вытащить туз из колоды.

— Нет, чуть-чуть опоздал. Я был без очков, и цифры слишком расплылись.

Заправщик нахмурился, сожалея об упущенной возможности.

— Пару минут спустя не спеша проехала патрульная машина. Я остановил ее и рассказал полицейскому про ту девушку. Он сказал, что разберется, и на полной скорости помчался за «тандербагом».

В слезящихся глазах старика вспыхнула надежда.

— Ему удалось что-нибудь найти?

— Да — собственную смерть. Они выстрелили ему в шею и в живот. Он протянул недолго.

— О господи! — Старик потрясенно сглотнул и с трудом проговорил: — И я отправил его за ними…

— В случившемся нет вашей вины, отец. При данных обстоятельствах вы сделали все, что могли.

Харпер подождал, пока старик придет в себя, потом спросит:

— Эти парни что-нибудь говорили насчет того, откуда они приехали или куда направляются?

— Они произнесли ровно одно слово, и только. Высокий блондин опустит окно и сказал: «Де-

сять». Я спросил про масло и воду, но он лишь раздраженно покачал головой. Все остальные молчали. У девушки был такой вид, будто ей многое хотелось сказать, но она боялась заговорить.

— Как они выглядели? Опишите как можно подробнее.

Старик облизнул губы.

— Блондин сидел за рулем. Крепкий парень лет двадцати пяти, светлые волосы, голубые глаза, сильный подбородок. Чисто выбритый, с приятной интеллигентной внешностью. Его даже можно было бы назвать симпатичным, если бы не взгляд, злобный как у змеи.

— Никаких шрамов или других особых примет?

— Нет, ничего такого не заметил. Хотя вот что скажу — он был очень бледен. Как и двое других. Ну, знаете, как будто они сильно волновались.

Заправщик многозначительно посмотрел на Харпера.

— Судя по тому, что случилось, у них были для этого причины.

— Я тоже так думаю, — согласился Харпер. — Вполне возможно, они недавно покинули тюрьму. Сбежали или были отпущены под залог — скорее всего, первое, судя по их поведению.

— Вот и мне так кажется.

— Они не были пьяны? — спросил Харпер, рассчитывая выйти на след в том месте, где купили выпивку.

— Насколько могу судить, все были абсолютно трезвые.

— Что еще можете добавить?

— Парень рядом с водителем — такой же крепкий, примерно того же возраста. Черные волосы, серые глаза, чисто выбритый. Такой же бледный и с таким же злобным взглядом. Третьего, сзади, я так и не смог толком разглядеть.

— А что насчет девушки?

— Около двадцати лет, карие глаза, каштановые волосы, слегка полновата. Симпатичная, но не красавица. На ней было горчичного цвета пальто, желтая блузка и янтарные бусы. Руку она подняла к окну, на пальце было кольцо с опалом.

— Знак родившегося в октябре. Превосходное описание, отец.

— Как я уже говорил, я обратил внимание на ту девушку, — сказал старик.

— Как были одеты парни?

— Все трое одинаково — темно-зеленые пиджаки, серые рубашки с воротником, темно-зеленые

галстуки. Как будто они были в форме без пуговиц и нашивок. Никогда не встречал подобной одежды, а вы?

— Нет, — признался Харпер — На тюремную одежду тоже не похоже. Возможно, это спортивные костюмы, украденные в каком-нибудь магазине.

Он задавал вопросы еще минут пять и под конец спросил:

— У вас здесь есть телефон?

— Конечно. С задней стороны.

Заправщик проводил Харпера и показал на аппарат.

— Пожалуйста.

— Полиция штата слушает! — прорычал голос в трубке — Капитан Ледсом.

— Мне сегодня везет, — заметил Харпер, бессознательно подтверждая мысли того, кто находился на другом конце провода. — Вы-то мне и нужны.

— Кто говорит?

— Харпер. Помните меня?

— А, значит, кое о чем забыли сообщить?

— Я сообщил вам все, что было мне известно на тот печальный момент. С тех пор я откопал еще кое-что.

— Например?

— Машина, которую вы ищете, — зеленый «тандербаг» недавней модели, в нем сидят трое парней и девушка. У меня есть описания всех, кроме одного.

— Где, черт побери, вы все это узнали? — взорвался Ледсом.

Улыбаясь про себя, Харпер рассказал где и как.

— Почему бы вам не пойти работать в полицию, вместо того чтобы заниматься всякими глупостями вроде ножичков для микробов? — спросил Ледсом.

— Потому что я на пару дюймов ниже необходимого, на шесть дюймов шире, терпеть не могу дисциплину и хочу жить.

— Сейчас пошлю туда машину, — проворчал Ледсом. — Может, ребята еще что-нибудь разузнают. А пока выкладывайте все, что накопали.

Харпер перечислил все полученные сведения.

— Очевидно, теперь мы имеем два следа, по которым я пойти не могу, даже если бы хотел, — закончил он свой рассказ — Это уже ваша работа, вам и карты в руки. Первый след — не сбежали ли трое, соответствующие данному описанию, недавно из тюрьмы или были выпущены оттуда? Второй — не было ли недавно объявлено о

пропаже девушки, соответствующей данному описанию?

Ледсом понимающе усмехнулся.

— Этим мы займемся. Плюс еще шесть ниточек, которые вы упустили.

— Например?

— Где они взяли одежду, которая на них, деньги, которые они тратят, машину, на которой едут, оружие, из которого стреляли?

Капитан немного помолчал, потом продолжил:

— Мы разошлем информацию и, возможно, кое-что выясним. Если повезет — узнаем номера «тандербага». Десять к одному, что он угнан.

— Я мог бы и дальше ехать в ту же сторону и, возможно, узнать что-нибудь еще, — сказал Харпер. — Может, они завернули куда-нибудь, чтобы поесть или выпить пива, и люди подслушали их разговоры. Но мне-то зачем беспокоиться? За что я плачу налоги? У меня и своих дел хватает.

— Вы спорите с собой, а не со мной, — заметил Ледсом. — Никто вас не просит ничего делать, никто от вас этого не ожидает. Конечно, — поспешно продолжил он, — мы по-настоящему ценим оказанную вами помощь. У вас отлично развито чувство гражданского долга. Многое в

нашем деле было бы куда проще, будь все люди такими же, как вы.

Харпер подозрительно взглянул на телефонную трубку.

— И почему в сельской местности на телефонах нет видеоэкранов?

— К чему вы это?

— Тогда можно было бы видеть выражение лица человека, когда он к тебе подлизывается.

Повесив трубку, Харпер повернулся к старику.

— Полиция уже едет. Лучше еще раз все обдумайте и постарайтесь вспомнить любые подробности, которые могли упустить. Им потребуется все, что вы сможете рассказать.

Вернувшись к машине, Харпер сел за руль, довольный, что оставил позади этот небольшой эпизод. Больше дело его не касалось — его, случайного свидетеля, который лишь ненадолго задержался и вновь отправился по своим делам.

Он еще не знал, как сильно ошибается.

Глава 2

Остановившись в следующем городке, Харпер нашел подходящую гостиницу, снял комнату на ночь и весь вечер смотрел третьеразрядное шоу. Прежде чем лечь спать, он прослушал полуночный выпуск новостей, но в них лишь коротко упомянули об убийстве и, как обычно, успокоили публику заявлением, что полиция надеется арестовать преступника по горячим следам.

Стереовидение — которое все называли не иначе как «занудством» — уделило преступлению чуть больше внимания, проиллюстрировав репортаж изображениями полицейских и их помощников, обшаривающих лесную дорогу.

Как радио, так и видео куда больше интересовались причудами погоды, спортивными результатами, ракетной гонкой вокруг земного шара и запутанными юридическими сражениями между правительством и Лунной строительной компанией. По утверждению последней, правительство пыталось воспользоваться монополией на транспортное сообщение между Землей и Луной, чтобы полностью завладеть ЛСК вместе

со всеми ее прибылями. ЛСК упорно защищалась — то была десятилетняя борьба частного предприятия против вмешательства бюрократии.

Последнюю часть этой борьбы Харпер созерцал в роли зрителя, предвидящего, что в будущем может стать слишком великим и процветающим. Ему часто приходилось сотрудничать с официальными организациями, но, к счастью, это сотрудничество было построено на основе взаимной выгоды, а не диктата. Тем не менее он сочувствовал ЛСК.

Спал он крепко, проснулся в восемь, позавтракал, провел утро в исследовательских лабораториях Шульца-Мастерса, которым требовались особого рода микроманипуляторы и где Харперу льстили, полагая, что только он в состоянии их изготовить. В час дня, после того как две серьезные технические проблемы были решены, а с двумя еще предстояло разобраться, Харпер ушел с предварительным заказом в кармане.

Пообедав, он направился в сторону дома, и в половине четвертого, в сорока милях от места вчерашнего убийства, его остановила патрульная машина с двумя полицейскими. Один из них вылез и подошел к Харперу.

Харпер наблюдал за его приближением с

удивлением и интересом, поскольку в мозгу полицейского крутилась лишь одна мысль: «Может, да, а может, нет, но если да, на этот раз ему просто так не уйти!»

— Что-то не так? — спросил Харпер.

— Вы Уэйд Харпер?

— Да.

— Насчет вас полчаса назад было получено сообщение. Капитан Ледсом хочет вас видеть.

— Я уже виделся с ним вчера.

— А теперь — сегодня, — напомнил полицейский.

— Могу я поговорить с ним по вашей рации?

— Он хочет видеть вас лично.

— Не знаете, по какой причине?

Полицейский пожал плечами. Судя по его мыслям, он действительно этого не знал, но считал Харпера главным подозреваемым просто потому, что тот требовался начальству. Мысли полицейского показывали также, что в случае отказа он и его товарищ готовы приступить к незамедлительным действиям.

— Хотите сказать, мне придется потратить время на то, чтобы проехать до полицейского участка?

— Именно так.

Полицейский нетерпеливо махнул рукой.

— Разворачивайтесь и поехали. Не слишком быстро и без фокусов. Мы поедем следом.

Чувствуя легкое раздражение, Харпер подчинился. Он не особо спешил, время у него было, но ему не нравилось, когда ему отдавали категорические приказы те, в чьих мыслях напрочь отсутствовали разумные мотивы.

Подобное отношение выработалось у него еще с тех пор, как он носил короткие штанишки. Обладатель разума, умеющего читать мысли, терпеть не мог, когда тот, чей разум был на такое не способен, пытался диктовать ему свою волю. В подобных случаях Харпер чувствовал себя зрячим, которого пытается вести за собой слепой.

Иногда, в моменты задумчивости, он ругал себя за такие мятежные наклонности. Он был мысленно одинок, полностью лишен близкого контакта с подобным ему интеллектом и не хотел, чтобы осознание собственной исключительности породило у него комплекс превосходства. Харпер не имел ни малейшего желания быть скромным, но еще меньше желал быть высокомерным. Он был из тех, что ищут золотую середину.

Нехотя войдя в кабинет Ледсома, Харпер упал в заскрипевшее под его тяжестью кресло и во-

инственно уставился через стол на капитана, читая его изменившиеся мысли также легко, как обычный человек читает книгу.

— Ну вот, я здесь.

— На этот раз наш разговор записывается, — многозначительно сказал Ледсом и, наклонившись, включил аппарат. — Где вы были позапрошлой ночью?

— В гостинице.

— В какой?

Харпер сказал.

— Когда вы оттуда уехали? — продолжал расспросы Ледсом.

— В половине десятого.

— Где вы провели утро?

— На эпидемиологической станции.

— До какого времени там пробыли?

— Примерно до часа. Потом пообедал.

— Где?

— В «Катэе», китайском ресторане.

— С кем?

— Ни с кем. Я был один. Послушайте, в чем дело?

Этот вопрос был лишь прикрытием. Харпер уже знал, в чем дело, поскольку наблюдал за суматошными мыслями Ледсома.

— Неважно, мистер Харпер. Просто отвечайте на вопросы. Вам ведь нечего бояться, не так ли?

— А кто вообще ничего не боится? В любое мгновение архангел Гавриил может протрубить в свой рог.

— Вы знаете, что я имею в виду.

Во взгляде Ледсома не осталось ни следа от вчерашнего дружелюбия.

— В какое время вы уехали из «Катэя»?

— Около двух, плюс-минус пять минут.

— А потом?

— Поехал в Хейнсборо. Сегодня у меня были дела в лаборатории Шульца-Мастерса.

— Вы ехали по тому же шоссе?

— Конечно. Прямой дорогой.

— В какое время вы вчера проезжали мимо лесной дороги? — В четыре.

— А теперь расскажите подробно, что произошло после.

— О господи! Я ведь уже все вам рассказал. Вы все записали.

— Знаю. И теперь хочу услышать снова.

«Лжецу нужна хорошая память, — добавил капитан, ошибочно полагая, что мысли его остаются в секрете, — Туг-то мы и найдем противоречия в его истории. Если такие противоречия будут».

Харпер мрачно изложил всю историю во второй раз под мерное жужжание магнитофона. Рассказ его ничем не отличался от вчерашнего. Он это знал, и Ледсом тоже знал.

— Насчет вашего пистолета, — сказал Ледсом. — У вас ведь нет привычки носить еще один, скажем, тридцать второго калибра?

— Нет.

— В лесу имеется достаточно большой и глубокий пруд, примерно в пятидесяти ярдах от того места, где был убит Элдерсон. Вы заметили?

— Я не заходил в лес.

— Вы знали о существовании пруда?

— Нет.

— Вы сказали, что свернули в лес с определенной целью. Вероятно, то, что вы обнаружили, помешало вам ее осуществить. Но потом вы выполнили то, ради чего свернули с шоссе?

— Да.

— Когда?

— После того как связался с Форстом по радио.

— Вы нашли Элдерсона, вызвали полицию, а после углубились в лес?

— Мне незачем было углубляться в лес, рядом не было женщин.

Не обращая внимания на это замечание, Лед-

сом продолжал:

— В какое время вы уехали из гостиницы вчера утром?

— Вы уже спрашивали. В половине десятого.

— И где провели все утро?

— На эпидемиологической станции. Если вы пытаетесь меня на чем-то подловить, зря теряете время. Мы можем потратить на это целую неделю.

— Ладно. — Ледсом сменил тактику. — Если у вас были дела у Шульца-Мастерса, почему вы отправились туда только сегодня?

Харпер устало вздохнул.

— Во-первых, встреча была назначена на сегодня, а не на вчера. Во-вторых, я добрался до Хейнсборо слишком поздно, чтобы заниматься делами. Собственно говоря, было уже слишком поздно, когда я уехал отсюда.

— Именно это нас и интересует, — сообщил Ледсом, пристально глядя на Харпера. — Когда мы закончили разбираться с вами, вы уже сильно опаздывали. Но несмотря на это, потратили время на поиски четырех человек в «тандербаге». Зачем?

— Элдерсон умер у меня на руках. Мне это не понравилось.

Ледсом вздрогнул, но не сменил тему.

— То была единственная причина?

— Главная.

— А не главная?

— Мой день все равно был испорчен. Пара часов уже ничего не меняла.

— И у вас не было других мотивов?

— Был один, — неохотно признался Харпер.

— Назовите его.

— Я получил некоторое удовлетворение, лично найдя следы убийц.

— Если они были убийцами, — заметил Ледсом.

Он выключил запись и, немного подумав, сказал:

— Несколько часов назад я не сомневался в этом, но теперь уже не так уверен.

Капитан не сводил с собеседника глаз, ожидая реакции.

— Мы откачиваем воду из того пруда. Возможно, найдем пистолет и узнаем, кто им воспользовался.

— Вы имеете в виду меня?

— Я этого не говорил.

— Каждая черточка вашего лица намекает на это. — Харпер пренебрежительно махнул рукой.

— Я не могу винить вас в том, что вы подозреваете всех и каждого. Я мог убить Эддерсона. Время, место и обстоятельства вполне сходятся. Недостает только оружия и мотивов. Вам потребуется чертова уйма времени, чтобы попытаться найти мой мотив. До того момента я ни разу не видел Эддерсона.

— У нас тут года четыре назад случилось бессмысленное убийство, — ответил Ледсом. — Двое братьев поссорились из-за какой-то ерунды, каждый не хотел уступать, постепенно от споров они перешли к оскорблениям, а затем бросили друг другу вызов. Наконец более горячий застрелил другого, после чего попытался скрыть вину, отвлекая внимание от собственной персоны. Ему это почти удалось — но все-таки не удалось!

— Значит, я поехал следом за Элдерсоном, остановил автомобиль позади его машины, обменялся с ним парой фраз. Слово за слово, я не сдержался, дважды выстрелил в него, бросил пистолет в пруд и вызвал вас, чтобы вы приехали взглянуть на место преступления. — Харпер криво усмехнулся. — Пора проверить, все ли у меня в порядке с головой.

— Я вынужден рассматривать любые возможности, — сказал Ледсом. — Я только что задал вам

множество вопросов. Вы согласны снова ответить на них с использованием детектора лжи?

— Однозначно — нет!

Ледсом глубоко вздохнул.

— Вы понимаете, что нам придется сделать выводы из вашего отказа?

— Можете делать с ним что угодно. Полиграф — всего лишь возмутительное псевдонаучное устройство, и его показания не принимаются в качестве законного свидетельства.

— С его помощью удалось получить несколько признаний, — возразил Ледсом.

— Да, у девиц и сосунков. Я сам разрабатываю высокоточные научные приборы. Только притащите полиграф в суд, и я все время буду твердить, какого я о нем мнения.

Эти слова встревожили Ледсома. Судя по его мыслям, он верил, что Харпер вполне на такое способен и имеет на то право. Капитан отказался от идеи применить детектор лжи, пожалев, что вообще о нем упомянул.

— Вы еще упомяните скополамин! — для полной меры предложил Харпер. — Только дайте мне шанс — и я добьюсь, чтобы скополамин вообще запретили.

Он подался вперед, зная, что их роли поменя-

лись, пусть на мгновение: на несколько секунд он стал следователем, а Ледсом — подозреваемым.

— С точки зрения закона чем я подозрительнее тех панков из «тандербага»? Или вы считаете их всего лишь моей выдумкой и думаете, будто я подкупил свидетелей, чтобы подтвердить свой рассказ?

— Те парни существуют. У нас есть тому доказательства.

— И что же?

— Два часа назад мы нашли девушку. Ее рассказ не вяжется с вашим. Кто-то лжет.

Откинувшись на спинку кресла, Харпер задумчиво посмотрел на капитана.

— Значит, вы нашли девушку. Ее рассказ — коммерческая тайна?

Немного подумав, Ледсом решил, что ему нечего терять.

— Она опоздала на автобус и стала ловить попутку. Ее подобрали трое парней на зеленом «тандербаге». Они были в веселом настроении и повезли ее долгим кружным путем, притворившись, будто похитили девушку. На той заправке она действительно была напугана, но, подурачившись еще немного, парни высадили ее там, где она просила. То было всего лишь шуткой.

— А Элдерсон?

— Она его не видела и ничего о нем не знает.

— Но он преследовал их машину.

— Знаю. Девушка утверждает, что блондин непонятно зачем несся как сумасшедший, поэтому, возможно, Элдерсон их так и не догнал.

— Вы верите в эту байку?

— Я не верю ничему, что не подтверждено доказательствами. Но ее версия заставляет серьезно усомниться в вашей.

— Ладно. Я знаю, вы намерены проверить мои показания. Проверьте и ее показания тоже и выясните, все ли сходится.

— Мы уже частично проверили вас обоих и намерены покончить с этим как можно быстрей. Девушка не знает имен трех парней, она вообще ничего о них не знает, кроме того, что нам уже известно. Номер машины она не заметила. Собственно, ей это было ни к чему, поскольку она не пострадала.

— Очень полезные сведения.

— Но остальное выглядит вполне убедительно, — сказал Ледсом. — Она — девушка с прекрасной репутацией, из очень уважаемой семьи. Она ушла из дома именно тогда, когда сказала, опоздала именно на тот автобус, про который

говорила, двое свидетелей видели, как ее предложили подвезти. Она прибыла в пункт назначения в названное время и может это доказать.

— Те парни везли ее длинным кружным путем?

— Да. Им было очень весело.

— Неплохой способ объяснить, как ты потратил время… Которое ушло в числе прочего на то, чтобы остановиться, пару раз выстрелить и проехать семнадцать миль по лесной дороге.

— Послушайте, мистер Харпер, с тех пор как был застрелен Элдерсон, миновали почти сутки. Все, что у нас есть, — вы и та девушка. И мне известно только, что кто-то стрелял, а кто-то лжет.

— Если девушка говорит правду, в чем я, с вашего позволения, усомнюсь, — проговорил Харпер, — существует лишь один вариант. Кто-то третий ходит на свободе, не вызывая подозрений, и посмеивается втихомолку.

— Тому нет ни малейших доказательств.

Ледсом поколебался, прежде чем продолжить:

— Я бы даже не стал вести с вами эту беседу, если бы за вас не поручились служители закона вашего родного города. С их мнением приходится считаться.

— Полагаю, да.

— Потому скажу вам еще кое-что. Описание тех трех парней не подходит ни к одной троице, освобожденной или сбежавшей из тюрьмы в этом году.

— Как насчет военной тюрьмы? Старику на заправке показалось, что они одеты в форму без знаков различия.

— Никакая военная, морская или летная форма не подходит под это описание.

— В нашей стране. Возможно, они иностранцы.

— Девушка утверждает обратное. Они свободно разговаривали и знали местность как свои пять пальцев.

— Вы спрашивали у представителей властей, не существует ли хоть сколько-нибудь похожей формы?

— Нет. Девушка согласна, что их одежда выглядела несколько официально, и считает, что на них могло быть обмундирование, списанное из армейских запасов, выкрашенное в зеленый цвет. Если так, вряд ли нам удастся его найти. Старые армейские кители попадают на рынок тысячами.

— Как насчет машины? Вы полагали, что она могла быть угнана.

— На данный момент у нас есть сведения о десяти машинах, похищенных в разных частях страны. Четыре из них зеленого цвета. Мы срочно запросили номера этих четырех. Найти их пока не удалось.

Ледсом мрачно посмотрел в окно.

— В любом случае они могли перекрасить машину и сменить номера. Или она принадлежит им на законных основаниях. Или взята напрокат. «Тандербаг» — популярная модель. Потребуются месяцы, чтобы проверить все автомагазины и прокатные конторы от побережья до побережья.

Харпер задумался.

— Что ж, если машина вам когда-нибудь попадется, вы ее сразу опознаете. У вас есть отпечатки шин, и это немало.

— Отпечатки вовсе не обязательно принадлежат разыскиваемой машине. По лесной дороге в тот день мог проехать кто угодно. Мы выяснили только, что отпечатки не принадлежат ни одному из лесовозов. А еще — что трое парней не соответствуют описанию никого из бывших или нынешних сотрудников лесозаготовительных компаний.

— Что бы ни говорила девушка, я все-таки думаю: это именно те ребята, которых вы ищете.

— Девушка оказалась невольным свидетелем и ни в чем не виновата. Зачем ей прикрывать компанию незнакомцев?

— Возможно, они не были незнакомцами, — предположил Харпер.

— В смысле?

— Из того, что ее подвезли, вовсе не следует, что она не была с ними знакома.

— Она клянется, что никого из них не знала.

— Можете не сомневаться: она бы так и сделала, если бы один из них оказался ее безумным поклонником или беспутным родственником.

— Гм! — Ледсому подобное предположение показалось возможным, хотя весьма маловероятным. Он записал что-то в блокноте. — Полиция ее города сообщила нам сведения о ее личности, обстановке в семье, положении ее родителей и прочем. Возможно, стоило копнуть поглубже.

— Если она лжет насчет убийства, у нее должны быть для этого очень серьезные причины. Может, ее запугали. Может, ее убедили в том, что вернутся и перережут ей горло, если она осмелится сказать лишнее.

— Ошибаетесь, — решительно заявил Ледсом. — Я давно занимаюсь этой работой и могу понять, когда подозреваемый втайне чего-то боится. Но

она не боялась, а была искренне сбита с толку, потому что угодила в странную историю.

— Я тоже подозреваемый. Куда более серьезный, судя по тому, что сейчас происходит. Думаете, я напуган?

— Нет, — признал Ледсом.

— А мне следовало бы бояться, если бы преступление совершил я. Но я его не совершал.

— Кто-то совершил. И это пока все, что нам известно.

Ледсом пристально посмотрел на Харпера.

— Я могу задержать вас на двадцать четыре часа. И задержал бы, будь у меня шанс предъявить вам за это время хоть какое-то обвинение. Но ровно сутки потребуется лишь на то, чтобы осушить пруд. Так что можете идти. И да поможет вам бог, если мы вытащим из пруда пистолет, который можно будет приписать вам.

— Я буду весь на нервах.

Харпер угрюмо вышел и весь путь до дома проделал в задумчивом молчании. На протяжении семисот миль ему встретилось по крайней мере полсотни «тавдербагов», но ни в одном из них не было тех, кто походил бы на пропавшую троицу.

Глава 3

На небольшом заводике Харпера трудились шесть рабочих — близоруких, но с ловкими пальцами.

В кабинете Харпера едва хватало места для его стола и стола секретарши, одновременно выполнявшей обязанности стенографистки и телефонистки. Мойра была натри дюйма выше своего босса и примерно вдвое его тоньше. Стрела Купидона никоим образом не могла залететь в эту комнату, что Харпера вполне устраивало.

Сидя за столом, он разглядывал под мощным увеличительным стеклом набор миниатюрных стеклянных пинцетов, когда вошел Райли и в два шага оказался посреди кабинета. Облик Райли сразу выдавал в нем переодетого полицейского.

— Доброе утро, лейтенант, — приветствовал его Харпер, лишь на мгновение оторвавшись от работы.

— Доброе утро, неандерталец.

В помещении не имелось лишних стульев, не было и места для них, поэтому Райли устроился на краю стола. Наклонившись, он заглянул в

увеличительное стекло.

— Удивительно, как такие большие волосатые лапы могут управляться с подобной мелочью.

— Почему бы и нет? Ты же ковыряешь в зубах, верно?

— Не будем касаться моих личных привычек. — Райли осуждающе посмотрел на Харпера, — Лучше обсудим некоторые из твоих.

Вздохнув, Харпер убрал пинцеты в выстланный бархатом футляр и спрятал футляр в ящик, после чего отложил увеличительное стекло в сторону и поднял глаза.

— Например?

— Каждый раз оказываться там, где что-то случается.

— Как будто я делаю это нарочно.

— Не знаю. Порой меня это удивляет. Слишком уж странно.

— Ближе к делу, — посоветовал Харпер.

— Нам только что позвонили. Хотят знать, на месте ли ты, а если нет, почему.

— Что ж, я на месте. Так им и скажи.

— Мне очень интересно, зачем они хотят это знать, — многозначительно заметил Райли.

— Тебе ведь сказали — в иле ничего не нашли.

— В иле? Каком иле?

— На дне пруда, — улыбнулся Харпер — И еще тебя спрашивали, нет ли у меня пистолета тридцать второго калибра.

— Ты прав. Звонил капитан Ледсом. Он сообщил мне все подробности.

— После чего вы вдвоем немедленно раскрыли дело, — предположил Харпер. — Две головы всегда лучше, чем одна.

— Дело должен раскрыть ты, — сказал Райли.

— Я? — Харпер потер щетинистый подбородок. — Мойра, вышвырни его отсюда.

— Сам выполняй свою грязную работу, — велел Райли. — Ты ведь не платишь ей еще и за обязанности вышибалы?

Он повернулся к Мойре.

— Сколько ты получаешь, красавица?

— Маловато, — хихикнула Мойра.

— Стыд и позор, — заявил Райли. — Не понимаю, почему ты торчишь у этого волосатого мастодонта.

— Ну и словечки, — заметил Харпер. — Могу поспорить, ты и читать умеешь.

— Даже не шевеля губами, — похвастался Райли. — Перейдем к делу. Твой бизнес может вылететь в трубу, пока ты будешь играть в Шерлока Холмса.

— Почему?

— Во-первых, я сказал Ледсому, что ты можешь раскрыть загадку, если тебя постоянно пинать. Поэтому он хочет, чтобы я тебя хорошенько пнул.

— А во-вторых?

— Объявлена награда за информацию, которая поможет схватить и осудить убийцу или убийц. Поскольку ничто человеческое тебе не чуждо, ты наверняка найдешь деньгам достойное применение.

— И все?

— Не совсем. Самое интересное я приберег напоследок.

Райли улыбнулся, показав большие зубы.

— Час назад Ледсому позвонил какой-то хрипатый тип и сообщил, что видел, как Элдерсон спорил с неким здоровяком, смахивавшим на тебя. Догадываешься, кем ты после этого становишься?

— Козлом отпущения, — мрачно сказал Харпер.

Райли кивнул.

— Мы бы тебя арестовали и выбили из тебя признание, если бы не два обстоятельства. Первое — мы слишком хорошо тебя знаем, чтобы

поверить, будто ты мог такое совершить. Второе — у нас нет под рукой свидетеля, который мог бы тебя опознать.

— Почему?

— Высказавшись, хрипатый бросил трубку. Так что Ледсом не знает, кто звонил.

— Выглядит подозрительно.

— Некоторые терпеть не могут ввязываться в лишние неприятности, — заметил Райли. — Тем более жаль.

— Меня это не удивляет. Я сам слишком верен гражданскому долгу. И посмотри, к чему это привело.

— Сам вляпался — сам и выбирайся.

— У меня нет времени, — пожаловался Харпер.

— За решеткой оказаться тебе тоже вряд ли охота, — заметил Райли — Если Ледсом попросит нас тебя арестовать — нам придется это сделать.

— Думаешь, подобный оборот возможен?

— Кто знает. Зависит оттого, какие еще доказательства они найдут.

— Если они найдут нечто указывающее на меня — это будет чистейшим совпадением.

— Небольшое утешение, когда сидишь в ожидании суда, — заявил Райли. — Как только Ледсом сочтет, что у него достаточно доказательств, что-

бы убедить присяжных, он тебя арестует. Потом может оказаться, что он ошибся, и доказательства присяжных не удовлетворят. Но даже если тебе удастся выйти сухим из воды, ты все равно попадешь под жернова и потеряешь кучу терпения, времени и денег.

— У них не больше шансов меня привлечь, чем у целлулоидного котенка, если они не найдут того хрипатого свидетеля, который меня опознает, — бесстрастно проговорил Харпер. — Но даже это не послужит доказательством. В лучшем случае это позволит предположить, что у меня имелся некий мотив для убийства. А если свидетель меня опознает, он будет лжецом, который что-то знает об убийстве и пытается отвлечь внимание следствия. Он не может объявиться, не угодив в число подозреваемых.

— Возможно. Чтобы это выяснить, нужно его разыскать и выбить из него правду.

— Полиция штата может заняться этим сама.

— Возможно, — сказал Райли. — А возможно, и нет.

— Возможно, я тоже не смогу.

— В этом я вовсе не уверен. За последние несколько лет ты успел поучаствовать кое в чем дьявольски интересном.

— Например?

— Например: убийство Грейс Услтерсон двенадцать лет оставалось нераскрытым — до тех пор, пока ты, сидя на скамейке в парке, не услышал, как пьяный бродяга бормочет о нем во сне. Ты сообщаешь об услышанном нам, мы хватаем бродягу, он во всем признается.

— Простое везение, — заявил Харпер.

— В самом деле? Дело Грейс Уолтерсон давно было забыто, к тому же случилось не в нашем округе. Нам пришлось проверять сведения по всей стране, чтобы выяснить подробности. Да, ее действительно убил тот человек. Он действительно был пьян, как ты и сказал. Лишь в одном его рассказ не сходился с твоим.

— В каком?

— Он не спал и не бормотал. Он клянется, что хоть и был подшофе, но не спал, а сидел молча, когда ты незаметно ускользнул и вернулся с патрульным полицейским.

— Он написал свое признание на бумаге, и я ее съел, — сказал Харпер. — Просто не могу удержаться, чтобы не закусить бумагой.

Он хмуро посмотрел на Райли.

— Ты несешь чушь. Этот пьяница вслух признался, какое бремя лежит на его совести, и тем

самым выдал себя.

— Ладно, — Райли пристально взглянул на Харпера. — Но именно тебе надо было оказаться рядом, когда он себя выдал. Затем — дело Тони Джакомо. Тот грабит банк, убивает двоих, а ты случайно оказываешься рядом два дня спустя, когда он…

— Хватит, — устало сказал Харпер. — Мне тридцать семь лет, я пообщался с девятью людьми, которых разыскивала полиция, и ты притворяешься, что в этом есть нечто удивительное. А со сколькими ты сам посидел рядышком за полвека своей греховной жизни?

— Должен признаться, со многими. Но ни один не говорил мне, что он в розыске, и не умолял его забрать.

— Мне тоже никто такого не говорил.

— Все совершал и одну и ту же ошибку — оказывались рядом с гобой. Ты сильно увеличил нам раскрываемость, и комиссар считает тебя чуть ли не богом. Мне же ты больше напоминаешь дьявола. Несомненно, во всем этом есть нечто странное.

— Тогда скажи, что именно.

— Не могу, — признался Райли. — Не могу дать разумного объяснения.

— Некоторые вечно оказываются там, где что-то случается, — заметил Харпер, — И ничего не могут с этим поделать. Просто так уж выходит. Возьми, к примеру, мою тетку Матильду…

— Пусть ее берет кто-нибудь другой — а я женат, — сказал Райли. — Ты собираешься раскрыть это дело или предпочитаешь сидеть на жирной заднице до тех пор, пока я не приказал тебя арестовать?

— Какая обещана награда?

Райли возвел глаза к потолку.

— Он слабеет при мысли о деньгах. Пять тысяч долларов.

— Я подумаю.

— Если ты рассчитываешь подождать, пока награду поднимут, — предупредил Райли, — ты можешь вообще опоздать. Судя по голосу Ледсома, он достаточно зол, чтобы отправить за решетку собственную мать.

С этими словами Райли коротко кивнул Мойре и вышел.

Харпер и секретарша молча слушали, как удаляются по коридору тяжелые шаги.

— Мойра, ты чувствуешь во мне нечто странное?

— О нет, мистер Харпер, — заверила она.

И она говорила правду. В мыслях Мойры читалось, что ей хотелось бы, чтобы босс был дюймов на десять повыше и лет на десять помоложе — это могло бы добавить некоторой пикантности конторской работе. Но только и всего: самые сильные эмоциональные запросы Мойры удовлетворялись где-то за пределами этого кабинета.

Харпер не стал глубже погружаться в ее мысли. Его жизнь на-поми нала жизнь человека, идущего через ночной город с хорошо освещенными спальнями, окна которых распахнуты настежь. Он пытался не подсматривать, он не хотел смотреть, но часто избежать этого не удавалось. Он вторгался в частную жизнь по двадцать раз на дню и столько же раз об этом сожалел.

— Райли, похоже, несет ерунду.

— Да, мистер Харпер.

Наутро Харпер позвонил Райли.

— Что-то мне не по себе от нашего вчерашнего разговора.

— На что я и рассчитывал.

Райли самодовольно ухмыльнулся с крошечного видеоэкрана.

— В моем деле все под контролем и организовано получше, чем в некоторых полицейских управлениях, — сказал Харпер, — Думаю, я могу

позволить себе отпуск на несколько дней без риска обанкротиться. Но вслепую действовать не намерен.

— Что ты имеешь в виду?

— Прежде всего — я ничего не добьюсь, если ребята Ледсома схватят меня скуки ради, едва я шагну за порог.

— Я за прослежу этим, — пообещал Райли. — Они оставят тебя в покое — если не сумеют доказать, что тебя можно брать тепленьким.

— Мне нужны адреса вдовы Элдерсона и той девушки. Атак-же типа, который звонил Ледсому, — если им удалось выяснить, кто он такой был.

— Предоставь все мне. Перезвоню, как только смогу.

Харпер повесил трубку, глядя, как темнеет экран. Ему не нравилась ситуация, в которой он оказался. То, что он ввязался в историю с убийством, волновало его меньше всего — рано или поздно загадка должна была разрешиться. Беспокоило его совсем другое, а именно — подозрения неуклюжего, но сообразительного Райли. В течение долгого времени умение Харпера обнаруживать злодеев оставалось для всех тайной. У Райли не было на этот счет веской теории, и все-таки он взял Харпера на заметку как прирож-

денного охотника на ведьм.

На самом деле все обстояло довольно просто. Харпер давным-давно обнаружил, что, если достаточно долго смотреть на человека с нечистой совестью, тот насторожится и в голове его во всех подробностях возникнет картина совершенного им преступления. За последние десять лет Харпер девять раз бросал рассеянный взгляд на людей, в мозгу которых срабатывал мысленный сигнал тревоги. Сами того не подозревая, люди эти сообщали Харперу, почему срабатывал такой сигнал, в буквальном смысле слова силой собственной мысли отправляя себя в тюрьму или на электрический стул.

Харпер легко мог представить, что бы началось, если бы все вокруг узнали, что их мысли вовсе не являются их нераздельной собственностью. У него не осталось бы друзей, кроме таких же телепатов, как он сам, — если таковые существовали.

Что касается преступников, те наверняка сделали бы все, чтобы отравить его на тот свет. Удовольствие, которое Харпер получал от жизни, тщательно скрывая свою сущность, сменилось бы непрерывным кошмаром.

В ожидании звонка Райли Харпер мрачно развлекался, представляя себе, как именно мог бы

погибнуть от рук испуганных преступников. Естественно, они не могли прибегнуть к обычным методам, подкараулив его с пистолетом в темном переулке. Убийце не удалось бы не думать о том, что он собирается совершить, а это предупредило бы жертву о грозящей опасности. Не годилась любая тактика, подразумевавшая присутствие живого, мыслящего разума.

Им пришлось бы воспользоваться автоматическим, дистанционно управляемым устройством, которое не смогло бы выдать своих намерений. Например, бомбой с часовым механизмом.

Однажды утром Харпер мог прийти в свою контору, весело поздороваться с Мойрой, сесть за стол, открыть ящик, и… бах! А когда рассеялся бы дым, Харпер узрел бы загробную жизнь — если таковая вообще существует.

Возможно, полиция заинтересовалась Харпером именно потому, что он сообщал о преступлениях слишком открыто и слишком часто. Поступал он так по большей части потому, что терпеть не мог оказываться рядом с тем, кто безнаказанно совершил злодеяние; с тем, кто в любой момент мог попытаться совершить подобное еще раз. Это шло вразрез с чувством справедливости Харпера. И ему нравилось со-

знавать, что наконец-то очередная несчастная жертва дождалась отмщения.

Однажды Харпер обнаружил, преследовал и в конце концов пристрелил типа, совершившего семь изнасилований и одно убийство при отягчающих обстоятельствах. Харпер просто не мог позволить подобной мрази и дальше разгуливать по улицам… Позволить только ради того, чтобы не попасть под подозрения Райли.

Возможно, в будущем будет лучше сообщать полиции сведения не напрямую, а, скажем, с помощью анонимного телефонного звонка. Впрочем, вряд ли это поможет. Харпер стал слишком известной личностью, полиции недолго придется гадать, от кого поступил донос. Любой полицейский — от комиссара и ниже — сможет сложить два и два и получить четыре.

Зазвонил телефон, на экране появился Райли.

— Я узнал два адреса.

Он продиктовал их Харперу и добавил:

— Автора анонимного звонка так и не нашли, но Ледсом считает, что теперь это не имеет значения. Они разыскали парня, похожего на тебя, который тем утром повздорил с Элдерсоном. Свидетелей было несколько, и звонивший, вероятнее всего, был одним из них.

— Чем занимался тот забияка в четыре часа дня?

— Он чист. Он находился за много миль от места убийства и может это доказать.

— Гм… ладно. Поеду посмотрю что и как. И надеюсь, везения мне хватит.

— По-твоему, это везение? — многозначительно спросил Райли.

— Скорее проклятие, на мой взгляд, — сказал Харпер. — Если бы ты стал отцом десяти пар близнецов, ты бы понял, как порой могут страдать мужчины.

— Вернее, я понял бы, как некоторые из них сами нарываются на неприятности, — возразил Райли, — Но это твои проблемы, так что сам их и решай!

Он исчез с экрана. Харпер вздохнул в третий раз, сунул листок с адресами в карман и повернулся к Мойре.

— Буду звонить каждый день и узнавать, как тут дела. Если не сумеешь справиться с чем-то срочным и важным, тебе придется подождать моего звонка.

— Да, мистер Харпер.

— А если явится кто-нибудь, чтобы меня арестовать, скажи, что они опоздали — я в бегах.

— О, мистер Харпер!

Рут Элдерсон оказалась симпатичной блондинкой с грустными глазами, которая явно еще не пришла в себя после случившегося.

Харпер сидел напротив нее, бесцельно вертя в руках шляпу.

— Мне крайне неприятно беспокоить вас в такое время, миссис Элдерсон, но это необходимо. У меня к этому делу особый интерес. Я нашел вашего мужа, я был последним, кто с ним разговаривал.

— Он… — Женщина судорожно сглотнула, жалобно глядя на него, — Он… очень страдал?

— Все произошло очень быстро. Вряд ли он даже почувствовал боль. Он говорил о вас, а потом замолчал. «Бетти, — сказал он, — Бетти». И его не стало.

Харпер озадаченно нахмурился.

— Но ведь вас зовут Рут?

— Он всегда называл меня Бетти. Говорил, это имя мне очень подходит.

Она неожиданно расплакалась, закрыв лицо руками. Харпер молча смотрел на нее.

Когда женщина немного успокоилась, он сказал:

— Есть маленький шанс, что вы можете помочь

найти того подонка, который это сделал.

— Как?

— Скажите, у Боба были враги?

Она задумалась, с трудом собираясь с мыслями.

— Он арестовал довольно много народу. Некоторых отправили в тюрьму. Не думаю, что его за это очень любили.

— Кто-нибудь из тех людей обещал с ним расправиться, когда выйдет?

— Если да, муж никогда при мне о таком не упоминал. О подобных вещах не говорят.

Она немного помолчала.

— Четыре года назад он арестовал человека по имени Джозеф Грундофф и рассказывал, что, когда выносили приговор, Грундофф поклялся убить судью.

— Но вашему мужу он не угрожал?

— Насколько я знаю, нет.

— Вы не помните ни одного случая, чтобы кто-то угрожай именно вашему мужу?

— Нет.

— Или просто ненавидел его за то, что тот исполнял свой долг?

— Дважды в неделю ему приходилось нарываться на скандалистов, — устало сказала

женщина. — Он часто приходил домой, злясь на кого-нибудь. Но насколько я знаю, между полицией и штатскими часто бывают трения. Я не знаю никого, кто ненавидел бы его настолько, что был бы готов убить.

— Только Грундофф?

— Грундофф угрожал одному судье.

— Не хотел бы вам надоедать, миссис Элдерсон, но вы не припомните случая, который обеспокоил бы вашего мужа, пусть даже ненадолго? Какого-нибудь мелкого события, самого незначительного?

— Ничего, связанного с его работой полицейского, — ответила она. На ее губах мелькнула легкая улыбка, — Все его волнения были чисто домашними. Он был весь на нервах, когда должны были родиться дети.

Харпер понимающе кивнул.

— Еще одно. Мне нужно это знать. Простите меня, пожалуйста.

— О чем вы? — Она широко распахнула глаза.

— Вы привлекательная женщина, миссис Элдерсон. Боб не нажил себе врагов, женившись на вас?

— Это просто смешно, — покраснев, резко возразила она.

— Вовсе нет. Подобное порой случается. И будет случаться снова и снова. Ревность — вероятно, самый древний мотив для убийства. Ревность подпитывает сама себя, никем не видимая, незаметная. Вы можете даже не осознавать, что вами восхищаются и вас желают.

— Не думаю.

— После вашего замужества кто-нибудь из друзей или знакомых проявлял к вам чрезмерное внимание, демонстрировал нечто большее, чем обычную дружбу?

Читая в ее мыслях нарастающее отвращение и понимая, что ему следовало бы выразиться потактичнее, Харпер поспешно добавил:

— Я вовсе не интересуюсь вашими тайными любовниками. Я просто прошу помочь найти возможного убийцу.

— Ничего такого не было, — холодно сказала она.

— Когда вы познакомились с Бобом, вы ни с кем из-за него не расстались?

— Нет. Я была свободной и незамужней.

— Спасибо, миссис Элдерсон.

Он встал, радуясь, что разговор позади.

— Приношу свои искренние извинения за то, что подверг вас этому допросу. И я по-настоящему

ценю ваше содействие.

Харпер прошел вслед за ней к двери и, остановившись, мягко погладил ее по руке.

— Слова излишни. Дела порой говорят громче слов. Вот моя карточка. Если понадобится помощь, звоните. Это будет большой честью для меня.

— Вы очень добры, — пробормотала она.

Харпер сел в машину и, глядя, как женщина закрывает дверь, яростно бросил:

— Черт побери!

Проехав милю, он остановился у телефонной будки и позвонил Ледсому.

— Это вы, — сказал капитан без особой радости, — Что вам нужно на сей раз?

— Кое-какая информация.

— О чем?

— О человеке по имени Джозеф Грундофф.

— Вы основательно постарались, если откопали этого субъекта, — заметил Ледсом, — Я бы о нем даже не подумал.

— Почему?

— Он получил двадцать лет за убийство второй степени. Пройдет немало времени, прежде чем он выйдет на свободу.

— И это все? — спросил Харпер.

— А чего вы еще хотите?

— Официального подтверждения, что он за решеткой. Возможно, он сбежал.

— Нам бы об этом сообщили. В течение суток разослали бы объявление о розыске.

— Может, все-таки стоит проверить? — продолжал настаивать Харпер, — Просто на всякий случай?

— Я могу сделать это за пять минут, — раздраженно сказал Ледсом. — Откуда вы вообще узнали про Грундоффа?

— От миссис Элдерсон.

В голосе капитана послышались удивленные нотки.

— Не сказала же она вам, что Грундофф…

— Она сказала, что он поклялся убить судью, — перебил Харпер. — Поэтому мне показалось возможным, что в списке его врагов мог оказаться и Элдерсон.

— У него не было никакого списка. Он просто буйствовал. Судья сказал «двадцать лет», и Грундофф словно обезумел. Подобное часто случается.

Капитан немного помолчал.

— В любом случае, я проверю. Это один шанс из миллиона, но мы не можем его проигнорировать.

Перезвоните мне позже.

Харпер перезвонил из кафе через двадцать миль.

— Не повезло, — сообщил Ледсом, — Грундофф до сих пор за решеткой.

— У него есть приятели, которые могли бы сделать за него грязную работу?

— Нет. Он был одиноким волком.

— Вы не думаете, что он мог подружиться в тюрьме с кем-нибудь, кто освободился бы и начал заниматься его делишками?

— Ни в коем случае, — усмехнулся Ледсом. — Ни один бывший преступник на станет стрелять в полицейского лишь затем, чтобы доставить удовольствие тому, кто еще сидит. За этим должны стоять деньги, большие деньги. Грундофф же не мог наскрести и десяти баксов.

— Спасибо, — мрачно сказал Харпер. — Значит, еще один ложный след. Ладно, двинемся дальше.

— Куда?

— К той девушке, которая была в «тандербаге». О ней выяснилось что-нибудь еще?

— Да. Ее приятель в армии и служит за границей. В архивах полиции нет ничего компрометирующего о ее родственниках, ни одной паршивой овцы в семье. Очень полезные сведения, верно?

— А если она, например, защищает подружку, у которой, скажем, любовник очень любит пострелять?

— А если свиньи летают? Ее тщательно проверили. Весь ее круг родственников, друзей и соседей полностью чист.

— Ладно, не кипятитесь. Я всего лишь главный подозреваемый, пытающийся доказать свою кристальную честность.

Ледсом громко фыркнул и повесил трубку. Видимо, отсутствие каких-либо подвижек в деле его крайне раздражало.

По второму адресу находился дом, стоящий в центре улицы со старомодными, но все еще впечатляющими и крепкими зданиями. Улица была широкой и тихой, обсаженной деревьями, вид у нее был респектабельно-скучный. Поднявшись по шести ступенькам, Харпер нажал кнопку звонка.

Дверь открыл высокий, симпатичный парень лет восемнадцати и удивленно взглянул на визитера.

— Мисс Джоселин Уиттингэм дома? — спросил Харпер, стараясь, чтобы его голос звучал официально или хотя бы полуофициально.

— Нет.

Мысли парня подтверждали, что тот говорит правду, но продолжали беззвучно шептать: «Джойс не хочет никого видеть. Кто эта мускулистая обезьяна? Еще один любопытный коп? Или репортер? Джойс уже сыта расспросами по горло. Почему бы им не оставить ее в покое?»

— Не знаете, когда она вернется?

— Нет.

То была ложь. Девушка обещала вернуться к шести.

— Гм…

Харпер окинул взглядом улицу, словно размышляя, что делать дальше. Обманчиво небрежным тоном он попытался нанести мощный удар:

— Вам никогда не доводилось всаживать пулю в полицейского?

В мозгу молодого человека не раздалось тревожного звонка; его мысли ошарашенно завертелись, пока он гадал, не ослышался ли.

— Никогда не доводилось… что?

— Прошу прощения, — сказал Харпер, поняв, что удар не достиг цели. — Просто думал вслух кое о чем другом. Когда я мог бы увидеть мисс Уиттингэм?

— Не знаю.

Снова ложь.

— Очень жаль, — нерешительно проговорил Харпер.

— Зачем вы хотите ее видеть? — спросил парень.

— По личному делу.

— Что ж, ее нет дома, и я не знаю, когда она вернется.

— Если я зайду еще разок, между шестью и семью?

— Пожалуйста.

Лицо парня ничего не выражало, в то время как мысленно он пожелал, чтобы посетитель прыгнул в озеро.

— Ладно, загляну попозже.

Парень кивнул и закрыл дверь. Он даже не поинтересовался, как зовут визитера. Хозяин дома был ни в чем не повинен и ему уже надоели романы его сестры, мисс Джоселин Уиттингэм.

Харпер целый час бесцельно бродил по городу, пока его машину смазывали и обслуживали в центральном гараже. Без двадцати шесть он пешком вернулся на нужную улицу и расположился на автобусной остановке в пятидесяти ярдах от дома, ожидая возвращения девушки.

У Харпера имелось лишь приблизительное описание ее внешности, но большего ему не тре-

бовалось. Хватило бы одного вопроса, чтобы она назвала себя, вольно или невольно. Невозможно помешать мозгу дать утвердительный или отрицательный ответ, как бы сильно ты ни желал что-то скрыть.

Как только девушка окажется в доме, возникнет проблема — как побеседовать с ней, если сама она не захочет разговаривать с визитером. Если бы она отказалась встречаться с Харпером, заставить ее было бы невозможно. Тогда оставался только один способ — убедить местную полицию доставить девушку для дальнейшего допроса. Они не сделают этого без веских оснований, а мысль о том, чтобы просто выдумать правдоподобный предлог, была Харперу противна.

Ему требовался разговор лицом к лицу. Если бы девушка была в доме, он мог стоять рядом всю ночь, слушая ее мысли, выделяя их из потока мыслей других людей; это не составило бы труда. При желании он мог бы шпионить за ней таким образом целую неделю.

Но что толку от подобной тактики, если мысли ее будут далеки от расследуемого дела? Требовалось задавать вопросы, чтобы вынудить ее разум открыть все неоспоримые доказательства, которые могли в нем таиться. Нужен был голосо-

вой стимул. Чтобы добиться успеха, необходимо было кое о чем ее расспросить и сделать соответствующие выводы, если слова ее разойдутся с мыслями.

Мимо дважды проходили девушки, на мгновение привлекая внимание Харпера. Поскольку они не поднимались по ступеням дома, он не делал попыток мысленно их опознать. С детства у него выработался этический кодекс — он никогда не слушал чужие мысли, если того не требовали обстоятельства. Конечно, он не мог не услышать внезапный крик растревоженной совести или громкий призыв о помощи, подобный тому, который издал Элдерсон. Но приглушенные мысли проходящих мимо людей оставались для Харпера неслышными. Он просто смотрел девушкам вслед, покате не скрылись из виду за углом дома.

Несколько минут спустя в дальнем конце улицы появилась третья девушка. Опять-таки не обратив внимания на дом, она скрылась за углом. К остановке подъехал автобус, высадил четырех пассажиров и покатил дальше. Один из них, высокий, с землистым лицом, бросил на Харпера любопытный взгляд.

— Следующий будет через полчаса.

— Да, я знаю.

Человек пожал плечами, перешел через дорогу и скрылся в доме напротив. Харпер прошел чуть дальше, чтобы его не было видно из окна.

Без пяти шесть на улице появилась еще одна девушка, быстро постукивавшая высокими каблучками, — среднего роста, с округлыми формами, лет двадцати. Не глядя по сторонам, не заметив Харпера, она поднялась по ступеням и принялась шарить в сумочке в поисках ключа.

С расстояния в семьдесят ярдов Харпер послал мысленный импульс, чтобы убедиться — это та самая, которая ему нужна. Результат оказался ошеломляющим. Едва его мысль коснулась разума девушки, как та почувствовала контакт — и Харпер это понял. От волнения девушка уронила сумочку, наклонилась и подхватила ее в тот миг, когда он помчался в ее сторону.

Харпер тяжело бежал по тротуару; девушка, схватив сумочку, начала поспешно рыться внутри. Глаза ее ярко вспыхнули, когда она нашла ключ и вставила в замочную скважину. По спине Харпера стекали капельки пота, его правая рука шарила под мышкой, ноги продолжали стучать по асфальту.

Ключ повернулся. Остановившись в десяти ярдах от девушки, Харпер прицелился и нажал на

спуск. Послышался негромкий звук, словно кто-то порвал кусок холста. Поток стальных пулек размером со спичечную головку ударил в цель.

Мисс Джоселин Уиттингэм выпустила из руки ключ, беззвучно опустилась на колени и упала головой к двери. Харпер стоял, обливаясь потом, глядя на стекающую из волос девушки струйку крови и слыша, как навсегда замолкает ее разум.

Он огляделся по сторонам — свидетелей не было. Выстрелы не привлекли ничьего внимания. Оставив девушку лежать на крыльце, он быстро зашагал в сторону дороги, сел в машину и на большой скорости помчался прочь из города. Его напряженное лицо было мокрым от пота.

Глава 4

Полиция явно действовала быстро и со знанием дела. Харпер успел проехать всего триста миль, как уже было разослано объявление о его розыске. Ужиная в дешевой забегаловке, он прочитал новости в вечерней газете.

«Разыскивается за убийство» — гласил заголовок. Далее следовало достаточно точное описание его самого и его машины, указан ее номер. Харпер выругался про себя, читая заметку. В заведении было человек двадцать посетителей, в основном водители-дальнобойщики. Половина из них уже прочитали новость или читали сейчас. Некоторые не замечали Харпера, другие бросали на него случайные взгляды, не подозревая, что разыскиваемый преступник сидит прямо перед ними. В том, что они ни о чем не догадываются, Харпер был уверен совершенно точно, и это было, в сущности, единственным плюсом.

Снаружи, на виду у всех, стояла его машина. Ее номерные знаки, казалось, прямо-таки бросаются в глаза. Трое рослых парней в джинсах прошли позади нее, даже не удостоив машину

взглядом, сели в соседний автомобиль и уехали. Некоторое время Харперу могло везти, но так не могло продолжаться вечно. Рано или поздно номера попадутся на глаза кому-нибудь с острым взглядом и хорошей памятью.

Можно было бросить машину здесь и раздобыть другую. Когда тебя разыскивают за убийство, обычное воровство уже не усугубит положения. Но и этот вариант имел отрицательные стороны. Номера угнанной машины будут сразу переданы всем постам, и Харпер окажется не в лучшем положении, чем раньше. Более того, если сейчас служители закона не знают, куда он направляется — в Пекин или в Пернамбуко, то смена машины сразу покажет, куда именно он бежит, и поставит на ноги всех окрестных полицейских. Кроме того, выяснится, что в попытке избежать ареста он пересек границу штата, и из-за нарушения федеральных законов к делу может подключиться ФБР.

ФБР и вправду следовало подключить к делу — в этом Харпер был более чем уверен. Но ему не нравилась мысль о том, что ФБР будет выслеживать его по всей стране. К тому же среди федеральных агентов мог оказаться слишком возбудимый человек, который последовал бы

недавнему примеру самого Харпера, сперва стреляя, а уж потом задавая вопросы. Сейчас Харпер находился в весьма своеобразной ситуации: ему хотелось добраться до ФБР раньше, чем ФБР само до него доберется.

Почему на него объявили розыск, догадаться было легко. Ледсом знал, что Харпер собирается встретиться с девушкой. Ее брат описал явившегося посетителя. Человек с землистым лицом сообщил о подозрительном типе на автобусной остановке. И главное — найденные втеле пули могли быть выпущены только из пистолета Харпера.

Его не оставляла мысль, что теперь Ледсом не сомневается, кто убил Эддерсона. Капитан, естественно, сделал вывод, что к обоим убийствам приложил руку один и тот же человек, несмотря на то что жертвы погибли от разного оружия.

Меньше же всего в этой охоте на человека по имени Харпер беглецу нравилось то, что она была не только объявлена официально, но могла сопровождаться и неофициальными поисками. Совершенное им убийство мисс Джоселин Уиттингэм вряд ли заинтересовало только силы закона и правопорядка. Его наверняка разыскивали и другие, желая знать, как именно все

случилось, и разделаться с ним, пока не поздно. Например, те трое в «тандербаге».

Быстро допив кофе, Харпер вышел на улицу, стараясь не слишком спешить, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Едва дождавшись, когда наполнят его бак на заправке, он на полной скорости устремился в сторону заката, который вскоре сменился темной безлунной ночью. Проехать предстояло еще больше пятисот миль.

Утром, без двадцати пять, когда на востоке забрезжил бледный рассвет, кто-то страдавший бессонницей то ли прочитал номера машины Харпера, то ли решил погнаться за ним просто из принципа.

Оказавшись на ремонтируемом участке дорога длиной в полмили, Харпер вынужден был сбросить скорость до пятнадцати миль в час. В конце участка стояла будка постового, а рядом — автомобиль с включенными габаритными огнями. Проехав мимо будки, Харпер прибавил скорость и успел проехать полторы мили, когда припаркованная машина неожиданно ожила, выехала на дорогу и устремилась за ним, включив мигалку.

Харпер не слышал ни сирены, ни мыслей преследователей. Он был слишком далеко впереди и слишком поглощен ездой, вдавив педаль газа до

упора. Если преследователи были полицейскими — а судя по мигалке, так и было, — одно лишь подобное поведение преследуемого убедило их, что они на верном пути.

У Харпера не было выбора, кроме как позволить за собой гнаться. Если уж его схватят, пусть схватят те, кто хорошо информирован и знает, что к чему. Харпер не сомневался, что ни один шериф округа и ни одна полиция штата или города не обладает информацией в достаточной мере, чтобы можно было им сдаться.

На головокружительной скорости он прошел несколько поворотов, скрежеща шинами и освещая дорогу светом фар. У него была мощная, быстрая машина, в отличном состоянии, но что, если автомобиль преследователей еще лучше? Насколько Харпер мог судить, то и дело бросая взгляд в зеркало заднего вида, полицейская машина была все же слегка получше, поскольку мигалка медленно, но верно приближалась.

Стрелка спидометра дрожала около отметки «девяносто».

Харпер промчался через перекресток вдоль шоссе, обсаженного высокими деревьями, еще больше сгущавшими полумрак. Деревья проносились мимо, словно прикованные к месту

огромные призраки, протягивавшие к нему руки.

На дороге не было никого, кроме его машины и машины преследователей. Далеко впереди и чуть правее виднелось сияние огней большого города. Харпер подумал — сумеет ли он преодолеть это расстояние, а если да, что ему делать, когда он доберется до города? Если в ближайшие десять миль преследователи окажутся достаточно близко, они могут открыть стрельбу. И что тогда?

Он прошел еще один поворот, на мгновение потеряв из виду огни в зеркале, от которых теперь его отделяло меньше мили. Его фары осветили конец проселочной дороги, уходившей в густой лес. Он нырнул в проселок так неожиданно и безрассудно, что на секунду-другую в страхе подумал — машина сейчас перевернется.

Выключив все огни, он проехал пятьдесят ярдов в полной темноте, молясь, чтобы не налететь на невидимое дерево или не свалиться в канаву. Ветви трещали и ломались под колесами, но Харперу повезло. Затормозив, он опустил окно и прислушался.

Теперь он слышал сирену. Наверняка патрульная машина. Сейчас она находилась на повороте. Свет фар прорезал ночную тьму, и в следующее

мгновение автомобиль с воем промчался мимо — слишком быстро, чтобы Харпер успел понять, сколько в нем человек, или поймать случайную мысль.

Он продолжал сидеть в темноте, пока не увидел свет фар патрульной машины, поднимающейся по склону в четырех милях впереди. Затем задним ходом выбрался на шоссе и двинулся в ту сторону, откуда прибыл. Вернувшись к перекрестку, он свернул направо.

Около полудня Харпер без новых приключений добрался до Вашингтона, оставил машину на стоянке на окраине и поехал на автобусе в город. Найдя телефон, он позвонил к себе в контору.

Видеоэкран в его кабинете то ли не работал, то ли был выключен, поскольку здесь экран оставался пустым. И столь же пустым казался голос Мойры:

— Завод Харпера. Чем могу помочь?

— Только Господь Бог может мне помочь, — сказал он. — Это босс.

Мойра судорожно вздохнула.

— Что в этом удивительного? — требовательно спросил он. — Ты много раз разговаривала со мной раньше.

— Да, мистер Харпер. Конечно, мистер Харпер,

— Мойра отчаянно пыталась подобрать слова, — Я просто не ожидала, что вы позвоните.

— Вот как? — Он по-волчьи оскалился, глядя на пустой экран, — Почему бы и нет? Я ведь говорил, что буду звонить, не так ли?

— Конечно, мистер Харпер, но…

— Но — что?

Она понятия не имела что. Казалось, она лишилась дара речи.

— Ты читала газеты, — мрачно заключил Харпер. — Но неважно. Что-нибудь выяснилось?

— Выяснилось?

— Послушай, Мойра, не обращай внимания на толстозадых, которые сидят на моем столе. Послушай: по почте приходило что-нибудь, что требует моего личного участия?

— Н-нет, мистер Харпер.

— Никаких проблем, для решения которых нужен я?

— Н-нет.

— Ладно. Дай мне кого-нибудь из них к телефону.

Она пришла в еще большее замешательство.

— Не понимаю, мистер Харпер. Здесь никого…

— Ну, ну, не ври! — приказал он.

Наконец Мойра сдалась, и Харпер услышал ее

слабый голос:

— Он знает, что вы здесь, и хочет с вами поговорить.

Послышалось недовольное ворчание. Экран Харпера неожиданно засветился, на нем появилось хмурое мясистое лицо.

Прежде чем собеседник успел произнести хоть слово, Харпер сказал:

— Когда я не вижу собственного кабинета, я знаю: кто-то не хочет, чтобы я что-либо увидел. Я также знаю, что Мойре велели задержать меня на линии, пока не удастся проследить, откуда я звоню. Что ж, вы зря теряете свое время и деньги налогоплательщиков, одним из которых являюсь я. Идите и занимайтесь местными негодяями. Передайте Райли, что я его люблю, несмотря на все его недостатки.

Лицо на экране нахмурилось еще больше.

— Послушайте, Харпер…

— Сперва вы послушайте меня, — раздраженно продолжал Харпер. — Возможно, мне удастся убедить вас, что вы стараетесь без толку, если я скажу, что звоню из Вашингтона и направляюсь в штаб-квартиру ФБР, чтобы сдаться.

Лицо собеседника приняло недоверчивое выражение.

— Вы хотите сказать…

— Свяжитесь с ФБР минут через пятнадцать. Они скажут, что я у них. И не празднуйте победу, пытаясь лапать Мойру. Она получает жалованье от меня, а не от вас!

Харпер повесил трубку и вышел из будки, смешавшись с толпой на тротуаре. Он прошел два квартала, когда высокий, темноволосый, аккуратно одетый молодой человек бросил на него короткий, но проницательный взгляд, быстро развернулся и последовал за ним на расстоянии нескольких ярдов.

Харпер продолжал идти, улыбаясь себе под нос и считывая данные из разума соглядатая. Роберт Слейд, тридцать два года, агент ФБР, заметивший, что Харпер очень уж похож на Харпера. Встреча была чистой случайностью, но парень намеревался воспользоваться подвернувшейся возможностью, как только убедится, что этого человека можно арестовать.

Свернув на боковую улицу, Харпер прошел еще три квартала, не вполне представляя, где находится. Он не слишком хорошо знал Вашингтон. Остановившись на углу, он закурил сигарету, бросил взгляд в сторону и обнаружил, что Слейд сосредоточенно изучает витрину, полную сте-

реовизоров.

Подойдя сзади, Харпер тронул Слейда за локоть.

— Прошу прощения. Я ищу Главное управление ФБР. Не подскажете, где оно находится?

Слейд не был бы так потрясен, если бы ему неожиданно ткнули стволом в живот.

— Что… э-э… да, конечно.

В серых глазах агента промелькнула неуверенность, и Харпер услышал его мысли: «Ничего себе совпадение!»

— Вы ведь Роберт Слейд, если не ошибаюсь? — небрежно спросил Харпер.

Тот отшатнулся.

— Да, это я. Впрочем, у вас передо мной преимущество — вас я что-то не припоминаю.

— Но ведь это не помешает меня арестовать?

— В каком смысле?

— Я ищу ваше Главное управление. Можете проводить меня туда. Меня вполне устроит, если вы сочтете нужным назвать это арестом. Я — Уэйд Харпер.

Слейд глубоко вздохнул.

— Вы шутите?

— Почему? Я что, не похож на Харпера?

— Очень даже похожи. И возможно, уже сыты

по горло тем, что вас с ним пугают. Если так, тут уж ничего не поделаешь.

— Это можно быстро прояснить. У вас есть мои фотографии.

Харпер полез под мышку.

— Вот мой пистолет. И пусть ребята из отдела баллистики постараются его не потерять — я надеюсь когда-нибудь получить его обратно.

— Спасибо.

Слейд ошеломленно сунул пистолет в карман и показал вдоль улицы.

— Туда.

Они пошли рядом по тротуару. Слейд не предложил надеть на Харпера наручники, даже не проявлял особой настороженности. Поведение Харпера настроило агента весьма скептически, он склонялся к мысли, что это задержание не принесет ему славы: задержанный вел себя слишком хладнокровно для убийцы.

Подойдя к большому зданию, они вошли внутрь, и Слейд провел Харпера в небольшую комнату.

— Подождите минуту, — бросил агент и скрылся.

Выход на улицу был совсем рядом. Ничто не мешаю Харперу бежать, если не считать внуши-

тельного вида охранника у дверей.

Сидя в мягком кресле, Харпер забавлялся тем, что читал мысли Слейда. Миновав короткий коридор, агент вошел в кабинет и обратился к находившемуся там человеку.

«Я только что задержал Уэйда Харпера. Он в комнате номер четыре».

«Один?»

«Да».

«Ты с ума сошел? Он может сбежать, и…»

«Когда я встретил его, он шел сюда, — перебил Слейд, честно отказываясь от несуществующих заслуг. — Он сам хотел сюда явиться».

«О господи! Вот уж действительно странно».

Пауза, затем:

«Приведи его ко мне».

Харпер встал, прошел по коридору и оказался у двери как раз в тот миг, когда Слейд ее открыл. В третий раз Слейд был застигнут врасплох. Он молча, с озадаченным видом отступил в сторону, а Харпер смело вошел, сел и уставился на худощавого человека за столом. Тот посмотрел на Харпера и, сам того не подозревая, представился. «Уильям Притчард, тридцать один год, инспектор».

— Доброе утро, мистер Притчард, — сказал Хар-

пер с жизнерадостным видом человека, которому не о чем беспокоиться.

Притчард моргнул, приводя в порядок разбежавшиеся мысли.

— Вы объявлены в розыск. Вас разыскивают за убийство Джоселин Уитгингэм.

— Да, я знаю. Читал газеты.

«Кто-то ошибся, — подумал Притчард, впечатленный хладнокровием Харпера. — У него наверняка есть алиби».

Откашлявшись, инспектор спросил:

— Итак, что вы желаете сообщить по данному поводу?

— Многое — но не вам.

— Почему не мне?

— Ничего личного, уверяю. Я бы хотел поговорить с Сэмом Стивенсом.

— Выясни, где Стивенс, — поколебавшись, велел Притчард, решив, что один допрашивающий ничем не хуже другого.

Слейд отсутствовал недолго, а вернувшись, сообщил:

— Стивенс в Сиэтле.

Пронзительно зазвонил телефон. Притчард схватил трубку.

— Да? Откуда вы знаете? Ах, он сам вам сказал?

Нет, он не шутил. Он действительно здесь. Сидит прямо передо мной.

Положив трубку, инспектор уставился на Харпера.

— Со Стивенсом вы встретиться не сможете. Его нет.

— Жаль. Он мог бы свести меня с кем-нибудь из начальства. И чем выше, тем лучше.

— Зачем?

— Я отказываюсь отвечать.

Неодобрительно нахмурившись, Притчард подался вперед.

— Вы стреляли в мисс Уитингэм или нет?

— Да.

— Ладно. Вы согласны подписать признание?

— Нет.

— Вы признаете, что стреляли в нее, но отказываетесь подписать признание?

— Совершенно верно.

— Можете назвать причину? — спросил Притчард, внимательно глядя на Харпера.

— У меня есть причина. Я ее не убивал.

— Но она мертва. Мертвее мертвого. Вы этого не знали?

Харпер махнул рукой, словно речь шла о чем-то незначительном.

— Значит, вы стреляли в нее, но не убивали? — настаивал Притчард, — Вы выпустили двенадцать стальных шариков ей в голову, но отказываетесь признать, что совершили убийство?

— Именно.

Этого было довольно. Притчард и Слейд мыслили как один человек. Взвесив все обстоятельства, они одновременно пришли к одному и тому же выводу — этот человек невиновен, поскольку невменяем.

— Сэм Стивенс — единственный, кого я знаю в вашей организации, — тяжело вздохнув, сказал Харпер. — Он проводил проверку на моем заводе два года тому назад и включил его в какой-то список национальной безопасности, который должен быть у вас. Он дал мне разрешение на ношение оружия и кучу бюрократических инструкций, главная из которых гласит, что в случае войны я перехожу в федеральную собственность. Меня конфискуют со всеми потрохами.

— И что? — спросил Притчард, не видя в этих словах никакого смысла.

— В общем, дело Уиттингэм имеет отношение к этому вопросу. А именно — к национальной безопасности. Поэтому я могу говорить только с тем, кто знает, о чем я веду речь.

«Джеймсон», — быстро пронеслось в мыслях Притчарда.

— Например, с Джеймсоном, — сказал Харпер.

Они уставились на него так, будто он произнес святое имя в порочных стенах дешевого салуна.

— Или с его боссом, — добавил Харпер.

— Вы только что сказали, — сурово проговорил Притчард, — что Стивенс — единственный сотрудник ФБР, которого вы знаете. В таком случае, откуда вы узнали про Джеймсона? И еще — откуда вы узнали мое имя?

— Мое имя он тоже знал, — вмешался Слейд, явно пытаясь найти тому правдоподобное объяснение.

— На этот вопрос я смогу ответить только в присутствии кого-то из высшего начальства, — сказал Харпер. — Как выглядит ваше тело? — улыбнувшись Притчарду, спросил он.

— Что?

Харпер извлек из ошеломленных мыслей инспектора четкое и подробное изображение его тела и как бы между делом заметил:

— У вас родимое пятно в форме рыбы с внутренней стороны левого бедра.

— С меня хватит!

Притчард встал, не скрывая тревоги.

— Последи за этим Гудини, — велел он Слейду, — а я пока узнаю, что скажет Джеймсон.

Он поспешно вышел.

— Можно мне листок бумаги? — спросил Харпер у Слейда.

Достав листок из ящика стола, Слейд подвинул его Харперу.

Тот достал авторучку и приготовился писать.

«Все-таки признание, — подумал Слейд. — Явно придурок, который сперва от всего отказывается, а в следующий миг сдается. Странно, как даже интеллигентный человек может настолько слететь с катушек. Возможно, это наследственное».

Не обращая внимания на эти нелестные мысли, которые слышались так четко, как будто произносились вслух, Харпер немного выждал, а затем начал писать. Писал он быстро и закончил незадолго до возвращения Притчарда.

— Он не станет с вами встречаться, — заявил Притчард, всем своим видом говоря — мол, тут уж ничего не поделаешь.

— Я знаю.

Харпер протянул ему бумагу.

Проглядев написанное, Притчард вытаращил глаза и выбежал из кабинета. Слейд уставился ему вслед, затем вопросительно посмотрел на

Харпера.

— Это полная и точная запись их разговора, — сообщил Харпер. — Хотите сделать ставку против того, что теперь Джеймсон захочет со мной встретиться?

— Нет, — ответил Слейд, чувствуя, что его бьет нервная дрожь. — Я не из тех, кто бросает деньги на ветер.

Джеймсон оказался плечистым человеком средних лет с густой копной курчавых седых волос. Взгляд его голубых глаз был холоден, весь его вид говорил о том, что он давно привык повелевать. Выпрямившись в кресле, он прижимал к столу указательным пальцем лист бумаги.

— Как вам это удалось? — сразу приступил он к делу.

— Очень просто. Прицелился, выстрелил, она упала.

— Я не о том! — Джеймсон нетерпеливо постучал по столу пальцем. — Я имею в виду вот это.

— О, всего лишь перехват сведений. — Харпер сделал вид, будто только теперь понял, чего от него хотят. — Точно также, как такое мог бы проделать враг, если бы хотел знать, что мы замышляем.

— Можете идти, — сказал Джеймсон Притчар-

ду, — Я вас позову, когда понадобитесь.

Выждав, пока дверь закроется, Джеймсон полностью сосредоточил внимание на Харпере.

— Вы категорически утверждаете, что вражеские агенты способны читать наши мысли?

— Нет.

— Тогда откуда подобное предположение?

— Просто теоретически предполагаю, что, если один человек на что-то способен, на это может быть способен и другой, — сказал Харпер, — Я уже много лет размышляю над этой идеей, вот только не сумел пока найти доказательств в ее поддержку.

— Судя по всему, вы говорите о том, на что способны сами. И на что же?

— Вот на это, — ответил Харпер, показывая на листок.

Джеймсон не был дураком. Он сразу понял, что имеет в виду Харпер, но разум его отказывался воспринимать подобное. Очевидное объяснение оказывалось крайне неудобоваримым. Наконец Джеймсон решил поставить вопрос ребром.

— Для подобных фокусов потребовался бы телепат.

— Никто иной, — согласился Харпер.

— Кто слыхал хоть об одном телепате? — недо-

верчиво спросил Джеймсон.

Харпер лишь пожал плечами.

Нажав кнопку интеркома, Джеймсон проговорил в микрофон:

— Мисс Киз на месте? Позовите ее. Мисс Киз, я бы хотел попросить вас напечатать колонку из двадцати случайно выбранных восьмизначных чисел. Как только закончите, сразу принесите мне.

Отключившись, он вызывающе посмотрел на Харпера и подвинул ему лист бумаги:

— Посмотрим, что у вас получится.

— На этот раз мне придется искать в мешанине мыслей множества людей мысли того, кто сочиняет бессмысленные числа, — пожаловался Харпер. — Я могу пропустить одно-другое.

— Ничего страшного. Сделайте, что в ваших силах. Если напишете правильно хотя бы четверть цифр, это убедит меня, что времена чудес еще не миновали.

Харпер написал восемнадцать чисел плюс последние две цифры девятнадцатого. Молча взяв у него листок, Джеймсон подождал мисс Киз. Вскоре она появилась, отдала ему список и ушла, ничем не выказав удивления. Если бы ей приказали надеть чехол от пишущей машинки вместо

шляпы, она и это проделала бы без вопросов.

Джеймсон сравнил две катанки.

— Это хуже, чем бомба в Пентагоне, — наконец сказал он. — Теперь ни у кого не осталось ничего личного.

— Знаю.

— Как вам такое удается?

— Разве человек с заячьей губой может рассказать, как ему удается быть таким? Все, что мне известно, — я таким родился. Первые несколько лет я считал, что все остальные похожи на меня. Лишь некоторое время спустя я понял, что это не так; понял, что я — одноглазый в мире слепых; понял, что меня могут опасаться. А тех, кого опасаются, ненавидят.

— Наверняка ваше дарование появилось не без причин, — сказал Джеймсон.

— Какое это имеет значение?

— Чертовски большое. Вы — отклонение от нормы, возникшее вследствие необычного стечения обстоятельств. Если удастся выяснить, каких именно обстоятельств, мы поймем, может ли такое случиться еще где-нибудь. Это, в свою очередь, поможет понять, существуют ли подобные вам люди, а если да, что с ними стало.

— Не думаю, что это имеет хоть какое-то зна-

чение, — тихо проговорил Харпер, — Теперь уже нет.

— Почему?

— Потому что я вступил в мысленный контакт с Джоселин Уиттингэм и она тотчас оскорбительно обо мне высказалась. И тогда я в нее выстрелил.

— Вы сочли оскорбление достаточным поводом для убийства? — спросил Джеймсон.

— Учитывая, что именно она сказала, — да.

— И как же она вас назвала?

— Земной ублюдок, — сказал Харпер, глядя ему прямо в глаза.

Глава 5

Минуты две Джеймсон сидел, словно парализованный. Мысли его сменяли одна другую в бешеном темпе, словно он на мгновение забыл, что Харпер может читать их также легко, как сверкающую неоновую рекламу.

— Вы уверены? — наконец спросил он.

— Единственный человек в мире, который может быть уверен в чужих мыслях, — телепат, — заверил Харпер, — Скажу вам еще кое-что: я стрелял в нее, потому что знал — я не могу ее убить. Это было физически невозможно.

— Почему вы так решили?

— Никто в мире не мог причинить вреда Джоселин Уиттингэм, поскольку она была уже мертва.

— Послушайте, у нас есть подробный отчет полиции…

— Я прикончил кого-то другого, — заявил Харпер. — Существо, которое перед этим убило ее.

Мысли Джеймсона снова закружились в бешеном водовороте. Его холодный острый ум привык иметь дело с весьма сложными, но, по сути, обычными проблемами. У него был немалый

опыт, но сейчас Джеймсон впервые столкнулся лицом к лицу с чем-то сверхъестественным. И все равно он пытался мыслить рациональными, повседневными понятиями — хотя это было не проще, чем пытаться измерить рулеткой расстояние до Луны.

Харпера больше всего удивило, что Джеймсон чувствовал замешательство главным образом из-за нехватки определенной информации, которой он, подолгу службы, обязан был располагать. Джеймсон занимал высокое положение в бюрократической иерархии, но, судя по всему, недостаточно высокое. Так или иначе, у него имелись достаточные связи для того, чтобы дать делу ход и кое-что предпринять.

— У вас есть лишь голый отчет из полицейских источников, — сказал Харпер. — Этого мало. Я бы хотел рассказать обо всем, что сам видел.

— Выкладывайте, — кивнул Джеймсон, радуясь возможности сосредоточиться на том, что могло пролить свет на ситуацию.

Харпер начал рассказ с того, как уловил мысли умирающего Элдерсона, и поведал все до конца.

— Ни один обычный человек не в состоянии почувствовать, что его мысли кто-то читает, — сказал он. — Не появляется ощущения фи-

зического контакта, которое могло бы об этом предупредить. Человек остается в полном неведении о том, что забрались в его черепушку. Я все время читал ваши мысли, но вы ведь этого не ощутили, верно?

— Верно, — признался Джеймсон.

— И если бы я не признался, что я — телепат, если бы потом не доказал правдивость своих слов, у вас не было бы причин подозревать, что ваш разум распахнут передо мной?

— Не было бы.

— Так вот, — словно вспоминая, продолжал Харпер, — едва я коснулся разума существа, находившегося внутри Джоселин Уитгингэм, оно тут же почувствовало контакт, поняло, где находится источник контакта, пришло в дикую ярость и возненавидело меня на чем свет стоит. Как только я ощутил эту реакцию, мне стало ясно: разум — нечеловеческий. Контакт длился лишь долю секунды, но этого оказалось достаточно. Я понял, что существо не имеет никакого отношения к людям. Я никогда не спутал бы его с человеком, как вы бы никогда не спутали гремучую змею с младенцем.

— Если то был не человек, — скептически спросил Джеймсон, — тогда что же это было?

— Не знаю.

— Как оно выглядело?

— Также, как та девушка, Уиттингэм. Иначе и быть не могло. Оно использовало ее тело.

Внезапно Джеймсона захлестнула волна недоверия.

— Я могу сделать вывод, что вы либо настоящий телепат, либо исполнитель нового выдающегося трюка, благодаря которому вас не отличишь от телепата. Но это не значит, что я приму на веру ваш рассказ об убийстве. Ваша защита сводится к тому, что вы стреляли в труп, оживленный бог знает кем. Ни один суд в мире не примет во внимание столь невероятное заявление.

— Я никогда не предстану перед судом, — сказал Харпер.

— Думаю, предстанете — если только прежде не умрете. Закон есть закон.

— Впервые за свою никчемную жизнь я оказался выше закона, — уверенно заявил Харпер. — Более того, сам закон с этим согласится.

— Как вы пришли к столь поразительному заключению?

— Закон интересует не столько смерть Джоселин Уиттингэм. Его куда больше интересует убийство Элдерсона, офицера полиции. И вы не

сможете приписать его мне, как бы ни старались, — потому что я этого не делал.

— Тогда кто? — вызывающе спросил Джеймсон.

— Ага! — Харпер многозначительно посмотрел на него. — Похоже, вы начинаете добираться до сути. Кто убил Элдерсона и зачем?

— И?..

— Трое на «тандербаге». Трое, которым, вероятнее всего, крайне не понравилось, что Элдерсон вмешался в критический момент, когда они овладевали Уиттингэм.

— «Овладевали»?

— Не смотрите на меня так. Откуда мне знать, как в точности все произошло? Мне известно только, что случившееся привело к тому результату, который я обнаружил.

Джеймсон был явно сбит с толку.

— Трое, — с напором продолжал Харпер. — В зеленых костюмах, зеленых галстуках, серых рубашках с воротниками. Трое в форме, которая никому не знакома. Почему эту форму никто не опознал?

— Потому что то была вовсе не форма, — рискнул предположить Джеймсон. — Просто покрой их одежды, скажем так, смахивал на официаль-

ный.

— Или потому, что эту форму никто не знает, — предположил Харпер. — Потому что правительство никому ничего не говорит, ни единого слова. Разве налогоплательщикам всегда рассказывают, куда идут их деньги?

— К чему, черт побери, вы клоните?

— Мы раздираем Луну на куски, и никто не обращает на это внимания. Это продолжается слишком долго, поэтому давно стало привычным делом. Лунный корабль сейчас столь же примечателен, как некогда пароход судоходной компании Кьюнарда. Мы настолько искушены в подобных вещах, что утратили способность удивляться.

— Мне все это известно не хуже вас — я тоже как-никак живу в нынешнем веке, — слегка раздраженно ответил Джеймсон. — Что с того?

— У кого возникла идея об исследовании Венеры и Марса? Вы посылали туда кого-нибудь, и если да, то когда? Вернулись ли посланные назад? Не были ли они тремя парнями в зеленой форме с серыми рубашками?

— О господи! — воскликнул Джеймсон.

— Трое куда-то отправились, нашли там нечто большее, чем предполагали, и невольно доставили его сюда, чтобы оно распространилось по

всему миру. Такова моя теория. Подумайте.

— Если я обращусь в соответствующий отдел с подобными фантазиями, меня сочтут сумасшедшим.

— Я знаю, почему вы боитесь, — я ведь могу читать ваши мысли, помните? Во-первых, вы лично не знаете ни о какой космической экспедиции и ничего о ней не слышали. Во-вторых, вы не можете поверить в мои выводы. Верно?

— Нет смысла это отрицать.

— Тогда взгляните надело так: я знаю — даже если не знаете вы, — что на мгновение прикоснулся к по-настоящему чуждому разуму, завладевшему человеческим телом. Это существо не могло возникнуть ниоткуда. Оно каким-то образом тайно прибыло к нам. Кто-то должен был его сюда доставить. Единственные подозреваемые — те трое.

— Продолжайте, — сказал Джеймсон.

— У нас нет ни малейшего понятия, как долго троица здесь ошивается. Может, неделю, может, год.

Харпер укоризненно посмотрел на собеседника.

— Так что Уиттингэм могла быть не первой и отнюдь не последней их жертвой. Эти трое могли обработать целую сотню людей и сейчас, воз-

можно, проделывают то же самое со следующей сотней, пока мы сидим здесь и издаем бессмысленные звуки. Если будем заниматься болтовней и дальше, то не успеем очухаться, как они захватят половину мира.

Джеймсон беспокойно шевельнулся, бросив неуверенный взгляд на телефон.

— Брокман из Особого отдела, — сказал Харпер. — Именно о нем вы только что подумали.

Он махнул рукой.

— Ладно, свяжитесь с ним. Что нам терять? Возможно, он скажет вам то, что никогда не сказал бы мне. Спросите его, отправлялась ли экспедиция в космос и когда она должна вернуться.

— Десять к одному, что он проигнорирует вопрос и захочет знать, почему я об этом спрашиваю, — возразил Джеймсон. — Вряд ли я смогу изложить ему ваши соображения.

— Только в том случае, если никакой экспедиции нет, — заверил Харпер. — Но на самом деле она есть, и притом совершенно секретная. От вашего вопроса у него усы отвалятся, если он носит усы. Он сразу захочет выяснить, каким образом просочилась информация. Попробуйте, и послушаем, что он скажет.

С некоторым сомнением Джеймсон снял трубку

и покорно сказал:

— Соедините меня с Особым отделом, с мистером Брокманом.

Когда их наконец соединили, Джеймсон заговорил с такой неохотой, как будто вынужден был объявить об аресте Белоснежки и всех семи гномов.

— Тут у нас весьма странное дело. Не стану отнимать у вас время и излагать подробности, но был бы крайне признателен, если бы вы сказали, не была ли в тайне от всех отправлена в космос новая экспедиция.

По мере того как он слушал, лицо его все больше вытягивалось.

— Да, нам крайне важно это знать. Хорошо. Большое вам спасибо.

Он положил трубку.

— Он не знает? — спросил Харпер.

— Верно.

— А должен знать?

— Я полагал, что да. Хотя мог и ошибаться. Чем выше секретность, тем меньше людей посвящено вдело и тем дольше нам придется искать ответ, если он вообще существует.

Достав из нагрудного кармана большой синий платок, Джеймсон вытер лоб, хотя на нем не было

видно пота.

— Брокман перезвонит, как только что-нибудь узнает.

— Можно было бы сэкономить ценное время, позвонив в Белый дом и спросив у президента. Только не говорите, что и он ничего не знает.

— Слушайте, дайте мне все-таки поступать так, как я считаю нужным! — возмутился Джеймсон.

— Само собой. Но чем больше времени мы потратим, тем раньше вы начнете вести себя не по-человечески, — мрачно усмехнулся Харпер. — И тогда, не имея пистолета, я буду вынужден задушить вас голыми руками — если успею до того, как вы завладеете моим разумом.

— Замолчите! — приказал Джеймсон, слегка побледнев.

Он хмуро посмотрел на телефон, который тут же с готовностью пискнул. Подпрыгнув от неожиданности на стуле, Джеймсон схватил трубку и спросил:

— Да?

Его лицо несколько раз меняло выражение; наконец, положив трубку, он встал и сказал:

— Нас хотят немедленно видеть.

— И мы, конечно, знаем, в связи с чем?

Не удостоив Харпера ответом, Джеймсон на-

правился к выходу.

На улице они сели в автомобиль, которым управлял агент, похожий на гибрид продавца галантерейного магазина и чемпиона по борьбе. Проехав десять кварталов и поднявшись на двадцатый этаж здания из стекла и бетона, Харпер и Джеймсон вошли в кабинет, где их ждали четверо — все очень серьезные.

Самый старший из четверых, худощавый, с белыми волосами и пристальным взглядом, бросил Джеймсону:

— Что еще за история насчет космической экспедиции? Где вы ее откопали?

Не найдя ничего лучшего, кроме как переложить ответственность на другого, Джеймсон показал на своего спутника:

— Это Уэйд Харпер. Полиция штата разыскивает его за убийство. Около часа назад он сам пришел к нам. Вопрос об экспедиции возник после его рассказа.

Четыре пары глаз обратились к Харперу.

— И что же он рассказал?

Они явно нервничали, Харпер чувствовал это. Он понимал и причину беспокойства — их крайне заботило, что секретные сведения стали известны широкой публике. Он также понимал,

что Джеймсон на некоторое время забыл о его особом даре. Не так-то легко привыкнуть к почти легендарным способностям, которыми обладает вполне нормальный с виду человек.

Отыскав в мозгу седого его имя, Харпер обратился к нему:

— Мистер Кинг, мне известно, что полтора года назад мы послали корабль к Венере, ближайшей планете. Этот полет стал результатом экспериментов, проводившихся в течение двадцати лет под контролем правительства. Экипаж корабля состоял из трех тщательно отобранных человек. Было назначено два варианта сроков его возвращения. Если бы экипаж счел условия на Венере невыносимыми, корабль должен был вернуться в прошлом ноябре. Если же условия позволили бы прожить там некоторое время и провести научные исследования, они должны были вернуться в середине июня — до этого срока остается еще примерно пять недель. Тот факт, что об их возвращении ничего не известно, официально считается внушающим надежду. Правительство ждет их прибытия на Землю, прежде чем сообщить об этой новости миру.

Кинг выслушал Харпера с совершенно бесстрастным видом, наивно полагая, что напря-

женная работа его мысли остается скрытой от собеседника. С наигранным спокойствием он спросил:

— И где же вы раздобыли эту информацию?

Для Джеймсона, ошеломленно слушавшего повествование Харпера, это было уже чересчур.

— Этот человек — телепат, мистер Кинг. Он доказал это в моем присутствии. Все сведения он извлек из ваших мыслей.

— В самом деле? — недоверчиво спросил Кинг. — Тогда как вы объясните ваш звонок Брокману двадцать минут назад?

— Тогда я обо всем только подозревал, — вмешался Харпер, — Но теперь знаю.

Он пристально посмотрел на Кинга и добавил:

— В данный момент вы думаете о том, что, если в мире появились телепаты, возможно, неплохо бы избавиться от них от греха подальше, да побыстрее.

— Вы слишком много знаете, — сказал Кинг. — Ни одно правительство не сможет обеспечить надлежащей безопасности, если вокруг будут болтаться такие, как вы.

— Я болтаюсь тут уже много лет, но революции пока не случилось.

— Но вы — подозреваемый убийца, которого

притащил в правительственное учреждение директор департамента ФБР, — сказал Кинг, всем своим видом выражая неподдельное недовольство. — О подобном прежде никто и никогда не слыхивал. Надеюсь, у них хватило ума обыскать вас на предмет спрятанного оружия.

Стоявший рядом с Харпером Джеймсон покраснел.

— Прошу прощения, мистер Кинг, но есть проблема куда более серьезная, чем та, которая, судя по всему, вас волнует.

— И какая же?

— Корабль вернулся, — вмешался Харпер.

Все четверо подпрыгнули, как на иголках.

— Когда? — требовательно спросил Кинг. — Где он приземлился?

— Не знаю.

— Тогда откуда вы знаете, что он вернулся?

— Он нашел следы экипажа, — сообщил Джеймсон. — Или, по крайней мере, нечто похожее.

— Нет, не думаю, — осторожно возразил Харпер. — Мне кажется, экипаж мертв.

— Значит, экипаж погиб и вы не имеете ни малейшего понятия, где сел корабль? — спросил Кинг, на этот раз размышляя, не сошел ли Харпер с ума, но не в силах найти правдоподобного

объяснения поведению столь проницательного человека, как Джеймсон. — И тем не менее вы точно знаете, что корабль вернулся?

— Готов поставить на это миллион долларов.

— И корабль проделал весь путь сам по себе? Какая-то удивительная космическая конвульсия зашвырнула его на тридцать с лишним миллионов миль сквозь пустоту и забросила в некое таинственное место, о котором никто не знает и не подозревает, кроме вас?

— Ваш сарказм не имеет смысла, ничем не может помочь и лишь доставляет мне лишнюю головную боль, — раздраженно бросил Харпер. — Корабль привела на Землю компания венерианцев. Как вам это понравится, а?

Кингу это вовсе не понравилось. Его разум без колебаний отверг услышанное, пытаясь перебрать десяток возражений и решить, которое из них огласить первым.

Сидевший справа от него человек в очках воспользовался паузой, заговорив с Харпером так, как обычно говорят с непослушным ребенком:

— Управлять космическим кораблем не так-то просто.

— Догадываюсь, мистер Смедли.

— Это очень сложное устройство. И оно требует

немалых знаний.

— В том-то и дело, черт побери, — сказал Харпер.

— Что вы имеете в виду?

— Любой, кто может захватить корабль и без подготовки управлять им, без особого труда может завладеть чем угодно.

Харпер дал им несколько секунд на то, чтобы переварить услышанное, после чего продолжал:

— Завладеть постепенно, по частям, пока у них в руках не окажется все, а у нас не останется ничего — даже собственных душ.

— Омерзительная идея, — сказал Кинг, чувствуя пробежавший по спине холодок.

— Само собой, — согласился Харпер, — И вам придется отказаться от вашей последней мысли.

— От какой еще мысли?

— Будто я агент некоей банды заговорщиков из-за океана, которые таинственным образом пытаются нам напакостить. С сегодняшнего дня любой подобной вражде пришел конец. Им сейчас грозит та же опасность, что и остальному человечеству, и чем быстрее это станет ясно, тем лучше. Тогда им станет также страшно, как мне сейчас.

— Сомневаюсь. Они отнесутся к этому с при-

вычной подозрительностью и обвинят нас в том, что мы пытаемся в очередной раз запугать мир новой угрозой.

— Когда мы перестанем быть людьми, уже не будет иметь никакого значения, кто, кого и в чем обвинял. Собственно говоря, самого понятия вины для нас просто не станет.

— Мне кажется, — упрямо возразил Кинг, — вы чертовски многое принимаете на веру на основании слишком незначительных доказательств. Для вас эти доказательства могут выглядеть вполне реальными, для нас же они вторичны. Даже если мы согласимся с утверждением Джеймсона, что вы настоящий телепат, даже если мы примем во внимание симптомы телепатии, которые вы здесь продемонстрировали, остается фактом, что вы, как и любой другой, способны вообразить то, чего на самом деле не существует. Я не вижу никаких логических причин, по которым телепат не может заблуждаться. Вы всерьез полагаете, что мы поднимем по тревоге всю оборону страны из-за ничем не подтвержденной истории?

— Нет, — согласился Харпер. — Я не настолько глуп.

— Тогда чего вы от нас ожидаете?

— Во-первых, мне требовалось официальное подтверждение моих подозрений, что куда-то за пределы лунной орбиты действительно отправился космический корабль. Вот почему я проделал столь долгий путь, постаравшись не попасться местной полиции, которая слишком мало знает и слишком громко лает. Так или иначе, я должен был узнать про этот корабль.

— А во-вторых?

— Теперь я ожидаю неких действий — естественно, в разумных пределах. Если в итоге будут получены доказательства, которые вам требуются, я ожидаю дальнейших действий, в масштабах всей страны.

— Намного легче говорить о доказательствах, чем пойти и раздобыть их. Если доказательства существуют, почему вы не нашли их сами и не принесли сюда? Здравый смысл наверняка подсказывает вам, что чем более дикой выглядит история, тем больше доказательств нужно, чтобы она сделалась убедительной.

— Знаю, — сказал Харпер. — И полагаю, что мог бы получить достаточно доказательств для того, чтобы вы все выпрыгнули из штанов, — имей я только кое-какие из ваших секретных сведений.

— На что вы намекаете?

— Фотографии тех астронавтов.

Харпер укоризненно посмотрел на Кинга и его коллег, словно удивляясь их неспособности понять очевидное.

— У нас есть свидетель, который видел вблизи двоих из них и хорошо их запомнил. Покажите ему имеющиеся у вас фотографии. Если он скажет, что это те самые ребята, вопрос решен.

— Да, это вполне логичный ход, — шевельнув бровями, вставил Джеймсон. — Более того, так мы могли бы вообще покончить со всеми сомнениями.

— Каким образом? — спросил Кинг.

— «Тандербаг» должен был откуда-то взяться. Он мог проехать сотни миль, прежде чем оказаться в том злополучном месте. Машину и троих парней внутри могли заметить десять, двадцать, сорок человек. Я могу поручить агентам проследить путь «тандербага» и найти свидетелей. Если все свидетели скажут одно и то же, а именно, что эти трое — ваши пропавшие пилоты…

Джеймсон недоговорил, отчего его слова прозвучали несколько зловеще.

— Чтобы такое проделать, — заметил Кинг, — нам пришлось бы извлечь эти фотографии из секретных документов и снабдить вас большим

количеством копий.

— Конечно.

— Но это означает распространение секретных сведений.

Харпер громко застонал, потер подбородок и процитировал имена двенадцати апостолов.

— Посмотрим, что решит соответствующий департамент, — сказал Кинг, недовольно глядя на него.

— Заодно, — предложил Харпер, — можете убедить другой соответствующий департамент забрать тело Джоселин Уитгингэм и подвергнуть его тщательному исследованию. Не знаю, даст ли это что-нибудь, но в любом случае попытаться стоит.

— Посмотрим, что они решат, — повторил Кинг с явной неохотой и вышел.

Оставшиеся трое беспокойно пошевелились, осознавая, что вся ответственность с этого момента волей-неволей ложится на них.

— У вас есть пистолет? — спросил Харпер Джеймсона. — Да.

— Лучше держитесь за него покрепче.

— Почему?

— Потому что, если Кингу не удастся договориться с начальством, я по-настоящему озверею.

— Лучше не стоит! — предупредил Джеймсон.

— Я предпочту быстро умереть здесь, чем медленно где-нибудь в другом месте, — горячо заявил Харпер.

Трое посмотрели на него с явной опаской.

Кинг отсутствовал долго. Наконец он вернулся в сопровождении массивного человека с военной выправкой по фамилии Бенфилд. В руке тот держал три большие фотографии, которые показал Харперу.

— Знаете этих людей?

— Нет.

— Уверены?

— Уверен. Мне они совершенно незнакомы.

— Гм! Можете ли вы сказать, что они соответствуют описанию тех троих, которых вы имеете в виду?

— Вполне. Я мог бы утверждать более определенно, если бы фотографии были цветными. На черно-белом изображении не понять, какого цвета форма.

— Темно-зеленая с серебряными пуговицами, серые рубашки, зеленые галстуки.

— Кроме серебряных пуговиц, все сходится.

— Хорошо. Мы немедленно проверим. Кто тот свидетель?

Харпер рассказал ему про старика с заправки, пока Бенфилд делал быстрые записи в блокноте.

— Сперва попробуем допросить его, — обратился Бенфилд к Джеймсону. — Если проверка подтвердится, мы сделаем достаточное количество копий для того, чтобы ваши люди могли проследить весь их путь. Покамест передадим комплект фотографий в ваше тамошнее управление. Вряд ли потребуется много времени, чтобы выяснить, розыгрыш все это или нет.

— Пара часов, — сказал Джеймсон.

— Лучше бы пара минут, — заметил Харпер. — И как насчет того, чтобы дать мне передышку, пока вы этим занимаетесь?

— Об этом подумаем, когда получим доклад. Если доклад не оставит от вашей истории камня на камне, мы, скорее всего, отправим вас на обследование к психиатру.

— Это будет забавно, — заверил Харпер. — Он будет играть всеми королями, а я — всеми тузами. В конце концов вам придется упрятать в психушку его самого.

Бенфилд пропустил эти слова мимо ушей. К истории про телепатию и тому подобное он относился с изрядной долей скепсиса. На него произвело впечатление лишь то, что разыски-

ваемый преступник каким-то образом сумел добраться до высших эшелонов Вашингтона. Из чего следовало, что либо в словах Харпера есть крупица некоей невероятной истины, либо он обладает удивительным даром убеждения. Но Бенфилд был человеком беспристрастным и готов был заняться поиском любых фактов, которые могли принести хоть какую-то пользу.

— Поместите его в надежное место, — велел Бенфидц Джеймсону, — и держите там, пока мы не получим ответ.

— Думаете, я собираюсь сбежать после того, как проделал весь путь сюда? — возразил Харпер.

— Нет, не думаю — поскольку у вас не будет ни малейшего шанса сбежать.

Бросив на Джеймсона предупреждающий взгляд, Бенфилд вышел с фотографиями в руках.

— Мы позвоним вам, как только что-нибудь узнаем, — пообещал Джеймсону Кинг.

Он пристально посмотрел на Харпера, пытаясь вновь обрести властный вид, и продолжал смотреть ему в спину, пока тот выходил. Но в голове его крутился дикий водоворот мыслей, и ему было страшно, как он ни пытался это скрыть.

— Спасибо за обед, — устало сказал Харпер, сидя в кабинете Джеймсона. — Похоже, скоро вам

придется покупать мне и ужин.

Он посмотрел на часы.

— Без двадцати четыре. Почему они не доложат непосредственно вам? Это ведь ваши люди, так?

— У них свой приказ.

— Да, я знаю. Приказ, полученный от кого-то другого. В данный момент вы размышляете о том, что это дело не вполне в вашей компетенции. В задачи ФБР входит многое, но не поиски чересчур расточительных космических пилотов. Так, по крайней мере, вы считаете. И не можете решить, выйдет ли из этого хоть какой-нибудь толк.

— В свое время выясним.

— Что-то долго они выясняют.

Харпер несколько минут сидел молча, затем начал проявлять признаки нетерпения.

— А если тот старик мертв и больше не в состоянии кого-либо опознать?

— У вас есть причины так думать? — спросил Джеймсон, пристально глядя на него.

— Да. Возможно, те трое решили подстраховаться и вернулись, чтобы заткнуть ему рот.

— Зачем? Свидетельство мисс Уиттингэм снимало с них всякие подозрения. Было бы крайне глупо так поступать, вновь привлекая к себе внимание после того, как им успешно удалось

уйти в тень.

— Вы рассматриваете случившееся с неверной точки зрения, — заявил Харпер, — и ошибаетесь в двух отношениях.

— А именно?

— Вы полагаете, что если они виновны, то поведут себя как любые другие земные головорезы, убившие полицейского. Но почему они должны так поступать? Данное преступление вовсе не значит для них то же самое, что для нас. Напротив, они могут относиться к нему так же, как относится к своему поступку какой-нибудь тупоголовый фермер, который, увидев в лесу странную птицу, целится в нее из ружья и стреляет. Возможно, то была редчайшая птица в мире, последний экземпляр. Но разве фермера это хоть немного волнует?

— Вот причина, по которой они вряд ли вернутся, чтобы убить свидетеля, — заметил Джеймсон. — Вряд ли он их хоть немного волнует.

— Вовсе нет. Это аргумент против вашего предположения, что их главным образом заботит убийство Элдерсона. Думаю, на самом деле их беспокоит нечто куда более серьезное.

— Например?

— Страх, что их слишком быстро опознают. Они

вовсе не стремятся к тому, чтобы в них узнали астронавтов, не говоря уж о том, чтобы их заклеймили как преступников. Если где-то заметят пропавший космический экипаж, начнутся поиски по всем континентам, а на данном этапе им это совершенно не нужно. Что бы они ни собирались сделать, им требуется время.

— Раз вы настолько хорошо информированы, — слегка язвительно заметил Джеймсон, — возможно, сумеете объяснить, с какой целью они к нам прибыли?

— Одному богу известно. Но цели у них явно грязные. Иначе зачем им пытаться действовать тайно? Будь у них честные намерения — к чему тогда скрываться?

— Возможно, вы совершаете ту же ошибку, какую только что приписали мне, — сказал Джеймсон. — Вы рассматриваете их с человеческой точки зрения. Не слишком разумно оценивать таким образом цели и поступки инопланетян, верно?

Харпер презрительно фыркнул.

— В той степени, в какой их действия касаются нас, мы просто вынуждены рассматривать этих существ с нашей точки зрения. Вполне возможно, что их по праву считают выдающимися авантю-

ристами и величайшими патриотами в истории Венеры. Но если из-за их махинаций я хоть сколько-нибудь пострадаю — для меня они будут всего лишь троицей выдающихся подонков.

— Полностью с вами согласен.

— Ладно. Так или иначе, вряд ли тот старик с заправки сможет однозначно указать на них как на убийц Элдерсона. Самое большее, на что он способен, — подтвердить имеющиеся подозрения.

Харпер подался вперед, пристально глядя на Джеймсона.

— Но что он действительно сможет — это то, чего мы пытаемся от него добиться. Он сможет посмотреть на три фотографии, кивнуть и положить начало поискам. Есть только один надежный способ ему помешать — заставив замолкнуть навеки, пока не стало слишком поздно.

— Вполне разумно, — согласился Джеймсон, — но в ваших рассуждениях есть один серьезный недостаток.

— Какой?

— По всем новостным каналам передали подробности обоих убийств, как Элдерсона, таки Уиттингэм. Все от побережья до побережья знают, что вас разыскивают за второе убийство и подозревают в первом. Троим беглецам известно,

что они никак не вписываются в эту картину. Да и описанию свидетеля, о котором вы беспокоитесь, могут соответствовать тысячи людей. В программе новостей ничто не наводило на мысль, что свидетелю покажут фотографии, извлеченные из секретных папок Вашингтона. Так с чего бы им делать подобный вывод?

— Потому что я застрелил мисс Уиттингэм.

— Не понимаю, — нахмурился Джеймсон.

— Послушайте, я же вам рассказывал. Они почему-то подобрали на дороге эту девушку, вероятно просто потому, что подвернулась возможность, а им хотелось испытать свои методы. Возможно, они миссионеры, не упускающие ни одного шанса заполучить очередного новообращенного, по принципу «чем больше, тем лучше». Так или иначе, они превратили ее в одного из себе подобных. Она перестала быть Джоселин Уиттингэм, но продолжала под нее маскироваться. Не спрашивайте меня, каким образом, поскольку я этого не знаю и не могу даже предположить.

— И что?

— Сейчас главный вопрос — сумели ли они запомнить личность девушки? Или ее облик не отложился в их памяти, поскольку они сочли его несущественным? А может, им попросту трудно

воспринимать личность людей?

— Продолжайте, — поторопил Джеймсон.

— Если ее личность им неизвестна, весть о ее смерти ничего не будет для них значить. Для них новости, в которых говорится об убийстве Уиттингэм, станут лишь очередной передачей об отвратительным убийстве, и они даже не поймут, что имеют к этому какое-то отношение. Но если они ее опознают…

— Ради всего святого, не держите меня в неведении, — умоляюще сказал Джеймсон.

— Тогда убийство Уитгингэм заставит их действовать как можно быстрее. Они захотят выяснить, почему ее убили. Они захотят знать, убили ли ее из-за того, что в ней удалось распознать венерианца, а если да, кто и каким образом это сделал. Они прекрасно понимают, что, если станет известно об их присутствии на Земле, это присутствие неминуемо свяжут с космической экспедицией. И им очень захочется выяснить, успеют ли они разорвать связь, перерезав несколько глоток.

— Включая вашу.

— Да. Я — жертвенный козел. Мое имя и адрес сообщили в новостях по всей стране, прямо-таки приглашая до меня добраться — если у венери-

анцев получится это сделать. В любом случае, быстро я не умру. Меня прикончат медленно, очень медленно.

— С чего вы взяли?

— Насколько я догадываюсь, в их распоряжении имеется одно-единственное оружие — но чудовищное. Они могут притворяться людьми, и их притворство не может распознать никто, кроме какого-нибудь чуда природы вроде меня. Для них крайне важно знать, как мне это удается. Они не могут гарантировать, что подобное не повторится, если не узнают, как я это делаю. Они не могут бороться с угрозой, не понимая ее сути. Им придется вытащить из меня правду любой ценой, любым самым кровавым и рискованным способом. Иначе кто знает, сколько еще людей смогут их распознать и когда настанет последний час венерианцев. Их жизнь не будет стоить ломаного гроша.

— Телепатов у нас не пруд пруди, — заметил Джеймсон. — Вы же сами говорили.

— Но они-то этого не знают. Им остается лишь строить догадки, а обстоятельства таковы, что любое предположение может оказаться правдой. Они могут подумать, что их в состоянии почуять каждый рыжий — а рыжих вокруг пол-

ным-полно. Им просто необходимо знать, как это происходит.

— Вы, конечно, не рыжий, — сказал Джеймсон, — но если однажды мы найдем вас оскальпированным, мы сочтем это подтверждением вашей правоты.

— Спасибо, — проворчал Харпер. — Можете поглумиться над моим трупом. Смейтесь от всей души. Но скоро вы пожалеете, что не оказались на моем месте!

— Вы же знаете, я просто шутил. Я…

Джеймсон схватил трубку телефона, прежде чем тот успел зазвонить еще раз. Харпер поднялся, выжидающе глядя на Джеймсона.

— Как и в прошлый раз, они хотят немедленно нас видеть, — сказал Джеймсон, кладя трубку и беря шляпу. — С тем же успехом мы могли бы вообще оттуда не уходить.

— В деле есть подвижки, — заявил Харпер, когда они поспешно вышли на улицу и сели в машину. — Если бы от тех фотографий не оказалось толку, нам бы сразу об этом сказали. Не потащили бы через десять кварталов только затем, чтобы сообщить, что проверка ничего не дала. Или… Кто знает? Так или иначе, за топливо платят налогоплательщики.

Джеймсон сидел рядом с непроницаемым видом, не проронив в ответ ни слова.

Глава 6

На этот раз их ждали только двое. Суровые и жесткие черты одного из них, генерала Конуэя, были известны всему миру. Вторым был Бенфилд, мрачнее тучи.

— Итак! — пророкотал генерал Конуэй, впившись в Харпера холодным взглядом, — Это вы — чтец мыслей?

— Вы говорите так, будто я персонаж дешевого водевиля, — ответил Харпер, отнюдь не испытывая благоговейного трепета.

— Вполне возможно, так и есть, — согласился генерал.

Он думал, что, возможно, это определение не столь уж далеко от истины. Генерал внимательно осмотрел Харпера с ног до головы, задержав взгляд на толстых волосатых запястьях. Мысленный диагноз оказался достаточно лестным — с его точки зрения, Харпер был сильным и, вероятно, умным человеком, который, к несчастью, смахивал бы на обезьяну, будучи облачен в военную форму. Слишком широкоплечий, слишком коренастый и слишком волосатый для роли

капитана или полковника.

— Это еще ничего, — сказал Харпер. — Видели бы вы меня голым. Я похож на ворсистый ковер.

Генерал нахмурился. На лице Джеймсона застыло выражение ужаса. Бенфидд был слишком занят собственными мыслями, чтобы как-то отреагировать.

— Если вы знаете, о чем я думаю, то слова не нужны, — заявил генерал Конуэй, раздосадованный тем, что ничего не сможет теперь скрыть. — И что вы прочитали в моих мыслях?

— Началась жуткая суматоха, — без колебаний ответил Харпер. — И меня признали нормальным.

Генерал кивнул.

— Ваш свидетель опознал по фотографиям трех астронавтов, отправившихся на Венеру около полутора лет тому назад — все они находились в той машине. ФБР отслеживает их путь, и уже нашлись еще два свидетеля, чьи показания сходятся.

Генерал прислонился к краю стола, скрестив руки на груди и пристально глядя на Харпера.

— Дело весьма серьезное.

— Будет еще хуже, — пообещал Харпер. — Если это может вас хоть слегка утешить.

— Неподходящее время для шуток, — упрекнул генерал — Мы относимся к данному делу с той серьезностью, которой оно заслуживает. Все силы закона и правопорядка на Западном побережье объединенными усилиями прослеживают путь «тандербага» в поисках точки, откуда он отправился, надеясь, что в ее окрестностях может находиться корабль. Прослеживается и дальнейший путь машины, хотя это может оказаться напрасным — к настоящему времени автомобиль, вероятно, уже брошен.

— Ни корабль, ни автомобиль особого значения не имеют. Главное — те трое…

— Мы разыскиваем и их, — перебил генерал. — Все полицейские, военные и вспомогательные подразделения рано или поздно будут подняты на ноги. Повсюду распространяются фотографии, отпечатки пальцев и прочая информация. Все силы брошены на поимку этих троих, все прочие криминальные расследования временно приостановлены. К сожалению, на данном этапе мы не можем предупредить общественность, не вызвав всеобщей тревоги. Последствия подобных мер могли бы выйти из-под контроля.

— Неплохо, — одобрительно сказал Харпер, — Значит, я могу быть свободен.

— Напротив, вы останетесь здесь. Вы у нас в руках, и мы намерены вас задержать. Идет война, и вы призваны на службу.

— В таком случае прошу предоставить мне отпуск на неопределенное время.

— Просьба отклоняется, — отрывисто бросил Конуэй — он был слишком озабочен, чтобы изобразить хотя бы тень улыбки.

Обойдя вокруг стола, он сел и беспокойно постучал пальцами по столешнице.

— Военно-воздушные силы в полном составе разыскивают корабль. Любому гражданскому самолету приказано оказывать содействие. Мы забрали тела девушки и полицейского и передачи ученым для тщательного обследования. Рано или поздно будет сделано все, что в наших силах. В данный момент проблема в том, что делать с вами.

— Со мной?

— Да. Есть множество вопросов, на которые необходимо получить ответы. Прежде всего — вы можете как-то объяснить свои телепатические способности? Можете сказать, откуда они появились?

— Нет.

— Просто взялись ниоткуда?

— Насколько помню, я таким родился.

— Гм! — недовольно буркнул Конуэй. — Мы проводим обстоятельную проверку жизненного пути ваших родителей и их родителей. Если это вообще возможно, мы должны выяснить причину, по которой вы стали таким.

— Что касается меня, — заметил Харпер, — меня мало волнует причина. Меня никогда это не интересовало.

— Зато интересует нас. Мы должны как можно скорее выяснить, существуют ли другие подобные вам, а если да, сколько их. А также — есть ли действенный способ найти их и мобилизовать на службу, пока не закончится кризис.

— После чего к ним, в свою очередь, будут относиться как к виновникам кризиса, — бросил Харпер. — И для вас станет большой проблемой обеспечить им защиту, пока они не понадобятся снова.

— Послушайте…

— Я знаю, о чем вы думаете, вы не можете скрыть этого от меня. Я знаю, что власти оказались перед весьма серьезной дилеммой. Телепат — угроза для находящихся у власти, но он же — защита от врагов вроде тех, с которыми мы сейчас столкнулись. Вы не можете уничтожить

угрозу, не лишившись таким образом защиты. Вы не можете обеспечить тайну мыслей иначе чем иеной потенциальною мысленного рабства. Вы оказались в первоклассной ловушке, которой на самом деле не существует, поскольку она чисто воображаема и порождена разумом, не обладающим телепатическими способностями.

Конуэй не пытался оспаривать собственные мысли. Он молча сидел, холодно глядя на Харпера, и заговорил лишь тогда, когда тот закончил:

— С чего вы решили, что никакой проблемы на самом деле не существует?

— Потому что все неразумные фанатики, населяющие этот мир, неизменно приходят к выводу, что любой человек, коренным образом отличающийся от остальных, обязательно должен быть плохим. Подобным образом они пытаются раздуть свое безнадежно малое самомнение. У каждого собственный образец добродетели.

Сердито взглянув на генерала Конуэя, Харпер гневно заявил:

— У телепата есть этический кодекс, который ничем не хуже кодекса других людей! Возможно, даже намного лучше, поскольку телепату приходится бороться с куда большими искушениями. Я не слушаю чужие мысли, пока меня не вынудят

к этому обстоятельства. Я ничего не слышу, пока кто-нибудь не крикнет.

На генерала эти слова произвели сильное впечатление. Откинувшись на спинку кресла, он вновь окинул Харпера внимательным взглядом.

— Мы уже как следует вас проверили. Вы услышали полицейского Элдерсона с расстояния приблизительно в шестьсот ярдов. Как я понимаю, вы не слушали специально?

— Я услышал его предсмертный крик. Мысленно он воспринимается, как истошный вопль. Я просто не мог его не услышать.

— Вы помогли задержать нескольких преступников, находившихся в розыске, и теперь понятно, как вы это сделали. Но вы никогда не подслушивали чужие мысли?

— Вина сама кричит о себе через всю улицу. Страх ревет подобно разъяренному быку.

— Существуют ли достаточно негромкие мысли, чтобы вы не обратили на них внимания?

— Да — обычные, повседневные, невинные мысли.

— И вы их не слушаете?

— Ради бога! Зачем? Разве, сидя в ресторане, вы пытаетесь уловить каждое слово в непрерывном гуле разговоров вокруг вас? Разве занятая

телефонистка находит время, чтобы слушать всю болтовню, проходящую через ее коммутатор? Если бы я пытался уловить каждую мысль вокруг, спустя десять лет меня бы отправили в психушку. Непрерывный мысленный треп может быть для телепата настоящей пыткой, если он не закроет от него свой разум.

К тому времени Конуэй на три четверти готов был поверить Харперу. Вновь постучав пальцами по столу, генерал бросил вопросительный взгляд на Бенфилда и Джеймсона, которые тут же притворились сторонними наблюдателями, лишенными права принимать решения.

— Насколько я понимаю, — продолжал Конуэй, — до сих пор вам не доводилось встречать других телепатов?

— Нет, — с сожалением подтвердил Харпер.

— Но если бы вы и другой телепат разминулись на улице, не вслушиваясь в чужие мысли, ни один из вас не почувствовал бы присутствия другого?

— Полагаю, так бы и случилось. Но поклясться не могу. Если излучение наших мыслей сильнее, чем у обычных людей…

— Да, но ведь ваше отсутствие контактов с другими телепатами вовсе не доказывает вашей

уникальности. Может, в одном этом городе найдется полсотни или сотня телепатов?

— Сдается, это маловероятно. Но не стану утверждать, что подобное невозможно.

— На каком расстоянии вы можете читать мысли? — спросил Конуэй.

— На расстоянии примерно в восемьсот ярдов. Раз на раз не приходится. Иногда мне удавалось уловить чужие мысли на втрое большем расстоянии. Иногда же расстояние сокращается до ста ярдов и меньше.

— Вам известна причина подобных колебаний? Это связано с окружающей местностью, помехами в виде больших зданий или чем-нибудь подобным?

— Не могу точно сказать, поскольку никогда не занимался изучением этого вопроса. Но уверен — окружение никакие влияет на мое восприятие.

— Но у вас есть какая-то теория? — настаивал Конуэй.

— Да, — кивнул Харпер. — Подозреваю, что в каждом конкретном случае предел моего восприятия определяется амплитудой мысленного излучения. Чем мощнее излучение чужих мыслей, тем на большем расстоянии я могу уловить, о чем думает человек. Чем слабее излучение — тем

меньше расстояние. Как я уже говорил, нужны научные исследования, чтобы подтвердить истинность или ложность этой теории.

— Вы готовы пройти подобные исследования?

— Нет, — решительно заявил Харпер.

— Почему?

— Проблема сейчас не в том, что делать с телепатами. Проблема в том, что делать с пришельцами с Венеры. Я никому не позволю превратить меня в подопытного кролика. Займитесь теми, за кем вы охотитесь. Они многое успели натворить и собираются натворить еще больше. А мое единственное преступление в том, что я исполнил свой гражданский долг.

— Не думайте, что мы не ценим того, что вы сделали, мистер Харпер, — успокоил Конуэй. — Проблема в том, что этого недостаточно. Нам нужно, чтобы вы сделали еще больше. Все, на что вы способны. Собственно, нам это так необходимо, что мы от вас не отступимся.

— Чего вы от меня хотите?

— Всю информацию, которую возможно получить, и, возможно, кое-каких действий в будущем.

— Что ж, вперед. Пусть никто не говорит, будто Уэйд Харпер не умеет страдать.

Конуэй сделал знак Бенфилду.

— Включи магнитофон.

Потом генерал обратился к Харперу:

— Этот вопрос крайне важен, и я хотел бы, чтобы вы ответили на него как можно ясней. Что побудило вас выстрелить в Джоселин Уиттингэм?

— Сложный вопрос, — ответил Харпер. — Я не могу объяснить все так, чтобы вы поняли. Это все равно что пытаться описать розу слепому от рождения.

— И все-таки попробуйте.

— Ладно. Все было примерно так: представьте, что в спальне вашей жены вы замечаете на туалетном столике новую и красивую шкатулку. Не в силах справиться с любопытством, вы открываете шкатулку. Внутри живая ядовитая змея. В тоже мгновение змея прыгает на вас. Несмотря на испуг, вы действуете быстро. Вы сбиваете ее в воздухе, швыряете на пол и давите каблуком. Вот так все и было.

— Понятно.

Конуэй задумчиво посмотрел на него.

— Вы можете описать конкретнее, что именно тогда произошло?

— Она стала подниматься на крыльцо. Я понял,

что это, возможно, та самая девушка, которую я ищу. Я проник в ее разум — только чтобы узнать ее имя. В то же мгновение я осознал, чего именно я коснулся. И тогда…

— И чего же вы коснулись? — спросил Конуэй.

— Чего-то нечеловеческого. Не могу описать точнее. Я как будто сунул руку прямо в слизистое нутро нечеловеческого существа. В тот же миг оно ощутило мое прикосновение — и это стало для меня дополнительным подтверждением, поскольку ни один обычный человек не может ощутить телепатического касания. За долю секунды я понял несколько вещей. Во-первых, она не знала, откуда исходит телепатический импульс. У нее не было чувства направления, подобного тому, которое есть у меня. Но она правильно предположила, что импульс исходит от меня, поскольку я был на виду и уже со всех ног бежал к ней.

— Она не знала в точности, что это вы? — переспросил Конуэй. — Вы хотите сказать, что сама она ни в коей мере не была телепатом?

— У меня не было никаких доказательств ее телепатических способностей, кроме аномальной сверхчувствительности, которая, видимо, развилась в качестве защитного механизма.

Вне всякого сомнения, она поняла, что чужой и опасный разум внезапно, без предупреждения, сорвал с нее маску и заглянул внутрь. У нее возникла паническая мысль, что нужно бежать, предупредить других; что все они не так хорошо замаскированы, как полагают, и их все-таки можно обнаружить.

— Ага! — с надеждой сказал Конуэй. — Значит, она знала точное местонахождение тех, других? Она знала, как с ними связаться?

— Если даже и так, — ответил Харпер, — ее мысли этого не подтверждали. Все произошло слишком быстро. Наша встреча поразила нас обоих, как удар грома. Ее разум кричал: «Бежать, бежать, бежать!» — в то время как мой взывал: «Остановить ее, остановить… убить, убить!» В любом случае, я застрелил ее без всяких угрызений совести. Я почти забыл, что она — девушка. В тот миг она была кем-то другим, кого следовало немедленно уничтожить. Я выпустил всю обойму прямо ей в голову и тут же услышал, как чуждый разум замолк навсегда. Стало ясно, что это существо смертно, как и любое другое.

— А потом вы ушли, не пытаясь выяснить что-либо еще?

— Да. Мне нужно было спешить. Я не мог риско-

вать, что меня задержат в каком-нибудь другом месте, кроме этого. Если бы я рассказал всю историю в полицейском участке или кабинете шерифа, в конечном итоге закончил бы в психушке.

— Вы не могли сэкономить время и проблемы, позвонив по межгороду?

— И чего бы я таким образом добился? Какая-нибудь мелкая сошка выслушала бы меня, понимающе усмехнулась и послала полицию к телефонной будке, чтобы те забрали очередного психа. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы лично добраться до нужных людей. В этом мне, полагаю, повезло. Надеюсь, до врат рая добраться будет проще.

Вряд ли кому-то из слушателей понравилось замечание Харпера, но при всем желании они не могли отрицать его правоту. Между высшим руководством и осаждающей его толпой недовольных, теоретиков, придурков и разрушителей мира стояла внушительная стена мелких чиновников, которые не подпускали к начальству даже тех немногих, кого действительно стоило бы выслушать.

Генерал Конуэй откашлялся, придя к мнению, что данную проблему все равно не решить, и

продолжил:

— Вы установили контакт с чуждой формой жизни. Насколько нам известно, вы — единственный, кому это удалось и кто смог об этом рассказать. Можете добавить еще что-нибудь, что помогло бы определить истинную сущность врага?

— Я не видел его собственными глазами, так что описать во всех подробностях не могу.

— Несомненно. Но у вас ведь сложилось какое-то впечатление?

— Да, — немного подумав, ответил Харпер.

— Расскажите. Неважно, насколько впечатление смутное или мимолетное — нам нужны любые сведения, какие только можно получить.

— Без какой-либо видимой причины я почувствовал, что обладание чужим телом для этого инопланетного существа — естественное явление. То есть я инстинктивно понял, что существо, завладевшее телом Джоселин Уитгингэм, создано для подобной цели, чувствует себя отлично и знает, как пользоваться тем, что оно захватило. Девушка была человеком с ног до головы, во всех отношениях, кроме одного: внутри нее находилась чужая жизнь.

— То есть по своей природе это существо —

паразит? — спросил Конуэй. — Оно обычно существует в теле другой формы жизни?

— Да. У него в этом немалый опыт.

— Из чего, в свою очередь, следует — когда оно завладевает другим телом, оно завладевает всеми имеющимися в мозгу данными, всеми знаниями, памятью и так далее?

— Наверняка. Иначе оно не смогло бы выжить, немедленно не выдав себя.

— Отсюда следует неизбежный вывод, — заметил генерал, повернувшись к Бенфилду, — что на Венере имеются различные формы жизни и некоторые из них являются естественной добычей этого паразита. Кроме того, паразит способен овладеть существом куда более развитым, чем те, что обитают на его родине. Он может быстро приспосабливаться к новым условиям и, если можно так выразиться, способен сам себя вытащить за волосы.

Бенфилд кивнул в знак согласия.

— Кроме того, — продолжал Конуэй, — паразит, вероятно, подобен микробу. Это лишь мое предположение. Выяснение подробностей лучше предоставить специалистам, которые сумеют точнее разобраться в его свойствах.

— Было бы полезно изучить тело девушки,

чтобы выяснить, каким образом паразит им управлял, — заметил Харпер.

— Сейчас этим занимаются. Мы забрали труп, несмотря на яростные возражения родственников.

Харпер с загоревшимися глазами посмотрел на генерала.

— Кто из них больше всего возмущался?

Конуэй уже собирался ответить, но тут же закрыл рот и снова его открыл; судя по виду генерала, вопрос сбил его с толку.

— А что?

— Венерианцы должны держаться вместе.

— Вы имеете в виду?..

— Да, я имею в виду именно то, о чем вы сейчас думаете.

Плотно сжав губы, Конуэй снял телефонную трубку.

— Немедленно поместите всю семью Уиттингэм в надежное место. Нет, это не арест. Их ни в чем не обвиняют. Скажите им, что это ради их безопасности. Гм? Если вмешается их адвокат, направьте его прямо ко мне.

— От этого не будет никакого толку, — заметил Харпер. — Если кто-то из Уитгингэмов больше не принадлежит к нашему миру, вы лишь поможете

ему создать на Западном побережье нескольких полицейских-венерианцев.

— На такой риск придется пойти.

— Не обязательно. Можно посадить их в звериные клетки и кормить с длинных вил. Все, что угодно, лишь бы они не оказались достаточно близко, чтобы поработить своих охранников.

— Это будет вопиющим нарушением их гражданских прав. Мы можем прибегнуть к подобной тактике, только если сумеем объяснить все общественности. А тогда нам придется опубликовать информацию, которую хотелось бы хоть на некоторое время сохранить в тайне.

Генерал вопросительно посмотрел на Харпера, словно спрашивая: «Что вы на это ответите?»

— Скажите Уитингэмам правду, — быстро ответил Харпер. — Скажите, что Джоселин умерла от ранее неизвестной, очень опасной и крайне заразной болезни и что их нужно изолировать, пока не подтвердится, что они здоровы. Новая черная чума.

— Но ведь они знают, что ее застрелили?

— Это я был болен. Болезнь свела меня с ума. Я прикасался к девушке и заразил ее. Ей еще повезло, что она мертва. Вы вынуждены поместить в карантин всех, кто после находился рядом с ней.

Напугайте их такими байками. Чтобы обосновать изоляцию, можно обойти какую-нибудь статью в законе о здравоохранении. Никто из защитников гражданских прав не станет кричать о свободе для предполагаемых прокаженных. И по сути ваш рассказ будет недалек от истины, не так ли?

— Что-то в этом есть.

Конуэй снова снял трубку и отдал соответствующие распоряжения, закончив так:

— Проконсультируйтесь с профессором Хольцбергером по поводу технических сторон подходящего предлога. Нам нужно нечто достаточно внушительное, убедительное, но не настолько, чтобы вызвать всеобщую панику.

Генерал положил трубку и повернулся к Харперу.

— И что дальше?

— Когда представится возможность, позвольте мне на них взглянуть. Если окажется, что все они чисты, пусть их с озабоченным видом осмотрит какой-нибудь медик, а потом отправит по домам. Они будут слишком обрадованы, чтобы возмущаться.

— Но если одним из них завладел пришелец?

— Я сразу почувствую. Он тоже это поймет. Задержите его любой ценой. Когда остальных

отпустят, разрежьте его и посмотрите, что у него внутри. Можете не беспокоиться — с человеческой точки зрения он уже мертв. Вы будете резать живой труп. Если повезет, возможно, вам удастся выделить то, что им управляет.

Конуэй нахмурился. Джеймсон слегка побледнел. Судя по мыслям Бенфилда, ему это тоже не слишком понравилось.

— Это мы обсудим чуть позже, — сказал Конуэй. — Есть еще одно существенное соображение. Вы говорите, что, как только вы опознали мисс Уитгингэм, первой ее мыслью была мысль о бегстве?

— Да.

— Но не куда-то конкретно?

— Нет.

— То есть ее желание бежать было инстинктивным, не более того?

— Не совсем. Она испытала потрясение, внезапно лишившись давно известной и драгоценной истины, а именно — что распознать пришельца невозможно. Она столкнулась с фактом, противоречащим всему ее прежнему опыту, и ощутила непреодолимое желание убраться от меня подальше и рассказать о своем открытии остальным.

— Каким остальным? Где?

— Не знаю.

— То есть она не знала?

Харпер беспокойно шевельнулся, уставившись в пол.

— Честно говоря, не могу дать удовлетворительный ответ. Возможно, она не имела ни малейшего понятия о том, где находятся остальные. Или, возможно, знала, где они, но ей удалось подавить мысль об этом, в чем я сомневаюсь. Или…

— Или что?

— Возможно, она обладала нечеловеческим чувством, позволяющим этим существам общаться друг с другом. Чувством, которого у нас нет и которое мы не понимаем. Нечто вроде инстинкта голубей и собак, помогающего им находить дом; только этот инстинкт позволяет находить друг друга существам, принадлежащим к одному виду.

— Но вы уверены, что она не была телепатом?

— В том смысле, в каком я им являюсь, — нет.

— Может, в каком-то другом?

— Нет ничего невозможного, — прямо заявил Харпер. — Не в моей власти перечислить все свойства существ, живущих на планете в миллионах миль отсюда, бросив лишь мимолетный взгляд на одно из них. Поймайте мне еще десяток.

Я присмотрюсь к ним повнимательнее и скажу вам больше.

Конуэй дал знак Бенфиляу, и тот выключил магнитофон.

— Поймать еще десяток, — повторил генерал. — И как, черт побери, вы себе это представляете? Мы знаем о троих, в наших силах рано или поздно найти их и схватить. Найти же остальных, если они существуют, — совсем другое дело. Нам не от чего оттолкнуться, мы не знаем о них никаких подробностей, не знаем, как их опознать.

Конуэй посмотрел в глаза Харперу.

— Никто этого не знает, кроме вас. Вот почему мы призвали вас на службу. Нам нужны ваши услуги, чтобы проверить любого подозреваемого, который может попасть к нам в руки.

— То есть я должен сидеть и ждать ваших подозреваемых, а потом смотреть на них и говорить «да» или «нет»?

— Именно так. Другого способа не существует.

— Существует, — возразил Харпер.

— Например?

— Вы можете использовать меня как приманку.

— Гм?..

— Венерианцам нужно мое волосатое тело

точно так же, как вам нужны их тела. Точно так же, как вам необходимо выяснить все о них, им необходимо выяснить, чем именно я для них опасен. Но у них есть преимущество. Вам придется ловить невесть сколько неизвестных псевдолюдей. Им же нужно поймать одного человека, имя которого, адрес и номер машины известны по всей стране. Я для них — самый желанный объект вивисекции со времен их последнего пикника на Сатурне. Дайте им шанс, и они столпятся вокруг меня, истекая слюной. Вам останется только вмешаться и арестовать каждого, у кого в руке будет скальпель.

Конуэй тяжело вздохнул.

— Это риск, очень серьезный риск.

— Думаете, я от него в восторге?

— Если что-то пойдет не так, мы потеряем наше самое мощное оружие обороны, и нам нечем будет его заменить.

— Самое замечательное, что меня это нисколько не будет заботить, — весело сказал Харпер, — Мертвым все равно, кто выиграл войну или завоевал мир.

— Возможно. Но мы, остальные, будем все еще живы.

— Это тоже не будет меня заботить. Моя праба-

бушка не возмущается из-за дырки в моем носке.

— Но и вы можете быть все еще живы, — возразил Конуэй. — Даже если будете мертвы.

— Тогда я все равно буду мертв, — с извращенной философией ответил Харпер. — Так какая разница, если какой-то пришелец будет носить мое тело, словно норковую шубу?

Он улыбнулся, наслаждаясь отвращением, которое прочел в чужих мыслях.

Генерал походил на игрока в шахматы, пытающегося решить, можно ли обеспечить мат, пожертвовав ферзем. Конуэй вовсе не был уверен в успехе, но никакие другие варианты в голову ему не приходили. Для его военного склада ума телепаты были бы расходным материалом — если бы можно было предположить, что их запасы неограниченны. К сожалению, в отличие от патронов и винтовок телепатов нельзя производить по заказу. Пока в его арсенале имелось одно-единственное телепатическое оружие. Если генерал его потеряет, другого он может не получить.

Даже если бы нашлось достаточно людей со сверхъестественными способностями, чтобы избавиться от инопланетной угрозы раз и навсегда, ситуация все равно осталась бы критической; последствий случившегося избежать бы не уда-

лось. Что произойдет дальше? Можно ли будет доверять этим людям? Или последние события пробудят в них самих жажду власти, искушение объединиться и подчинить себе планету? Причем у телепатов имелось бы для этого достойное оправдание, достаточно убедительное, чтобы склонить на свою сторону массы; «Только мы смогли спасти вас сейчас, и только мы сможем спасти вас в следующий раз».

Конуэй все еще сидел, погруженный в размышления, когда снова зазвонил телефон. Он рассеянно взял трубку, приложил к уху, и выражение его лица сразу изменилось.

— Кто? Когда? Да-да, понял.

Он положил трубку и мрачно уставился перед собой.

— Что-то не так? — спросил Харпер.

— Вы сами знаете, что не так. Вы должны были слышать мои мысли.

— Я не слушал. Я был погружен в свои мысли. Я не могу одновременно думать и воспринимать то, что происходит в чужих мозгах.

— Один из свидетелей мертв. Тот старик с заправки.

— Убит?

— Да. Это случилось несколько часов назад, но

его нашли лишь пятнадцать минут назад. Кто бы это ни сделал, у него хорошая фора.

Конуэй вопросительно посмотрел на Джеймсона.

— Не знаю, что и подумать. Вы куда опытнее в подобных делах. Полагаете, это может быть простым совпадением?

— Как он был убит? — спросил Джеймсон.

— Его обнаружили лежащим возле колонки — ему с одного удара проломили череп чем-то тяжелым. Похоже, он залил кому-то топливо в бак, и его ударили, когда он попытался получить деньги.

— Есть следы ограбления? Ему вывернули карманы, очистили кассу?

— Нет.

— Гм… Это еще не значит, что мотивом убийства не послужило ограбление, — заметил Джеймсон. — Преступников мог кто-то спугнуть, прежде чем они успели закончить свое грязное дело. Или, возможно, то были угонщики, которые пытались выбить из старика бак бесплатного топлива, но перестарались, и дело закончилось убийством.

Он немного подумал, жуя губами.

— На этих уединенных заправках каждый год происходят неприятные истории. Вполне воз-

можно, это лишь совпадение. Если мы придадим ему особое значение, мы можем пойти по ложному следу и только зря потерять время.

Конуэй повернулся к Харперу.

— Тамошняя полиция чувствует, что у нее связаны руки, поскольку им был отдан строгий приказ бросить все ради поисков пропавших пилотов. Но одно расследование вполне может быть частью другого. Если между убийством старика и основным делом существует связь, я не хочу, чтобы расследование убийства временно приостановили. С другой стороны, если подобной связи не существует, я не стал бы отменять прежние распоряжения. Что скажете?

— Если венерианцы таким образом хотели заткнуть старику рот, они опоздали, — отозвался Харпер, — Он видел их фотографии и поднял всех на ноги, прежде чем его успели остановить. Но они могли об этом не знать.

— Думаете, это все-таки их рук дело, а не случайное совпадение?

— Джеймсон высказал свою точку зрения, а я пытаюсь рассмотреть противоположную, — осторожно проговорил Харпер. — Я лишь хочу сказать, что, если этим троим известна личность девушки, телом которой они завладели, ее смерть

окажется для них немалым потрясением. Два плюс два равно четырем на любой планете. Они сложат вместе кусочки услышанных новостей, получат верную сумму и решат, что девушку каким-то образом разоблачили — одному богу известно, каким именно.

— И?..

— Они знают, что их будут ловить по всей стране, что дела их плохи, если не удастся найти укрытие. Даже если они его найдут, это даст лишь отсрочку… Но большего им и не требуется. Если их не схватят в скором времени — будет уже слишком поздно. В том «танлербаге» их видели многие, но только двое видели вместе с девушкой и вблизи — Элдерсон и старик. Первый уже мертв и опознать их по фотографиям не сможет. Им было бы на руку, если бы то же самое случилось со вторым свидетелем. Так ситуация должна выглядеть с их точки зрения. Любой разум ищет способы выжить, независимо оттого, с какой он планеты.

— Тогда почему они так поздно до него добрались? — спросил Конуэй. — А не на три-четыре часа раньше?

— Убив девушку, я немедленно отправился сюда, на что у меня ушел почти целый день. После

того как я уехал, о случившемся стало известно не сразу. Вполне возможно, к тому времени, как они об этом узнали, они уже успели уехать достаточно далеко, и им пришлось срочно возвращаться. Даже в наши дни требуется время, чтобы преодолеть расстояния.

— Полагаю, да.

Конуэй с сомнением перевел взгляд на Бенфилда.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Да, генерал. Думаю, убийством старика стоит заняться, просто потому, что ничего нельзя упускать.

— Верно, — одобрительно заметил Харпер. — Учитывая численность войск и полиции в этой стране, мы вполне можем выделить пару десятков человек. От столь серьезных потерь в живой силе хуже не будет.

Конуэю не понравился его своеобразный юмор, в котором звучал неприкрытый сарказм. Но своей цели Харпер добился, заставив генерала перейти к немедленным действиям. Конуэй снял телефонную трубку с видом человека, который уже сыт ее видом по горло, и набрал номер.

— Уильям, насчет того убийства на заправке. Я хочу, чтобы им занялись — быстро и тщательно.

Да, действие приказа приостановлено, но только в отношении этого дела. Оно может быть как-то связано с объявленными поисками. Если это так, один из разыскиваемых был сегодня в том районе. Обо всем докладывайте непосредственно мне.

Он положил трубку, вызывающе глядя на остальных.

— Вопрос решен. Больше мы почти ничего не можем сделать, пока не возьмем хотя бы одного из них — и, будем надеяться, живьем.

— Хотелось бы также надеяться, что этот один приведет к остальным, — вставил Бенфилд.

— И еще хотелось бы надеяться, что в ближайшее время кто-нибудь наконец решит, принять или отклонить мое предложение повиснуть на крючке в качестве приманки, — сказал Харпер.

— Ваша первая задача — проверить семью Уиттингэм, — ответил Конуэй. — Потом подумаем, что с вами делать дальше.

— Тогда пошли, — Харпер небрежно помахал на прощание Конуэю, всем своим видом говоря, что будущее его нисколько не пугает.

Тот невольно ощетинился, что доставило Харперу немалое удовольствие.

— Не стоило так раздражать старика, — уко-

ризненно сказал Джеймсон, когда они покинули здание и подошли к машине. — У него и без того хватает проблем.

— Я лишь подтвердил свое право на свободу личности, которое вот-вот могли оспорить, — бросил Харпер. — Кроме того, и кошка может смотреть на короля — и так будет всегда, даже когда рушится мир.

Джеймсон предпочел не спорить.

Когда они снова вернулись в управление, Джеймсон сказал:

— Чем раньше вы займетесь делом, тем лучше. Мы отправим вас на самолете или вертолете. Посидите, пока я выясню что и как.

— Вы могли бы заодно восстановить мое доброе имя, — предложил Харпер. — Отмените распоряжение о моем розыске. Мне не нравится быть беглецом, хотя никто и не обращает на это внимания. То, что все силы сейчас брошены на поиски пилотов, не помешает какому-нибудь зоркому малому схватить меня, если я окажусь прямо у него под носом.

— Рано или поздно мы этим займемся. Пока же я пошлю с вами парочку агентов, на всякий случай.

— Думаете, я не могу позаботиться о себе?

— Таков приказ Конуэя.

— Что ж… ладно.

Джеймсон направился к двери, и Харпер крикнул ему вслед:

— А еще я хочу получить назад свой пистолет! Это ведь моя собственность, не так ли?

Вернувшись через две минуты, Джеймсон бросил перед ним на стол оружие и большой коричневый конверт.

— Посмотрите, пока я отдам соответствующие распоряжения. Все самолеты заняты, и вам придется воспользоваться вертолетом.

Он снова вышел.

Сунув пистолет под мышку, Харпер открыл конверт, из которого выскользнули три глянцевые фотографии большого формата. С обратной стороне к каждой был прикреплен листок с отпечатанным текстом. Харпер внимательно все разглядел.

На первой фотографии был изображен Уильям Гоулд, двадцати восьми лет, главный пилот-испытатель, крепко сложенный блондин весом вето восемьдесят фунтов, со шрамом в форме полумесяца над левой бровью. Со второй фотографии улыбался худой темноволосый Кори Макдональд, двадцати четырех лет, пилот-испы-

татель и специалист по вычислительной технике — жилистый парень весом в сто пятьдесят пять фунтов, без особых примет. На третьей фотографии была серьезная задумчивая физиономия Эрла Джеймса Лэнгли, двадцати семи лет, пилота-испытателя и астронавигатора, темноволосого, весом в сто шестьдесят два фунта, с маленькой родинкой на правом бедре и белыми шрамами на обоих коленях.

«Гоулд, Макдональд и Лэнгли, — мысленно повторил Харпер, перекладывая фотографии и запоминая лица — Гоулд, Макдональд и Лэнгли. Три хороших парня, которые отправились в путь, исполненные надежд, а вернулись исчадиями ада. Да упокоит Господь их души!»

Глядя на фотографии, Харпер чувствовал, как в нем нарастает желание отомстить. Ему казалось неправильным, что этим парням пришлось расплачиваться за прогресс человечества. Достойнейшие люди, заплатившие ради Земли столь страшную цену — и пока не до конца. Они отдали собственные жизни. Когда их найдут и уничтожат — они отдадут и собственные тела. И только тогда цена будет выплачена сполна.

Харпер ни на мгновение не сомневался, что, столкнувшись лицом к лицу с одним из этих тро-

их, он пристрелил бы его словно бешеного пса, без колебаний, как застрелил Джоселин Уиттингэм. Ему будет легче, чем остальным, привести в исполнение столь хладнокровный приговор; мысленно он мог видеть ужасающую пустоту человеческой оболочки и извивающуюся внутри нее тварь.

Трое прекрасных молодых людей.

Три прогнивших яблока.

— Черт побери! — вслух сказал Харпер, — Черт!

— На кого вы ругаетесь? — спросил Джеймсон, входя в дверь.

— На этих чьих-то там сынов — и на то, что с ними сделали.

— Не забивайте голову. Нас куда больше беспокоит, что они делают с другими.

— Знаю. Но такова уж моя натура — сожалеть о том, что достойно сожаления.

Убрав фотографии в конверт, Харпер протянул его Джеймсону.

— Если я могу получить копии — проследите, пожалуйста, чтобы их положили ко мне в машину. Они слишком большие, чтобы влезть в карман.

— Мы печатаем тысячи копий поменьше, та-

ких, чтобы они поместились в бумажнике. В свое время вы получите комплект.

Джеймсон выжидательно посмотрел на дверь. Вошли двое худощавых, хорошо одетых молодых людей, всем своим видом выражающих спокойную уверенность в себе.

— Познакомьтесь — Дэн Норрис и Билл Рауш. Только попробуйте от них удрать.

— Это мой эскорт?

— Да.

— Надеюсь, я не слишком утомлю вас, ребята, — сказал Харпер. — Можем отправляться?

— Немедленно, — подтвердил Джеймсон, — Армейский вертолет на крыше.

В сопровождении двоих молчаливых молодых людей Харпер поднялся на лифте на крышу и сел в ожидавший вертолет — большую тридцатиместную машину с двумя пропеллерами.

На высокой ноте взвыли двигатели, завертелись пропеллеры, превратившись в светящиеся круги. Вертолет подпрыгнул и быстро поднялся в воздух. На высоте пять тысяч футов включился хвостовой реактивный двигатель, и машина устремилась на запад.

Через три с половиной часа они приземлились на богато украшенной территории инфекци-

онной больницы штата. Их встретил агент, представившийся Верном Притчардом.

— Вы держите Уиттингэмов здесь? — спросил Харпер.

— Да. Всего их пятеро. Они поверили в нашу историю о возможной инфекции и отправились с нами без возражений. Они опасаются, что могли чем-то заразиться, и ждут не дождутся, когда же все выяснится.

— Никто из них не пытался бежать?

— Нет, — сказал Притчард.

— Или общаться с кем-то извне?

— Нет.

— Где они находятся?

— В той пристройке, — показал Притчард.

Харпер некоторое время задумчиво смотрел на указанное место, до которого было ярдов четыреста, затем сказал:

— С ними все в порядке. Можете их отпустить.

— Но вы их даже не видели, — недоверчиво возразил Притчард.

— Мне это не нужно.

— Что ж, мне приказано в точности выполнять ваши распоряжения. Вы полностью отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Да. Я говорю, что они чисты. Можете их осво-

бодить.

— Ладно.

Безнадежно сбитый с толку, Притчард подстраховался, бросив своим коллегам-агентам:

— Вы двое — свидетели.

Кивнув в знак согласия, те последовали за Харпером в вертолет, вто время как Притчард направился к пристройке. Вертолет поднялся в воздух и направился в обратный путь.

— Слава богу, не всем известно, кто я такой, — заметил Харпер, направив мысли находившихся рядом в соответствующее русло.

Судя по их реакции, они тоже этого не знали. Джеймсон не открыл им ничего сверх самого необходимого. Власть предержащие пытались скрыть от общественности, что существуют две угрозы, а не одна.

Власти пытались сохранить в тайне существование человека-телепата точно так же, как существование нечеловека-поработителя, намереваясь воспользоваться первым для уничтожения второго… А затем решить судьбу первого.

Глава 7

Мойра застыла, словно парализованная, когда Харпер с мрачным видом вошел в кабинет, уселся за свой стол и начал просматривать накопившуюся корреспонденцию.

— Ну, что с тобой? — наконец проворчал он, подняв взгляд, — Я что, превратился в пурпурное чудовище?

— Нет, мистер Харпер.

Колени Мойры подогнулись, она села, все еще глядя на него широко раскрытыми глазами. Прислушиваясь, не раздастся ли звук приближающихся сирен, она думала, как избежать скандала, которым все неминуемо закончится.

— Закрой рот — так ты напоминаешь полуголодного карпа. Где отчет о выполнении работ для эпидемстанции? Они уже жалуются.

Подбежав к шкафу, девушка выдернула ящик, быстро перелистала карточки, вытащила одну и протянула Харперу. Все ее мысли крутились лишь вокруг того, что она осталась наедине с врагом общества номер один и кто-то как можно быстрее должен что-то предпринять.

— Мистер Райли заходил несколько раз, — сообщила она так, чтобы это выглядело предупреждением, надеясь, что Харпер поймет намек. — Сказал, что сегодня тоже зайдет.

— Обязательно зайдет, тупой бездельник.

Харпер мрачно проглядел карточку.

— Гм! Когда я говорю — шесть недель, я имею в виду шесть недель, а не шесть дней. Уважаемые господа, в ответ на ваш запрос от вчерашней даты…

Схватив карандаш, Мойра начала поспешно писать. Харпер продиктовал еще сорок слов, пока не понял, что в ее записях вряд ли можно будет что-то разобрать. Прервав диктовку, Харпер заговорил с тщательно взвешенной смесью строгости и грусти:

— Послушай, долговязая, я вовсе не осужденный преступник. За время моего отсутствия я никому не выпустил кишки, за исключением нескольких сотен человек, которые того заслуживали. Меня не разыскивает полиция, тюремщики, армейские вербовщики или христианское духовенство. Меня любят так, как не любили еще никогда в жизни. А теперь возьми себя в руки и займись делом. Уважаемые господа, в ответ на ваш запрос…

На этот раз Мойре удалось записать его слова без единой ошибки. Вставив бумагу в пишущую машинку, она поправила лист и выжидающе замерла, услышав приближающиеся к двери конторы тяжелые шаги.

— А вот и он, — с притворной тревогой объявил Харпер. — Ныряй под стол, когда начнется стрельба.

Мойра застыла, занеся палец над клавишей. Она не осмеливалась оглянуться, боясь убедиться в смертельной серьезности намерений Харпера и пытаясь услышать тихий шорох одежды, указывавший на то, что он достает пистолет.

В следующее мгновение Райли распахнул дверь в своей обычной слоновьей манере и, как обычно, в два шага оказался возле стола. Если бы его нахмуренные брови могли опуститься еще на дюйм ниже, они вполне сгодились бы на роль усов. Опершись обеими руками на стол, он наклонился, уставившись в глаза Харперу. За спиной Райли Мойра, от облегчения едва не лишившаяся чувств, неуверенно ударила по клавише.

— А теперь, — хрипло проговорил Райли, — ты мне расскажешь, что тут, черт побери, происходит. Почему тебя сперва разыскивают за убийство, а потом нет? Почему сегодня ты на

первом месте в списке подозреваемых, а на следующий день вообще исчезаешь из списка? Почему они никак не могут решить, на самом ли деле ты волосатое чудовище?

— Жизнь — всего лишь лотерея. Я…

— Заткнись! Я еще не договорил. Почему ФБР в полном составе переселилось сюда и как ни в чем не бывало забирает у меня четыре лучших моих отряда? Что ФБР нужно в этом богом забытом городишке? Почему…

— Почему ты постоянно действуешь Мойре на нервы, стоит мне отвернуться? — спросил Харпер.

— Я? — вспылил Райли. — Я ее и пальцем не тронул. Я не из таких. Я женат и счастлив. Если она говорила тебе, что я ее трогал, — она лжет. Не верю, что она могла тебе такое сказать. Ты придумываешь всякую чушь, пытаясь сменить тему. Но не выйдет! Почему…

— Ты смотрел на нее и кое о чем думал, — заявил Харпер.

— Ладно! — покраснев, прорычал Райли, — Я понял. Ты отказываешься говорить. Ты знаешь, что я не могу тебя заставить, и наслаждаешься ситуацией, теша свое обезьянье самолюбие.

Он понизил голос на несколько децибел.

— Не дозволит ли ваша светлость задать один вопрос? Всего один маленький вопросик?

— Задавай, — ответил Харпер, стараясь говорить царственным тоном.

— К кому я должен обратиться за ответом?

— К генералу Конуэю.

— Во имя Иосафата! — воскликнул Райли, поддергивая сползающие штаны. — Это что, настолько серьезно?

— Увы, да. И если они не сочли нужным сообщить тебе подробности — я тоже не имею на это права. Рассказав тебе обо всем, я превышу свои полномочия, а мне дали понять, что поступать так весьма нехорошо. Это непростительный грех, который приводит к анархии и ее последствиям — богохульству, безвластию и иным порокам. Можешь составить свой собственный список — тебе известно куда больше мерзостей, на которые способны люди.

Харпер потянулся к очередному письму в груде почты на своем столе.

— Когда будешь уходить, аккуратнее закрывай дверь, иначе стекло выдержит не больше двух твоих вторжений.

— Мне и без тебя дел хватает, — сообщил Райли, скаля крупные зубы, — Две кражи со взломом,

одно вооруженное ограбление и один поджог за прошлую ночь. Ноя почему-то должен все это бросить и сосредоточиться исключительно на поисках трех парней по фамилии Макдональд, Лэнгли и Гоулд; к тому же у меня забрали четыре патрульные машины. Как будто нет ничего важнее поисков троицы, против которой даже не выдвинуто обвинений!

— Действительно, нет ничего важнее, — согласился Харпер.

— Скажи честно, что они такого сделали? — наклонившись ближе, прошептал Райли.

— Спроси Конуэя.

— Как же, спасибо.

Стекло двери зазвенело, когда Райли вышел.

— Научному руководителю лаборатории Суэйна, Трентон, Нью-Джерси, — вновь начал диктовать Харпер схватившей карандаш Мойре. — В ответ на ваш запрос о возможности разработки пневматических микроманипуляторов замедленного действия, пригодных для использования с электронными микроскопами типа «зет», мы рады сообщить, что…

Он посмотрел на приоткрывшуюся дверь.

— В чем дело?

— Мы слышали ваш разговор через микрофон,

— сказал агент Норрис. — Кто этот полицейский?

— Приятель, который полагает, что заслуживает моего доверия, — Харпер фыркнул, потер нос и добавил: — Мне тоже так кажется.

— Почему вы так считаете?

— Я давно его знаю. Ему можно доверять.

«Обратить внимание на друзей и близких Харпера, — мысленно повторна полученные распоряжения Норрис, думая, что его никто не слышит, — Их необходимо тщательно проверить».

— Мы позволили ему встретиться с вами, — сообщил он вслух, — учитывая его должность. Но нам очень интересно, почему он так настойчиво требовал объяснений? То, что вполне устроило комиссара, его тем более должно было устроить, разве не так?

— По отношению ко мне Райли находится в привилегированном положении.

— Вы уверены, что у него не было скрытых мотивов?

— Не знаю, не проверял. В любом случае, я не заглядываю под черепушку всем подряд. Кроме того, меня сейчас куда больше беспокоит, как избежать неминуемого банкротства. Какие мотивы

у него могли быть?

— На этот счет вы можете строить предположения, как и любой другой, — не считая того, что вам незачем гадать, — ответил Норрис. — В подобной ситуации вполне разумно подозревать любого, включая собственную мать.

Он вышел, вернувшись в механическую мастерскую к Раушу.

Харпер продолжил разбирать почту. Когда подошло время обеда и Мойра ушла перекусить, он позвал Норриса в свой кабинет.

— Мойра — приятная девушка. Она выше меня на три дюйма, потому что я так часто посылал ее с различными поручениями, что у нее вытянулись ноги. Но мы вполне ладим друг с другом.

— А я тут при чем? — спросил Норрис.

— Я бы не хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось, если сюда ворвется наемный убийца. Она такой же червяк на крючке, как и я. А я не плачу ей за подобный риск.

— Именно вы должны предупредить нас о попытке нападения, — заметил Норрис, — Без вас мы работаем вслепую.

— Я знаю. Но я не держу Мойру за руку двадцать четыре часа в сутки. Вам не кажется, что стоит избавиться от нее на некоторое время? Как насчет

того, чтобы отправить ее в оплаченный отпуск, пока все не закончится?

— Нет. Вы сможете играть свою роль, только если будете вести себя как всегда. Слишком много изменений — и ловушка станет чересчур заметной.

— Они могут напасть на Мойру на улице, надеясь с ее помощью добраться до меня. Слава богу, у них ничего не выйдет. Я пойму, что произошло. Но мне бы очень не хотелось стрелять в нее из-за того, что она больше не прежняя Мойра. Что сделано, уже не изменишь, поэтому я бы хотел, чтобы ничего подобного не случилось.

— Ей придется рисковать точно так же, как и любому другому, — бесстрастно сказал Норрис. — Для нее ситуация ничем не лучше и не хуже.

— Хуже, — возразил Харпер, — так как вероятность того, что выберут именно ее, намного выше. Я был бы рад, если бы к ней приставили круглосуточную охрану.

— Охрана уже есть. Мы с самого начала выделили для этого двух человек. То же касается и остальных ваших сотрудников, а также тех, с кем вы постоянно общаетесь. Если кто-нибудь попытается подобраться к вам через ваших знакомых, ему не так-то просто будет найти подходящего

человека.

— Я могу найти такого в любой момент, — заявил Харпер.

Норрис вздернул бровь.

— Того, кто не находится под постоянным наблюдением?

— Да.

— Тогда вы обязаны сообщить мне, кто это.

— Агент, — сказал Харпер. — Любой агент. Кто сторожит сторожей?

— Неразрешимая проблема. Наши люди уже работают парами. Мы можем объединить их в группы по трое, четверо, десять или двадцать, но этого может оказаться недостаточным. Нужно провести черту между желаемым и осуществимым. Они действуют парами, поэтому никого не могут захватить в одиночку.

— То есть их придется захватывать сразу по двое?

— Если такое возможно.

— Враги способны на все, на что способны люди. Кроме того, насколько мне известно, они способны делать кое-что, чего мы не умеем.

— Мы подумаем, — пообещал Норрис.

На четвертый день обычной деловой рутины Харпер уже устал играть роль приманки для

рыбы, которой, возможно, просто не существовало. Да и сама эта роль стала казаться ему не очень удачной затеей. Возможно, он переоценил важность собственной персоны. Возможно, венерианцы больше не опасались, что их могут обнаружить раньше срока. Возможно, они уже успешно обосновались на Земле и их не волновал ни Харпер, ни ему подобные.

Тем временем Харперу ужасно надоело, что за ним по пятам неотступно следуют агенты. Они бесцельно болтались на каждом углу, занимали соседние столики в ресторанах, стояли у него за спиной в общественных уборных, дышали ему в шею в кино, околачивались по ночам под окнами его спальни. Ради свободы человечества он вынужден был жертвовать собственной свободой.

Но рутина была нарушена и к Харперу вернулась вера в свое предназначение, когда однажды утром, придя в контору, он развернул утреннюю газету и обнаружил заметку в самом низу колонки.

«Саванна, Джорджия. В полночь в окрестностях города во время операции ФБР на ферме Ранковичей произошла короткая, но кровавая перестрелка. Двое были убиты, четверо арестованы. Еще двоим удалось бежать. Региональный

директор ФБР Стивен Мэддокс отказывается раскрыть цель операции, утверждая, что ФБР действовало в соответствии с прямыми указаниями из Вашингтона».

Сообщение было весьма необычным в нескольких отношениях. Во-первых, оно было достаточно кратким. Во-вторых, в нем не упоминалось ни точного места происшествия, ни чьих-либо имен, не считая Мэддокса. И наконец, перестрелка произошла, когда все силы закона и порядка были брошены на решение одной-единственной задачи. Очевидно, данный инцидент был каким-то образом связан с этой задачей.

Подозрения Харпера подтвердились десять минут спустя, когда по межгороду позвонил Джеймсон.

— Видели новости?

— Как раз читаю.

— Утром об этом должны были сообщить по радио, но мы задержали передачу. Мы сейчас тратим уйму времени, пытаясь убедить службы новостей свести к минимуму подобную информацию. Естественно, они хотят знать почему, а мы не можем им ответить.

— Что случилось? — спросил Харпер, глядя на собеседника на экране.

— Я не могу рассказать всего даже по официально проверенной телефонной линии. Если коротко, один из наших напал на след Лэнгли, и след привел его на ферму Ранковичей. Вероятно, за короткое время, прошедшее между сообщением нашего агента и прибытием группы, Лэнгли успел уйти. Лиса сбежала, оставив еще теплую нору.

— Очень жаль.

— Двое мертвы. Их тела отправлены на исследование, — продолжал Джеймсон, — Из тех четверых, которых мы задержали, трое категорически отрицают, что принимали участие в перестрелке. Они говорят, что просто случайно оказались в доме, когда началась стрельба, и спрятались, чтобы ее переждать. Мы подвергли их парафиновому тесту{1}, результат оказался отрицательным.

— Что насчет четвертого?

{1} Комментарии: 1

Парафиновый тест использовался криминологическими лабораториями США для определения остатков нитритов и нитратов (предположительно от пороха) на руках подозреваемых, что могло бы дать основания для предположений о недавнем использовании ими огнестрельного оружия. Впервые был применен в 1936 г В середине 60-х годов тщательные научные исследования выявили недостатки парафинового теста. Оказалось, что он мог давать положительные результаты на другие вещества (помимо пороха), такие как моча, табак, табачный пепел, удобрения, цветной лак для ногтей. (Прим. ред.)

— Это брат одного из убитых. Утверждает, что спал и проснулся, когда началась суматоха. Натянув штаны, он сбежал вниз и вместе со своим братом и еще одним парнем принялся палить из окон. Он клянется, что никто из них понятия не имел, что они стреляют в представителей закона.

— Звучит правдоподобно, — заметил Харпер.

— Он сдался, когда до него добрался слезоточивый газ. К тому времени остальные двое были уже мертвы. Все четверо задержанных опознали Лэнгли по фотографии, но ничего о нем не знают, кроме того, что он пробыл у них пару дней и покинул дом без двадцати одиннадцать, то есть за час до облавы.

— Похоже, его предупредили.

— Вряд ли. Ему просто повезло. Так или иначе, я звоню не только для того, чтобы рассказать эту историю; есть еще кое-что интересное. Когда мы окружили дом, постучали и потребовали открыть, кто-то выстрелил сквозь дверь. Итак, хотя Лэнгли в доме уже не было, это не имело особого значения — в доме все равно скрывался кто-то, очень не хотевший, чтобы ею схватили. Что скажете?

— Лэнгли обзавелся приятелем.

— Да, и, возможно, не одним. Вместе с Лэнгли из дома ушел некто по фамилии Ватонер. Мы ничего о нем не знаем, кроме того, что их с Лэнгли что-то объединяет. У нас есть его подробное описание, и, естественно, теперь продолжаются поиски обоих.

— Вы ничего не узнали про остальных двоих? — спросил Харпер.

— Макдональда и Гоулда? Нет, в том районе их нет. Похоже, они разделились, чтобы усложнить нам задачу.

Джеймсон помолчал, изучая лежавший за пределами экрана документ.

— Я хотел бы, чтобы четверых задержанных немедленно подвергли проверке. Возможно, они вовсе не те, кем кажутся.

— Хотите, чтобы я туда приехал?

— Нет. Это нарушит весь наш план. Мы пришлем всю четверку к вам. Взгляните на них проницательным взором и скажите — да или нет.

— Хорошо.

— Спасибо. Есть еще кое-что. До сих пор никто не вцепился вам в задницу. Как вы сами сказали, все зависит от того, запомнили они ту девушку или нет, и было ли убийство на заправке случай-

ным совпадением. На данный моменту нас нет доказательств того, что они действительно знают, что их разыскивают, знают, что нам известно о возвращении корабля. Поэтому…

— Корабль еще не нашли? — перебил Харпер.

— Никаких следов. Он не мог разрушиться до неузнаваемости; чтобы избавиться от такой массы металла, команде профессионалов с газовыми резаками и плавильными печами понадобился бы месяц. Последняя версия — он затерян где-то в арктических пустынях или упал в океан. Последнее кажется более вероятным. В таком случае экипаж должен был добраться до берега, воспользовавшись резиновым плотом. Мы обшариваем побережье, пытаясь отыскать плот.

— Что ж, это мысль. Что вы говорили насчет того, что никто пока в меня не вцепился?

— Я имел в виду — до прошлой ночи противник мог не знать наверняка, что охота идет полным ходом. Но заметка в газете, где прямо упоминается ферма Ранковичей, может нас выдать, если Лэнгли ее прочтет. Мы пытались убедить прессу оставить эту историю в покое или, по крайней мере, не сообщать название фермы, но в ответ услышали лишь блеяние о свободе слова и праве на информацию. Теперь, вполне возможно, бег-

лецы больше не чувствуют себя в безопасности. Они могут задуматься о том, что их выдало, и в конце концов выйдут на вас. Вам следует быть крайне осторожным.

— Я скажу Норрису, — отозвался Харпер. — Он моя нянька.

— В этом нет необходимости. Если даже он нас сейчас не слушает, ему вскоре сообщит обо всем тот, кто слушает. Все ваши звонки контролируются.

— Исключительно ради моей безопасности? — спросил Харпер.

— Да, — без колебаний ответил Джеймсон и отключился.

Экран погас.

— Вшивый лжец! — Харпер яростно уставился в стену. — Их больше беспокоят мои большие уши, чем моя шкура целиком.

Четверка подозреваемых прибыла за несколько минут до закрытия конторы. Норрис выстроил их в ряд в механической мастерской. Они стояли в наручниках, оглядываясь по сторонам, явно озадаченные, что оказались в подобном месте. Их сопровождали полдюжины агентов, пристально наблюдавших за каждым.

— Они здесь, — сообщил Норрис, входя в каби-

нет. — Что скажете?

— Не повезло, — ответил Харпер. — Они вполне нормальны, хотя и откровенно тупы.

— Ладно.

Норрис вышел и вскоре вернулся.

— Я распорядился, чтобы троих доставили обратно. Джеймсона интересует ваше мнение насчет оставшегося. Тот признался, что принимал участие в перестрелке, но утверждает, будто сам не понимал, что делает. Это правда?

Отодвинув в сторону бумаги, с которыми работал, Харпер откинулся на спинку стула, размышляя над заданным вопросом. Прислушавшись, он уловил беспокойство, пульсировавшее подобно зубной боли, но не дававшее ответа на вопрос. Он попытался проникнуть глубже в разум находившегося в соседнем помещении человека, стремясь уловить хоть какие-то мысли о недавно случившихся событиях.

— В общем, правда. Он настолько перепугался, что ничего не соображал.

— Это все, что мы хотели узнать.

Харпер посмотрел им вслед, тяжело вздохнул, убрал бумаги в ящик и посмотрел на часы. Пора было заканчивать дела.

Назавтра в три часа дня впервые дал о себе

знать неуловимый враг. В тот момент Харпер беззаботно сидел, откинувшись на спинку стула и положив ноги на край стола, лениво наблюдая за Мойрой, разбиравшей счета.

Его мысленный дар мог функционировать в двух различных режимах, которые Харпер называл «радио» и «радар». В режиме радио он просто слушал передававшиеся в ближайших окрестностях «программы». Переключаясь же в режим радара, он посылал собственный импульс, побуждая чужой разум дать ответ.

Когда он просто слушал, он воспринимал все, независимо от того, несли чужие мысли информацию или нет. В девяноста девяти случаях из ста эти мысли оказывались не стоящей ни малейшего внимания чушью. Но когда Харпер проникал в чужой разум, он получал то, что хотел, подталкивая мысли другого в нужное русло. Пока речь шла об обычных людях, было все равно, какой метод использовать, поскольку они не догадывались ни об одном, ни о другом.

С венерианским разумом дело обстояло иначе; это был первый урок, который Харпер получил, установив контакт с существом, овладевшим телом мисс Уитингэм. Он мог слушать венерианца в режиме радио, о чем тот даже не подозре-

вал. Но если, подобно радару, Харпер пытался проникнуть в чужой разум, чтобы получить необходимые сведения, венерианец ощущал толчок и немедленно поднимал тревогу.

Телепатические способности имели свои ограничения. Никто не знал этого лучше Харпера. Ему часто приходилось задавать наводящие вопросы даже обычным людям, проникая в их мозг под прикрытием разговора, подталкивая размышления собеседника к желаемому ответу. Иначе Харпер не услышал бы ничего, кроме бесполезной мешанины чужих мыслей.

С венерианским разумом все обстояло сложнее — и вдвойне сложнее было иметь с ним дело, сидя в засаде. Харпер мог прислушиваться в надежде, что добыча выдаст свое приближение, но должен был соблюдать крайнюю осторожность, посылая мысленный импульс. Если бы он сделал это слишком рано, венерианец мог сбежать, неся весть о том, что некий разум, а может, и не один, в состоянии обнаружить скрытое от миллионов остальных людей. А если бы Харпер опоздал — это могло бы закончиться отчаянной схваткой и гибелью того, кто нужен был живым.

Харпер медленно и ритмично покачивался на стуле, задние ножки которого протестующе скри-

пели. В последние несколько дней он не слушал чужие мысли постоянно — было невозможно одновременно заниматься этим и уделять внимание другим делам. Кроме того, в том не было необходимости. Достаточно было раз в несколько минут на пару мгновений окинуть мысленным взором окрестности — так маяк освещает лучом темное штормовое море.

Покачнувшись в сотый или тысячный раз, Харпер перестал терзать стул и сел прямо. Мойра выжидающе посмотрела на босса, но, видя, что тот не обращает на нее внимания, продолжила перекладывать бумаги.

Харпер вновь прислушался к чему-то находившемуся очень далеко, возможно в тысяче ярдов отсюда или даже дальше, отчасти заглушенному общим шумом. Оно приближалось, медленно, но верно, не быстрее идущего пешком человека. То был нечеловеческий разум, бормотавший словно рассерженный гусь.

— Норрис! — крикнул Харпер.

Мойра вздрогнула, уронила бумаги и наклонилась, чтобы их поднять.

Дверь приоткрылась, заглянул агент.

— Что случилось?

— Кажется, он здесь.

— Вы хотите сказать…

— Он идет пешком. Без машины. По тротуару.

— Оставайтесь на месте! — приказал Норрис и скрылся из виду.

Подойдя к окну, Харпер посмотрел на находившуюся в десяти футах внизу дорогу. Потом распахнул раму и наклонился, чтобы лучше видеть. То, что это превращало его в превосходную мишень, нисколько не беспокоило Харпера: враги могли охотиться за ним только для того, чтобы узнать его секрет, а мертвые не выдают секретов.

Разум, который он искал, принадлежал одному из группы пешеходов, двигавшихся по левой стороне улицы в четырехстах или пятистах ярдах к северу. В своей способности ориентироваться Харпер не сомневался, но не мог выделить одного индивидуума из далекой группы неотличимых друг от друга людей.

Высунувшись из окна, он ждал, когда странный разум приблизится.

Триста ярдов, двести, сто пятьдесят. К этому времени его выбор сузился до трех человек: опрятно одетая домохозяйка, бойко шагавшая по улице, преуспевающего вида толстяк-бизнесмен лет сорока и худой тип со впалыми щеками, который

крадучись двигался вдоль стены.

За спиной Харпера вновь появился Норрис.

— Все в порядке, — сказал он. — Не могли бы вы…

Не обращая на него внимания, Харпер послал мысленный импульс. Ответ пришел через долю секунды: внезапное потрясение, дикая тревога, желание бежать и предупредить других.

Домохозяйка продолжала идти как ни в чем не бывало. Не изменилась и походка худощавого. Толстяк остановился как вкопанный, дико огляделся по сторонам, повернулся и поспешил назад — туда, откуда пришел; быстро, но стараясь не привлекать к себе внимания.

Харпер выпрыгнул из окна. Еще не успев приземлиться, он услышал судорожный вздох Норриса и восклицание Мойры. С пистолетом в правой руке Харпер бросился в погоню за толстяком.

Изменившиеся лица прохожих подсказали беглецу, что позади него что-то происходит и что пора поторапливаться. Даже не оглянувшись, чтобы в удостовериться этом, толстяк согнул руки в локтях и побежал с удивительной для его телосложения прытью.

— С дороги, придурок! — крикнул Харпер вне-

запно возникшему перед ним перепуганному клерку с большой коробкой, оттолкнул его и помчался дальше.

Позади кто-то неразборчиво и властно кричал. На углу в шестистах ярдах впереди раздался пронзительный свист. Взвыла полицейская сирена. Из дверей впереди беглеца вышли двое агентов с оружием в руках, приказывая толстяку остановиться. Еще двое бежали по противоположной стороне улицы.

Толстяки не подумал останавливаться. Не обращая внимания на оружие, он нырнул в двери здания конторы. Харпер вбежал следом пять секунд спустя, раскрасневшись и тяжело дыша. Двое агентов следовали за ним по пятам. Взвизгнул тормозами автомобиль, из которого выскочили еще четверо.

Один из лифтов быстро поднимался, унося с собой беглеца. Остановившись у раздвижной решетки, Харпер посмотрел вверх и увидел исчезающие из виду ноги толстяка. Двое агентов взбежали по находившейся рядом лестнице. Еще двое вскочили в соседний лифт и поехали вверх.

Приставив дуло пистолета к замку решетки, Харпер выстрелил, распахнул решетку и остановил лифт на уровне третьего этажа. Он надеялся,

что беглец застрянет между этажами, но лифт автоматически среагировал на внезапное отключение энергии, опустившись на ближайший уровень.

Прислушавшись к мыслям находившихся наверху, Харпер понял, что толстяк выскакивает из лифта на третьем этаже, а агенты на лестнице уже почти рядом с ним. Ему стало ясно, что сейчас произойдет… Прежде чем он успеет помешать.

Он вприпрыжку помчался вверх по лестнице, не обращая внимания на заливающий глаза пот. Харпер уже преодолел первый пролети половину второго, перескакивая через три ступеньки, когда у него над головой раздался страшный грохот и звон бьющегося стекла, а потом — несколько выстрелов. Он побежал быстрее, чувствуя, что еще немного — и у него разорвутся легкие.

На площадке между вторым и третьим этажами он услышал вопль чуждого разума, угасающего в бесполезном теле, и дикий отчаянный крик умирающего человека. Замедлив шаг, Харпер преодолел последний пролет уже не спеша, с грустью понимая, что опоздал.

Коридор третьего этажа напоминал бойню. Трое агентов стояли, глядя по сторонам. Один из них держал штурмовую винтовку, дуло ко-

торой еще дымилось. Второй вытирал кровь, стекающую с левого уха. Третий мрачно смотрел на распростершегося у подножия лестницы четвертого агента, грудь и лицо которого были забрызганы красным.

В десяти ярдах от лифта лежал труп толстяка. Зрелище было не из приятных, Очередь из штурмовой винтовки почти перерезала его пополам. Повсюду валялись осколки стекла от двух разбитых дверей и потолочных ламп, перемешанные с хлопьями краски и кусками штукатурки. Из дверей дальше по коридору начали выглядывать испуганные люди. Толстяк лежал, демонстрируя внушительную задницу, и истекал кровью.

Глава 8

Человек с окровавленным ухом склонился над распростертым возле лестницы агентом, сунул руку ему под пиджак и прохрипел:

— Мертв.

Выпрямившись, он прижал к голове запятнанный кровью носовой платок.

— Если бы он меня не обогнал наверху, мог бы остаться в живых. А если бы я не находился на четыре ступеньки ниже, тоже мог бы получить свое сполна.

— Мы поднимались во втором лифте, — объяснил Харперу агент со штурмовой винтовкой — Когда лифт, в котором ехал толстяк, неожиданно остановился, мы проскочили мимо, и нам пришлось спускаться. Как раз в этот момент он выскочил и швырнул в двоих других гранату. Осколок пробил пол прямо у меня под ногами. Выскочив из лифта, мы увидели, что он мчится сюда, и расстреляли его, прежде чем он успел метнуть еще одну.

Снизу по лестнице бежала целая толпа во главе с Норрисом и Раушем. С улицы далеко внизу до-

носился шум множества голосов. Только теперь осознав, что все еще сжимает в руке пистолет, Харпер убрал оружие.

Норрис огляделся по сторонам, сжав губы, и посмотрел на лежащего у лестницы агента.

— Похоже, мертв. Отнесите его вниз в «скорую», просто на всякий случай.

Он повернулся к остальным.

— Что случилось?

Ему рассказали, закончив рассказ словами:

— Вряд ли нам удалось бы взять его живым.

Один из агентов открыл перочинный нож и, поковыряв стену, извлек зазубренный кусок металла.

— Судя по всему, армейская граната. — Внимательно рассмотрев осколок, он протянул его Норрису. — Что скажете?

— Да, вполне возможно. Придется начать проверку оружейных складов. Обыщите его и поглядите, что еще у него есть.

Они тщательно обшарили одежду толстяка. Больше никакого оружия при нем не оказалось, даже пистолета. У него были дорогие часы, украшенная бриллиантом булавка для галстука и туго набитый бумажник. Одежда — высшего качества, туфли ручной работы, стоившие немалых

денег. Никто не сомневался: вместо того чтобы идти пешком по улице, он вполне мог позволить себе иметь частный вертолет и приземлиться прямо на крыше здания, где находилась контора Харпера.

Толстяка уложили на спину, и стало видно его чисто выбритое, ухоженное лицо с двойным подбородком. Даже сейчас на этом лице застыло выражение, свойственное человеку, который и мухи не обидит — если только она не попытается улететь с его булавкой для галстука. У него были чистые мягкие руки с розовыми, тщательно наманикюренными ногтями.

Кроме часов, булавки, бумажника и двух льняных носовых платков, больше в его карманах ничего не нашлось, что было весьма странно. Ни водительского удостоверения, ни документов, ни авторучки, ни портсигара, ни зажигалки, ни ключей. На его одежде не было никаких меток, как и на обуви — если не считать указания размера. В общем, ничего, что помогло бы быстро установить личность.

— Опять задержка, — мрачно заметил Норрис. — Придется тратить драгоценное время, чтобы выяснить, кто он такой.

Агент снова пошарил в бумажнике, но не на-

шел ничего, кроме внушительной пачки денег.

— А выяснить это необходимо, прежде чем начать отслеживать все его контакты. Он должен был с кем-то общаться — иначе не слетел бы с катушек.

Норрис с надеждой посмотрел на Харпера.

— Полагаю, вы вряд ли сможете что-нибудь о нем рассказать?

— Увы, — с искренним сожалением ответил Харпер.

Извлечь данные из мозга мертвеца было не в его власти. Хотя у Харпера не было шансов это проверить, он подозревал, что даже мозг живого толстяка мог не выдать его имени, среагировав на мысленный импульс. Венерианец невольно выдавал в себе венерианца, а не личность, которой он завладел. В этом заключался источник всех проблем, но и причина того, что обладающий исключительными способностями человек мог опознать чужака.

— Придется сделать все возможное, и как можно быстрее.

Норрис протянул бумажник другому агенту.

— Составьте список номеров банкнот и распространите по всем банкам в радиусе пятидесяти миль. Проверьте, не выдавались ли эти деньги в

каком-нибудь банке, а если да, то кому.

Рауш открыл часы и внимательно рассмотрел. Защелкнув крышку, он отдал их одному из своих людей со словами:

— Кое-что узнать все-таки можно. Это одна из новомодных моделей, работающих от изменений атмосферного давления. Вряд ли их миллионы, учитывая, сколько они стоят. Найдите местного оптового торговца. У него должно быть зафиксировано, куда ушли эти часы. В конечном счете можно будет выяснить, кто их купил.

Агент взял часы и поспешил вниз по лестнице.

— Маловероятно, что это нам поможет, но выбирать не приходится, — сказал Рауш Норрису, разглядывая булавку.

Он подозвал еще одного агента.

— Покажите ее известным ювелирам. Позвоните, если узнаете, кому ее продали.

— Если его отпечатки есть в базе, мы опознаем его за несколько часов, — заметил Норрис, втайне сомневаясь, что такие отпечатки там есть. — Сделаем копию и отправим в Вашингтон, пусть посмотрят. Будем надеяться, что там есть его пальчики.

А пока стоит заняться его обувью. В любой хорошей обувной мастерской наверняка скажут,

где делают такие туфли.

— Можно посмотреть? — спросил Харпер.

Взяв туфли, он несколько раз перевернул их, согнул, ощущая их мягкость и гибкость, и вернул обратно.

— Сделаны по его мерке.

Норрис кивнул и крикнул:

— Где фотограф?

Фотограф с болтающимся на плече аппаратом тут же появился и бросил взгляд на покойника с видом профессионала, который повидал в жизни всевозможные трупы со всевозможными выражениями лиц и во всевозможных позах.

— Сделайте так, чтобы его физиономия красиво смотрелась, — приказал Норрис, — Мне нужно хорошее фото, которое можно было бы показать по стереовидению. Возможно, кто-то из зрителей его опознает. Как только фото будет готово, немедленно принесите его мне.

Норрис повернулся к Харперу.

— Пока тут больше ничего нельзя сделать. Мы проводим вас обратно в контору.

Харпер потер подбородок и, поколебавшись, сказал:

— Я настолько восхищен окружающими меня талантами, что даже неудобно что-то предлагать

самому.

— Я слушаю, — кивнул Норрис.

— Вы не против, если я прямо в лицо вам начну задавать дурацкие вопросы?

— Конечно, не против.

— В таком случае — много ли взрослых людей ходят по улице без единого ключа в кармане?

— Верно. У него не было никаких ключей. Вероятно, он избавился от всего, что, по его мнению, могло бы навести нас на след, но избавился не слишком тщательно. Или, возможно, понимал: если с ним что-нибудь случится, этого будет достаточно, чтобы хоть немного задержать расследование.

— Я также заметил, что на его правой туфле изношена середина подошвы, — продолжал Харпер. — Изношена сильнее, чем на левой.

Он задумчиво помолчал.

— И у него вид человека, который преуспевает уже много лет. Если у него в бумажнике когда-то не было толстой пачки денег, то очень, очень давно. Однако шел он пешком.

— К чему вы клоните?

— У толстяка есть машина, и он ею пользуется. Такие, как он, вне всякого сомнения, ездят в больших мощных автомобилях размером с океанский

лайнер. Но на этот раз он обошелся без машины. Почему? Ответ: по каким-то только ему известным причинам он бросил машину и остальную часть пути проделал пешком. Но он оставил ее незапертой, иначе при нем были бы ключи. Почему он ее не запер? Потому что в машине кто-то сидит и ждет его, а ключи болтаются в приборной панели. Сидит ли там этот «кто-то» до сих пор? Ответ: если автомобиль оставлен не настолько близко, чтобы оттуда можно было услышать стрельбу или увидеть суматоху, ожидающий толстяка пребывает в блаженном неведении.

— Давайте спустимся к патрульной машине и передадим информацию по рации. У меня достаточно патрулей, чтобы прочесать весь район, и…

— Ну-ну! — проворчал Харпер. — Поспешать нужно не спеша. Вокруг сотни припаркованных автомобилей, в десятках из них сидят люди. Если приятель толстяка не окажется Лэнгли, Макдональдом или Гоулдом, как вы собираетесь его обнаружить?

— Он вполне может оказаться одним из этой троицы. — Норрису не терпелось начать поиски. — Вероятно, именно поэтому покойник прошел часть пути пешком. Никто из троих не стал бы рисковать и появляться возле вашей конторы,

зная, что она, скорее всего, находится под хорошим прикрытием и его легко могут опознать. Ему пришлось бы сидеть тихо, пока марионетка делала бы за него грязную работу.

— Ладно. Тогда я предлагаю отправить все патрули на поиски Лэнгли с компанией. Особое внимание обращать на припаркованные машины с ожидающими в них людьми. Если соучастник преступления — не один из этих троих, а мистер Аноним, вам не повезло. Агенты не смогут отличить его от любого другого, даже если он будет щеголять в чем мать родила.

— Но вы могли бы его опознать?

— Если бы он оказался достаточно близко. Лучше возьмите меня с собой на экскурсию по всем парковкам в радиусе, скажем, получаса ходьбы. Примерно в две мили. Толстяк бежал не просто так. Он надеялся на некоторое время затеряться в толпе, прежде чем сделать финальный рывок. Десять к одному, что у него где-то оставлена машина.

— Вполне возможно, вы правы, — согласился Норрис. — Поехали.

Они погрузились в одну из полицейских машин, выстроившихся у здания. Норрис сел за руль, Рауш рядом с ним; еще один агент и Хар-

пер разместились на заднем сиденье. Норрис уже хотел тронуться с места, когда в голову ему пришла одна мысль, и он обернулся к коллеге, сидевшему сзади.

— Мы не слишком хорошо знаем этот район. Пусть лучше вместо вас сядет местный полицейский, который сможет показать нам дорогу.

— Я могу показать вам все самые обнадеживающие места, — сказал Харпер. — Поехали. Второй поворот направо.

Свернув направо, они оказались возле парковки, на которой стройными рядами, словно на параде, стояло около двух сотен машин. В семи из них были люди. Харпер мысленно проник в мозг каждого, но не обнаружил ничего подозрительного.

— Поворачиваем налево, — велел он. — По дороге есть несколько мелких автостоянок, а примерно в миле впереди одна большая.

Они ехали не спеша, проверяя все попадающиеся по пути машины. Ничто не вызывало подозрений и не внушало тревоги.

Одолев еще милю, они оказались возле подземной парковки, где помещалось больше тысячи автомобилей. Съехав по одному из полудюжины широких пандусов, они очутились в ярко

освещенной пещере, где среди каменных колонн стояло множество машин. Служитель, явно удивленный прибытием полицейского патруля, подошел к ним, и Норрис, опустив окно, высунул голову, чтобы заговорить.

— Быстрее! — крикнул Харпер, выпрямляясь и глядя прямо перед собой. — Вон он — у центрального выхода!

Норрис рванул с места, едва не сбив служителя парковки. Автомобиль с ревом пронесся по главному проходу между рядами плотно стоящих машин. Освещавшие стоянку огни мелькали над головой все быстрее, исчезая позади. Колонны проносились мимо с такой скоростью, что напоминали частокол. Наконец машина вырвалась на залитую дневным светом улицу.

Слева Харпер все еще мог уловить быстро затихающее бормотание возбужденного разума, стремящегося убраться подальше от того, кто — как только что стало известно — способен услышать это бормотание.

Когда они съехали с пандуса и устремились по широкой улице, взвыла сирена. Все уступали им дорогу, по которой далеко впереди несся большой черный автомобиль — несся так быстро, будто за рулем сидел маньяк. Мрачно вцепившись в руль,

Норрис вдавил педаль газа до упора. Пошарив под приборной панелью, Рауш нашел микрофон и поднес ко рту:

— Черный «роудкинг» движется на юго-запад по Бэйли-авеню. Всем машинам в районе Бэйли-авеню, Грин-авеню и Мэйсон-роуд — на перехват черного «роудкинга».

— Если наша перегруженная колымага сумеет догнать «роудкинг», это будет чудом, — заметил Харпер.

Никто не обратил внимания на его слова. Агент рядом с Харпером наклонился, вытащил из кармана пистолет и положил на колени.

— Сорок первый, направляюсь в сторону Бэйли-авеню, — послышался с приборной панели бесстрастный голос полицейского.

Харпер, прищурившись, посмотрел вперед и решил, что меньше чем за милю они отстали на пару сотен ярдов. Он с трудом удержался на сиденье, когда они на полной скорости обогнули стоящий автобус.

— Одиннадцатый на Мэйсон, — сообщил другой голос.

— Четвертый на Мэйсон, на углу Перкинс-стрит, — сказал третий.

Удирающий «роудкинг», начавший постепенно

исчезать вдалеке, неожиданно свернул, словно хотел нырнуть в боковую улицу, но в последний миг повернул обратно, срезал угол и помчался дальше по Бэйли-авеню.

Мгновение спустя стала ясна причина этого маневра — из боковой улицы на полной скорости вылетел полицейский автомобиль и устремился в погоню. Он был примерно на полпути между машиной Харпера и «роудкингом» и ехал быстрее, поскольку не был так перегружен, но все же ему не удавалось ни на дюйм сократить расстояние, отделявшее его от мчащегося на бешеной скорости беглеца.

— Что я говорил? — проворчал Харпер. — Толстяки с толстыми бумажниками покупают крутые тачки, которые пожирают галлон топлива в милю.

Он недовольно фыркнул и добавил, словно в утешение:

— Баллон ему тоже не прострелишь. Эти «роудкинги» ездят на шинах с наполнителем из сплошной резины.

— Двадцать восьмой, на пересечении Мэйсон и Бэйли.

— Подходящее место, — сквозь зубы проговорил Норрис. — Они его остановят.

— Им придется в него врезаться, и, судя по тому, как он несется, удар будет основательный, — сказал Рауш, отставляя микрофон и тревожно глядя вперед. — Без потерь его никак не задержишь, если только…

Воспользовавшись тем, что Рауш отвлекся, Харпер наклонился и рявкнул в весьма кстати оказавшийся рядом микрофон:

— Никаких полумер! Пристрелить ублюдка!

— Эй вы! — Рауш выхватил микрофон у Харпера и хмуро уставился на него.

В то же мгновение услышавший приказ полицейский в двадцать восьмой машине открыл огонь. Патрульный автомобиль, ехавший перед машиной Харпера, поспешно свернул к обочине, и стала видна еще одна патрульная машина, припаркованная в полумиле впереди.

«Роудкиш» молнией пронесся мимо двадцать восьмой машины, преодолел сто пятьдесят ярдов, резко развернулся, вылетел на тротуар и с напоминающим взрыв грохотом врезался в витрину магазина. Во все стороны полетели предметы галантереи. Над улицей взмыла рубашка, размахивая рукавами. Из двадцать восьмой машины выбрались двое полицейских и побежали к месту аварии.

— Ну, теперь все пропало! — прорычал Норрис, отпуская педаль и замедляя ход. — Кто тут вообще главный? — бросил он через плечо.

— Я. И если раньше вы этого не знали, то теперь знаете.

— Нам приказано…

— Идите вы знаете куда со своими приказами! — грубо бросил Харпер. — Я ценю вашу помощь, но иногда вам придется оценить мою.

Открыв дверцу остановившейся машины, он вышел и направился к «роудкингу», заранее зная, что искра чуждого разума в очередной раз угасла в мертвом теле. Но по крайней мере, никто из обычных людей не погиб, и это было единственным утешением.

Разбитый робот-манекен из задней части витрины вывалился на капот «роудкинга», бессмысленно таращась на мертвого водителя. На роботе была шерстяная шапка, пьяно съехавшая на один глаз, штаны его были полны разбившихся при ударе деталей. Водитель сидел, наклонившись вперед, уронив голову на руль, на его шее повисла пара ярких носков с ценником.

Двое полицейских с трудом пробирались к дверце машины через разбитое стекло, разодранные пижамы и порванные носовые платки,

отбрасывая в сторону попадавшиеся на пути торговые стенды.

Харпер уже собирался к ним присоединиться, когда из магазина выскочил высокий парень и набросился на него, размахивая руками и хлопая длинными ресницами.

— Вы только посмотрите! — пронзительно завопил он. — Нет, вы только посмотрите! И что мне теперь делать?

— Я мог бы намекнуть, — разглядывая его, сказал Харпер. — Но что-то не хочется.

— Скверное дело, — настаивал тог, — Очень, очень скверное. Кому-то придется за это заплатить. Кому-то…

— Можете подать в суд на мертвеца в машине, — ответил Харпер. — Это все он натворил.

Присоединившись к полицейским, он помог им вытащить тело.

Парень перевел взгляд на Норриса, который следовал за Харпером по пятам.

— Я только вчера обставил эту витрину. Просто кошмар! Я настолько зол, что не знаю, на что…

Он замолчал, его большие глаза распахнулись еще шире, когда он увидел труп, который пронесли мимо него и уложили на тротуар.

— Как… мистер Баум?!

— Вы знаете этого человека? — быстро спросил Норрис.

— Да, конечно. Это мистер Баум. Мистер Филип Баум. Я только на прошлой неделе продал ему…

— У него есть брат? — вмешался Харпер, глядя на смутно знакомые черты покойного.

— Да.

Хлопая ресницами, парень зачарованно глядел на мертвое лицо.

— Мистер Амброз Баум. Он немного старше, на три или четыре года. Это ужасно! Мистер Баум! Моя витрина! Только взгляните! У меня все внутри переворачивается!

— Где живут Баумы? — спросил Норрис.

— В Ривзборо. Я…

Парень замолчал, у него отвисла челюсть при виде разбитого робота-манекена, который медленно сполз с капота, упал на колени, громко рыгнул, зажужжал, дважды щелкнул, и глаза его закатились. Парень содрогнулся.

— Александр уничтожен, полностью уничтожен. Я хотел бы знать, кто мне за все это заплатит.

— Обратитесь в свою страховую компанию, — сказал Норрис. — Где в Ривзборо находится дом Баумов?

— Кажется, где-то на Пайнуок-авеню. Не помню номера. Он должен быть в телефонной книге.

— Принесите телефонную книгу, и давайте посмотрим.

— Это ни к чему, — вмешался один из полицейских, обыскивавших тело.

Он выпрямился, держа в руке карточку.

— У него есть документы. В них говорится, что его зовут Филип Кальман Баум, проживает по адресу: Пайнуок-авеню, четыреста восемь, Ривзборо. Автомобиль зарегистрирован на имя Амброза Баума, проживающего по тому же адресу.

— Он мертвее мертвого, — добавил второй офицер. — Рулевое колесо проломило грудную клетку.

Норрис повернулся к агенту, сопровождавшему их с самого начала.

— Вы знаете, что делать в подобных случаях. Журналистам ничего не говорите. Пусть вопят сколько хотят — посылайте их в наше местное отделение.

Норрис кивнул Харперу.

— Поедете вместе с нами.

Сев машину, Норрис, Рауш и Харпер покинули место происшествия, вокруг которого уже начала

собираться толпа.

— Нам может потребоваться более мощное подкрепление, — заметил Норрис Раушу, прибавляя скорость. — Лучше отмени поиски «роудкинга» и выясни, кто там дальше стоит на дороге. Пусть следуют за нами в Ривзборо.

Рауш нашел микрофон, передал сообщение, и в ответ тут же послышался голос:

— Четвертый, на Мэйсон-роуд, угол Перкинс-стрит.

— Дождитесь нас и следуйте за нами в сторону Ривзборо, — приказал Рауш.

Выехав на широкое двенадцатиполосное шоссе, они прибавили скорости и обогнали зеленый «тандербаг». За рулем «тандербага» сидела почтенного вида блондинка. Харпер задумчиво посмотрел на нее, поковырял в зубах и ничего не сказал. Его уже утомило постоянное заглядывание в мозги водителей и пассажиров зеленых «тандербагов».

Через четыре мили с обочины сорвалась патрульная машина и устремилась следом за ними. Еще через шесть миль они свернули с шоссе и, въехав в Ривзборо, нашли нужный адрес: небольшой аккуратный дом стоял посреди участка в пол-акра.

Проехав чуть дальше, Норрис затормозил и дал знак едущей следом машине остановиться. Выйдя, он подошел к этому автомобилю, в котором сидели двое полицейских и двое агентов.

— Оставайтесь здесь, на случай если кто-нибудь попытается сбежать, — велел он полицейским.

Потом повернулся к агентам:

— А вы займите позицию позади дома. Если кто-нибудь попытается выскочить, когда мы войдем в дверь, — это ваша законная добыча.

— Вы зря теряете время, — заметил Харпер, уже зная, что внутри дома нет чуждого разума.

— Здесь решаю я, — парировал Норрис.

Он подождал, пока двое агентов скроются за домом, и направился к входной двери.

— Идемте!

На звонок открыла седовласая, похожая на мать семейства женщина лет шестидесяти, с натруженными руками и мягкими чертами лица.

— Это дом Баумов, — сказал Норрис, скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Верно, — согласилась она. — Но мистера Филипа и мистера Амброза сейчас нет. Я не знаю, когда они вернутся.

— Они никогда не вернутся, — сказал Норрис.

Она ошеломленно поднесла морщинистую

руку ко рту, в ужасе глядя на него.

— Что… что-то случилось?

— Увы, да. Вы их родственница?

— Я миссис Клэг, их экономка, — остолбенело проговорила она. — Они?..

— Здесь живет кто-нибудь из их родственников? — прервал ее Норрис.

— О нет. Они убежденные холостяки, и у них нет никаких родственников. В этом доме только горничная и я.

Женщина судорожно сглотнула.

— Что с ними случилось?

— Они мертвы. Мы — представители закона и хотели бы осмотреть дом.

— Мертвы? — прошептала она, отступая и пропуская Норриса, следом за которым вошли Харпер и Рауш. Судя по ее мыслям, она никак не могла уложить случившееся в голове. — Но ведь не оба?

— Оба, миссис Клэг. Мне очень жаль. — Норрис достал из бумажника три фотографии и показал ей. — Вы узнаёте кого-то из этих людей?

Она шмыгнула носом, вытерла глаза и без особого интереса взглянула на фотографии.

— Нет.

— Вы уверены, что за последнее время никого

из них не видели?

— Уверена.

— Где та горничная, про которую вы упоминали?

— На кухне. Хотите с ней поговорить?

— Да.

— Уинни! Уинни! — позвала женщина.

Появилась Уинни, толстая нескладная девушка с безмятежным взглядом жующей жвачку коровы.

— Знаете их? — спросил Норрис.

Она кокетливо посмотрела на фото.

— Нет, сэр.

— Если бы кто-то из них недавно побывал в этом доме, вы и миссис Клэг обязательно бы их увидели?

— Угу, думаю, да.

— У мистера Филипа и мистера Амброза редко бывали гости вмешалась экономка, — Дома они только отдыхали и спали. И возвращались обычно поздно, иногда в два-три часа ночи. Но всегда трезвые, это я могу сказать наверняка. Я…

— Чем они зарабатывали на жизнь? — спросил Норрис.

— У них три ювелирных магазина. И небольшой оптовый склад в городе. Насколько я знаю,

дело начал их отец. Он умер много лет назад. Они были очень приятными джентльменами, и страшно подумать, что…

Норрис нетерпеливым жестом прервал ее поток слов.

— Мы хотели бы взглянуть на оставшиеся в доме бумаги. Где они хранили свою переписку?

— Все их деловые документы в конторе, — сказала миссис Клэг. — Но их личные письма должны быть в письменном столе или в их комнатах наверху.

— Спасибо, миссис Клэг. Очень жаль было вас расстраивать, но подобное порой случается. Если вы не слишком заняты, не могли бы вы приготовить нам кофе?

У экономки все еще был ошеломленный виц, но она кивнула и скрылась на кухне, похоже, радуясь возможности избежать расспросов. Уинни прошлепала следом за ней, дважды обернувшись со своей коровьей улыбкой, и тоже исчезла. Норрис нахмурился, глядя ей вслед.

— Чему эта потаскушка ухмыляется? — спросил он.

— Вам, — сообщил Харпер. — Ее коэффициент умственного развития около семидесяти, но аппетита на мужчин ей это не убавляет. Вот что

значит быть симпатичным агентом ФБР.

— Чушь! — мрачно проворчал Норрис и обратился к Раушу: — У нас нет времени, чтобы получить ордер на обыск, и, судя по всему, никто из-за этого особо кипятиться не будет. Я займусь столом, а ты осмотри спальни наверху. Когда закончим, поедем в город и обыщем контору. Нужно составить список всех, с кем они общались в последние несколько недель.

Рауш поднялся наверх, Норрис потратил пять минут, пытаясь открыть ящик стола, и в конце концов позвал одного из стоявших позади дома агентов.

— Займись замком, Йенсен.

Осмотрев замок, Йенсен вышел в гараж и вернулся с мотком проволоки.

— Там, в гараже, стоит еще один «роудкинг». Той же модели, номер отличается на единицу. Вероятно, братья покупали машины вместе.

Повозившись с проволокой, он вскрыл замок и поднял полукруглую крышку стола, которая автоматически освободила ящики.

Норрис жадно набросился на их содержимое, вынимая документы, быстро просматривая и откладывая в сторону. Вытаскивая ящики один за другим, он нашел черный пистолет, спрятанный

в коробке от фотоаппарата, и протянул Йенсену.

— Держи. Возможно, ребята из отдела баллистики смогут что-нибудь откопать.

Вскоре, закончив читать последнее из пачки писем, он сунул письмо обратно и недовольно проворчал:

— Сходи спроси миссис Клэг, когда Баумы в последний раз здесь были.

Йенсен вышел и тут же вернулся.

— Она говорит, завтракали сегодня утром.

— Странно.

Норрис повернулся к Харперу.

— Все письма — обычный треп, в основном с друзьями по бизнесу. В среднем одно письмо в день. Но за последние пять дней нет ни одного. Получается, пяти писем не хватает.

— Они могут быть в конторе, — предположил Харпер, — Или…

— Или что?

— Возможно, их уничтожили сразу после получения.

— Зачем?

— Потому что письма были им неинтересны, их содержание стало для них чужим.

— Проверим в конторе, прежде чем делать выводы, — решил Норрис. — Либо письма сохра-

нились, либо нет.

— Если найти их не удастся, можно сделать два определенных вывода, — сказал Харпер. — Во-первых, чужаки завладели телами Баумов около пяти дней назад. Во-вторых — враг не настолько безрассуден, чтобы слепо множить свои ряды, и начинает становиться разборчивым.

— На основании чего вы так решили?

— Баумы ежедневно общались с миссис Клэг и Уинни, насколько нам известно. Но женщин не тронули, несмотря на то что те были легкой добычей. Женщины жили бок о бок с дьяволом, но сохранили свои души. Разве это не везение?

— От ваших слов у меня мурашки по коже, — пожаловался Норрис.

Он повернулся к Йенсену.

— Составь список имен и адресов из корреспонденции Баумов и доставь в управление. Нам придется проверить всех по этому списку.

Снова появился Рауш.

— Ничего существенного, кроме пары телефонных номеров в блокноте возле телефона в комнате Амброза.

— Этим займемся позже.

Норрис в последний раз раздосадованно огляделся по сторонам, но ничего интересного не

увидел.

— Если те, кого мы ищем, еще не знают о судьбе Баумов, можно предположить, что кто-то явится сюда, чтобы узнать, как дела у братьев. Если все мы отправимся в контору, здесь не останется никого, кто мог бы схватить визитера. Придется кому-то подежурить в доме, пока новость не разойдется и не послужит предупреждением для возможных гостей.

— Я останусь с Йенсеном, — предложил Рауш. — Если кто-нибудь…

Сверху раздалась мелодичная трель.

— Телефон! — крикнул Норрис.

Он бросился наверх, перепрыгивая через две ступеньки, остальные — за ним. Оказавшись в комнате Амброза, Норрис осторожно посмотрел на аппарат возле кровати.

— Кто-нибудь видел здесь еще один телефон?

Все покачали головами.

— Плохо. Не удастся задержать звонящего, пока мы будем отслеживать, откуда он звонит.

Достав из кармана носовой платок, Норрис набросил его на миниатюрный сканер и поднял трубку. Экран тотчас засветился, но изображения на нем не появилось. Кто-то точно так же заслонил сканер на другом конце.

— Алло! — сказал Норрис.

— Вар сильвин, венд? — крайне подозрительно спросил чей-то голос.

— Дом Баумов, — нахмурившись, ответил Норрис — Чем могу помочь?

Раздался щелчок, линия отключилась. Норрис быстро постучал по клавишам, вызвал оператора и представился.

— Откуда был последний звонок? Сообщите как можно быстрее.

Он подождал минуту, снова послушал, фыркнул, положил трубку и сказал остальным:

— Звонили со склада Баумов. Очевидно, у них была там назначена встреча с кем-то, кто забеспокоился, когда они не появились, и позвонил. Мы упустили шанс, не выяснив, где находится склад и не поехав туда сразу.

— Поезжайте прямо сейчас, — посоветовал Рауш, — Я на всякий случай останусь с Йенсеном.

Норрис кивнул, махнул рукой Харперу, и они поспешили к машине. Велев одному из ожидавших полицейских присоединиться к ним, Норрис рванул с места.

— Можете не спешить, — с нескрываемым пессимизмом сказал Харпер, — Там никого не будет. Тот, кто бросает трубку, вряд ли станет сидеть

на месте.

— Я тоже так думаю, — согласился Норрис, не сбавляя скорости. — Но даже если нам не удастся никого схватить, мы хотя бы попытаемся.

Он показал на микрофон под приборной панелью.

— Сообщите всем машинам: пусть те, кто находится недалеко от склада, немедленно едут туда. Задержать любого, оказавшегося на территории склада.

Харпер выполнил поручение. Ответили двое, сказав, что будут там через несколько минут.

— Через несколько минут будет слишком поздно, — заметил Харпер, возвращая микрофон на место.

Глава 9

Склад оказался старинным, но солидным зданием из красного кирпича, с шестью окнами, забранными прочными решетками и защищенными ставнями, с громоздкой стальной дверью. Казалось, его специально построили для хранения товара, вызывающего непреодолимое искушение у обитателей близлежащих кварталов. Возле здания стояли две машины, рядом с ними маячили трое полицейских.

— Еще трое ждут сзади, — сказал один из полицейских Норрису. — Двери и окна заперты. На звонок никто не отвечает. Внутри ни звука. Похоже, там никого нет.

— Придется ломать дверь.

На это ушло время, но им удалось вскрыть замок, не слишком повредив двери. Внутри не оказалось ни души. На первом этаже стояли стеклянные витрины, в них на черном бархате красовались ювелирные изделия. Второй этаж был заставлен ящиками и картонными коробками, полными и пустыми. В углу перегородка из досок и прозрачного пластика отгораживала

небольшой кабинет.

Войдя в кабинет, Норрис осторожно огляделся по сторонам и велел одному из полицейских:

— Пусть снимут отпечатки пальцев. Если повезет, возможно, нам удастся выяснить, кто тут ждал.

Повернувшись к Харперу, он добавил:

— Отпечатки обычно стирают за собой профессиональные преступники — а тот, кого мы ищем, вряд ли профессионал.

Он подошел к столу, выдвинул ящики. Их содержимое не впечатляло — в основном, бланки накладных, счета и прочие деловые бумаги. Осмотр металлического шкафа для документов тоже ничего не дал.

— Могу сказать одно, — заметил Харпер, принюхиваясь. — У Баумов и их коллег, похоже, имелись весьма странные привычки.

— В каком смысле? — спросил Норрис.

— От Амброза исходил едва заметный запах. И от Филипа тоже. А здесь я опять его чувствую.

Норрис пошевелил ноздрями.

— Похоже, ваше обоняние намного острее моего.

— У разных людей оно развито по-разному. Как и у собак. Я действительно чувствую запах, и я

знаю, что это такое.

— Что?

— Эвкалипт.

— Весьма полезная информация, — язвительно заметил Норрис. — Все, что нам теперь нужно, — выследить и поймать того, от кого несет эвкалиптом.

— Трое за один день с одним и тем же запахом — это кое-что значит, — сказал Харпер. — Возьмите табак. Если я окажусь в густом лесу и почувствую запах табака — я сразу пойму, что рядом кто-то есть.

— И?..

— Возможно, эвкалипт кое-кому по вкусу.

— Совершенно бредовая мысль, — сказал Норрис.

— Если мы хотим сделать шаг вперед в этом деле, придется строить всякие предположения.

Харпер сунул руки глубоко в карманы и мрачно огляделся вокруг.

— Собственно, почему бы некоторым не испытывать влечения к эвкалипту? Я слышал, коалы его обожают.

— Они едят листья, — сказал Норрис. — Кроме того, мы имеем дело вовсе не с коалами. Мы преследуем тех, чьи зубы и когти куда опаснее.

— Что с того? Даже у тигров есть свои причуды.

Нахмурившись, Норрис аккуратно снял телефонную трубку, стараясь не смазать возможные отпечатки пальцев, набрал номер и с кем-то поговорил.

— Это всего лишь предположение, но всех подозреваемых следует проверять на запах эвкалипта.

Он положил трубку и признался:

— Для меня это тоже прозвучало бы глупо, не будь все дело столь невероятным.

— Поскольку я все же не профессиональный Шерлок Холмс, порой я не замечаю того, что очевидно для вас, но обращаю внимание на то, что вы можете упустить из виду, — сказал Харпер. — Например, какой научный вывод можно сделать из пристрастия к эвкалипту?

— Не знаю.

— Что их естественная добыча — питающиеся пахучими листьями вегетарианцы, чья любимая еда сродни эвкалипту. И потому здешний носитель начинает ощущать выработанную в течение веков потребность. Иными словами, они нашли местный наркотик, который напоминает им о родном доме.

— О чем вы, черт побери?

— Прошу прощения. Я забыл, что вам рассказали не все, — сказал Харпер. — Чтобы понять ход моих рассуждений, вам нужно знать всю историю целиком.

— Эвкалипт — не наркотик, — заявил Норрис, окончательно сбитый с толку.

— Для нас — нет. Кто знает, чем он является для других?

— Кстати, вы почувствовали запах, когда застрелили девушку?

— Нет. Я к ней не приближался и долго там не задерживался. Для меня это было впервые, я не знал, что делать, и мне нужно было побыстрее убраться. У меня не было ни времени, ни желания размышлять о том, что я начал подозревать лишь сейчас.

— Гм!

Норрис немного подумал, снова снял трубку и позвонил в дом Баумов, Раушу.

— Не повезло. Птичка улетела.

Выслушав ответ, Норрис продолжал:

— Харпер чувствует запах эвкалипта и говорит, что от Баумов он тоже исходил. Я ничего не заметил, а ты?

— Да, заметил, — ответил Рауш. — Но не придал

этому значения.

— Похоже, мне надо прочистить нос, — сказал Норрис, кладя трубку.

— Это очень важно, — подчеркнул Харпер. — От Амброза и Филипа пахло эвкалиптом. Оттого, кто был здесь, — тоже. Возможно, венерианцы встретили запах эвкалипта с той же радостью, с какой компания наркоманов встречает поле мексиканской конопли. Если так, они будут передавать эту новость друг другу.

— И что?

— Их привычка даст человечеству небольшое преимущество. Если вы не можете понять, что происходит у подозреваемого в голове, вы, по крайней мере, можете ощутить запах его дыхания.

Немного подумав, Харпер добавил:

— Под «вами» я подразумеваю силы закона и правопорядка. Что касается вас лично, вы не почуете лаже перевозбужденного козла у себя под кроватью.

— Спасибо за критику, — проворчал Норрис, но тут же умолк — в кабинет вошел эксперт с оборудованием для снятия отпечатков пальцев.

Эксперт собрал по всему помещению отпечатки, большая часть которых, вне всякого сомнения,

принадлежала братьям Баум. Когда он закончил, Норрис распорядился:

— Немедленно отправьте их на проверку и сообщите мне о результатах.

Потом повернулся к Харперу.

— Пока нам тут больше нечего делать. Поехали обратно к вам в контору.

— И снова насадим червяка на крючок, да?

Норрис посмотрел на часы.

— Не думаю. Уже слишком поздно, чтобы что-нибудь предпринимать. Вы вернетесь как раз к тому времени, когда пора будет закрываться и шли домой. Если кому-то захочется испить вашей крови до завтра, вероятнее всего, это произойдет, когда вы будете в постели.

— Самая подходящая мысль, чтобы обеспечить спокойный сон.

— Не беспокойтесь. Вас будут охранять круглые сутки.

— Знаю. На мой взгляд, меня охраняют даже слишком хорошо. Судя по всему, мне предстоит пребывать в подобном обществе до конца моих дней.

— Ну, я бы так не сказал, — возразил Норрис. — Все это продлится лишь до тех пор, пока не минует критическая ситуация.

— Пустые слова, — проворчал Харпер. — Наверху есть несколько наделенных властью придурков, которым не нравятся непреложные жизненные факты. Им ничего не стоит заменять одну критическую ситуацию другой, пока это соответствует их планам.

Он сел в машину рядом с Норрисом и до самой конторы ехал молча, пребывая в мрачной уверенности, что, когда нынешний кризис завершится — если он вообще когда-либо завершится, — у него, Харпера, будет немало проблем с тем, как навсегда избавиться от излишнего внимания властей.

Вряд ли это будет так легко.

Утро принесло очередные новости. Норрис заглянул в дверь кабинета и вызвал Харпера за дверь, чтобы их не услышала Мойра.

— Похоже, события начинают раскручиваться, — объявил он. — Во-первых, в доме Баумов ночью дважды звонил телефон. Звонивший тотчас вешал трубку, как только Рауш отвечал на звонок. Оба звонка были сделаны из уличных телефонных будок. Значит, сообщник Баумов до сих пор где-то в городе.

— Если исходить из предположения, что сообщник единственный, — сказал Харпер. — Ведь их

может быть десяток, а то и больше.

— Возможно. Так или иначе, мы опознали того, кому принадлежали отпечатки в кабинете на складе. Это Макдональд.

— Вот как? Значит, это он там ждал?

Норрис кивнул.

— Мы разминулись с ним всего на несколько минут. Далее, мы выяснили, что он провел вместе с Баумами вечер в ресторане гостиницы. Он уехал вместе с ними на машине Амброза, и с тех пор его больше не видели. Двое официантов и бармен опознали его по фотографии.

— Когда это было?

— Шесть дней назад.

— Мы так и предполагали, — заметил Харпер.

— Сейчас его разыскивают по всему городу и окрестностям, — продолжал Норрис. — Если он еще здесь, мы его найдем.

— Это может оказаться намного сложнее, чем вы думаете.

— Почему?

— Ему вовсе незачем останавливаться в гостинице или мотеле. Поэтому вы ничего не добьетесь, обшаривая их подряд. Ему незачем снимать квартиру. Ему незачем спать на улице.

— Тогда что остается?

— Он живет в частном доме, как один из членов семьи — по суш, став одним из членов семьи.

Харпер скептически посмотрел на Норриса.

— Как вы собираетесь обыскать несколько тысяч частных домов?

— Мы и не будем этого делать. Есть способы побыстрее.

— Какие?

— Каждая улица полна слухов, на каждой есть неисправимые любители совать нос в чужие дела. У нас достаточно фотографий Макдональда, чтобы показать их каждому такому любителю в радиусе нескольких миль. К тому же Макдональд не может действовать, сидя в задней комнате за задернутыми занавесками. Когда-то он должен выйти. Если Раушу звонил он, для этого ему пришлось покинуть свое укрытие. Он пошел на риск, и ему крупно повезло, что его не узнали.

— Как насчет того, чтобы проверить аптеки на предмет несоразмерно высоких продаж эвкалиптовой настойки?

— Об этом мы тоже подумали и дали задание четырем агентам.

В конторе зазвонил телефон. Мойра взяла трубку и крикнула:

— Спрашивают мистера Норриса или мистера

Рауша!

Норрис вошел в кабинет, немного послушал, потом вернулся в коридор и сказал Харперу:

— Звонил Джеймсон.

— Какие-нибудь новости?

— Да. Лэнгли мертв.

— Значит, его нашли?

— Его заметили в угнанной машине, рано утром. С ним были двое, Ватонер и еще один тип, как выяснилось, некий Джо Скейф. Наткнувшись на заставу на дороге, они бросили машину и побежали в лес. За ними в погоню кинулись полицейские, агенты и национальные гвардейцы. По словам Джеймсона, завязалась такая отчаянная схватка, что взять их живыми оказалось просто невозможным. Лэнгли и Скейфа застрелили, Ватонер приберег последнюю пулю для себя. Это произошло примерно час назад. Самая большая проблема теперь — что говорить журналистам.

— Не нравится мне это, — заметил Харпер.

— Не то слово, — серьезно кивнул Норрис. — Поступок Ватонера говорит сам за себя. Судя по их реакции, мы имеем дело с толпой безумцев, которые предпочитают быть убитыми, а не схваченными.

— Баумы вели себя точно так же, — напомнил

Харпер. — По принципу — лучше смерть, чем бесчестье.

— Это не по-людски.

— Конечно! Поймите, мы сражаемся с умами, которые во многом отличаются от наших. Для них плен может быть гораздо худшей судьбой, чем смерть. Если так, нам мало просто стараться выиграть схватку. Чтобы заполучить одного из них живьем, нам придется помешать ему в последний миг покончить с собой.

— У нас приказ — любой ценой брать их живыми.

— Легче сказать, чем сделать.

— Что ж, это вы у нас туз в колоде, — заметил Норрис. — Как бы вы поступили, если бы вам удалось найти одного из них, например Макдональда?

Харпер немного подумал.

— Самое главное — не дать ему понять, не дать заподозрить, что его обнаружили, — сказал он. — Не вижу иного выхода, кроме как терпеливо сидеть и ждать, когда представится шанс оглушить его или схватить, прежде чем он успеет опомниться.

— Странно слышать это от того, кто обратил в бегство Амброза Баума.

— Мне пришлось вынудить его среагировать, чтобы понять, кто он. Иначе в такой толпе распознать его было невозможно. Мы ничего о нем не знали. С Макдональдом все иначе. Мы знаем, как он выглядит. Нам незачем давать ему пинка, чтобы заставить себя обнаружить. Его выдаст собственное лицо.

— В общем, да.

— Если уж на то пошло, — продолжал Харпер, — и если бы я мог поступать так, как считаю нужным — чего, увы, я сделать не могу, — я бы не стал пытаться схватить Макдональда живым или мертвым. Я бы оставил его на свободе.

— Зачем?

— Чтобы он смог привести меня к другим.

— Долго бы это не продлилось, — усмехнулся Норрис. — Если думаете, что могли бы использовать его таким образом месяцами, вы ошибаетесь.

— Почему?

— А что толку, если он приведет вас к другим? Разве что вы воспользуетесь этим и рано или поздно их схватите. Но как только его сообщники начнут исчезать, он поднимет тревогу и сбежит или пустит себе пулю в лоб.

Презрительно фыркнув, Норрис закончил:

— Если мы сумеем поймать его целым и невредимым, он сам приведет нас куда нужно, хочет он того или нет. Уж мы-то об этом позаботимся!

— Вам виднее, — сказал Харпер и вернулся в свой кабинет, — Я намерен заняться делами, иначе они никогда не сдвинутся с места.

Усевшись за стол, он потратил полчаса на изучение большого чертежа, затем еще десять минут на длинное сопроводительное письмо.

— Ладно, Мойра, бери карандаш и постарайся выражаться не слишком заумно. Я…

В кабинет заглянул Норрис.

— Надевайте шляпу. Вы снова нужны.

— Только не сейчас! — прорычал Харпер. — У меня важная работа.

— Не сомневаюсь, — согласился Норрис. — Но здесь вы ее сделать не сможете. Шевелите задницей, поехали.

Бросив на него неприятный взгляд, Харпер сказал Мойре:

— Еще немного — и ты сможешь получить этот бизнес в подарок. Будешь единолично им заниматься, и никто не станет тебе досаждать.

— Быстрее! — поторопил Норрис. — Хватит ворчать.

Харпер послушно вышел и направился следом

за ним к машине.

— Похоже, пронюхали, где прячется Макдональд, — объяснил Норрис.

После недолгой поездки машина остановилась в конце длинной, обсаженной деревьями улицы, вдоль которой стояли аккуратные домики. Других полицейских машин не было видно. Норрис показал через ветровое стекло:

— Вон тот розовый дом в середине улицы по левой стороне. Ребята держатся поодаль, чтобы никого не спугнуть. Мы просто проедем мимо. Посмотрите и скажите мне, какие у вас мысли на этот счет.

Он переключил передачу, и автомобиль не спеша двинулся вперед. Они проехали мимо розового дома, перед которым была аккуратно подстриженная лужайка, а рядом — запертый гараж. Никого не было видно, никто не выглядывал в окно. Доехав до конца улицы, Норрис остановился у поребрика.

— Что скажете?

— Ничего.

— Вы уверены? — с неприкрытым разочарованием спросил Норрис.

— Если вы не удовлетворены, давайте объедем вокруг и попробуем еще раз.

Они объехали вокруг дома.

— Ничего, — повторил Харпер. — Насколько я могу сказать, в доме никого нет.

Он посмотрел на Норриса.

— Что навело вас на этот адрес?

— Один из наших агентов стал обходить таксомоторные компании, предположив, что если в дом Баума звонил действительно Макдональд, то до телефонных будок и обратно он добирался не пешком. Агент нашел водителя, который опознал Макдональда по фотографии, и водитель заявил, что отвозил этого человека после полуночи по данному адресу.

— После чего Макдональд зашел за угол и отправился туда, где на самом деле находится его убежите, — предположил Харпер.

— Водитель видел, как он открывал дверь ключом и входил — что вполне вероятно. В конце концов, Макдональд — не закоренелый жулик, знающий все уловки преступного мира. Он вполне мог оказаться достаточно наивным, чтобы не подозревать, что можно проследить его поездку на такси.

— Верно. Так или иначе, все, что я могу сказать, — в данный момент его здесь нет. Возможно, он в моей конторе, ожидает моего возвращения. Мой-

ре это вряд ли понравится. Давайте вернемся.

— Не спешите, — велел Норрис. — Ваша корреспонденция вполне может подождать — и подождет. А если вы будете мертвы — вообще сможет ждать сколько угодно.

— Тогда меня уже ничто не будет волновать. В могиле можно не заботиться о хлебе насущном.

Не обратив внимания на эти слова, Норрис ненадолго задумался, а потом решил:

— Ладно, рискнем.

Развернув машину, он подъехал к дому, стоящему рядом с розовым. У дверей стояла женщина средних лет, наблюдая за подъезжающим автомобилем. Норрис махнул ей рукой, и она пошла по лужайке, не спуская с него любопытного взгляда.

— Не подскажете, кто там живет? — спросит Норрис, показывая на соседний дом.

— Мистер и миссис Рид, — ответила женщина.

— Больше никого?

— Никого. Они бездетны. Думаю, они не из тех, у кого могли бы быть дети.

Немного подумав, женщина добавила:

— У них сейчас гостит племянник. Насколько я слышала, он из города к западу отсюда.

— Это он? — спросил Норрис, показывая ей фотографию Макдональда.

— Да. Только выглядит чуть постарше.

Норрис глубоко вздохнул.

— Как давно он у них в гостях?

— Около недели.

Женщина снова подумала.

— Да, я впервые увидела его в прошлый четверг.

Она внимательно изучила одежду Норриса, бросила взгляд на его машину. Судя по ее мыслям, на нее немалое впечатление произвел его официальный тон.

— Вы из полиции?

— Если бы мы были из полиции, мы бы об этом сказали, — уклонился от ответа Норрис. — Мы просто хотели убедиться, что это дом Ридов.

— Да, это их дом, — подтвердила женщина. — Но вы там никого не найдете. Сегодня утром они уехали на своей машине. И до сих пор не вернулись.

— Когда примерно уехали?

— В восемь утра. И, надо сказать, очень спешили.

— Не знаете, случайно, куда они отправились? — со слабой надеждой спросил Норрис.

— Нет. Они мне не сказали, а я не спрашивала. Я предпочитаю не лезть в чужие дела.

— Вполне разумно с вашей стороны, — кивнул Норрис. — Полагаю, ничего другого не остается, кроме как вернуться позже, когда они будут дома.

— Одному богу известно, когда это будет, — сказала женщина, — Они взяли с собой кучу багажа. Мне показалось, они уезжают надолго. Это, конечно, не мое дело, но кое-что просто нельзя не заметить.

— У них есть друзья или знакомые, которые могли бы подсказать, где их искать? — спросил Норрис.

— Я таких не знаю. Риды никогда не были слишком общительными и еще больше замкнулись с тех пор, как приехал племянник. Честно говоря, в последние дни они были весьма угрюмы. Все время молчали, а когда я к ним обращалась, отделывались парой фраз. Вели себя так, словно я для них совершенно чужая, хотя мы двенадцать лет живем по соседству. Я никак не могла понять, что с ними такое приключилось. Наверняка это как-то связано с племянником.

— Кто вам сказал, что он их племянник? — вмешался Харпер.

— Миссис Рид. Я спросила у нее: «Кто этот молодой человек?» — а она как-то странно на меня

посмотрела и бросила: «Просто племянник». Судя по тому, как она это сказала, можно было подумать, что я попросила у нее взаймы сто долларов. Естественно, больше я о нем не упоминала. Я знаю, когда держать язык за зубами.

— Спасибо за информацию, — сказал Норрис.

Он тронул машину с места, оставив женщину стоять на лужайке с глубоко разочарованным видом человека, который многое сообщил, но мало узнал.

— Если она предпочитает не лезть в чужие дела, — заметил Харпер, когда они свернули за угол, — сколько же можно узнать от тех, кто не столь щепетилен?

Норрис в ответ лишь что-то проворчал.

— Что вы намерены предпринять насчет Макдональда? настойчиво спросил Харпер. — Собираетесь посадить здесь своих агентов, как и у меня?

— За домом ведется непрерывное наблюдение с девяти часов, но, судя по всему, мы на час опоздали. И хотя вы и не заметили, за домом наблюдают до сих пор.

Влившись в поток машин, Норрис продолжил:

— Первым делом нужно узнать номер машины Ридов в бюро регистрации транспортных средств

и объявить ее во всеобщий розыск. Второй шаг — под тем или иным предлогом сделать в их доме обыск. Третий шаг — выяснить, как и когда Макдональд познакомился с Ридами и, что еще важнее, были ли у него контакты с кем-нибудь, кроме Ридов и Баумов. И наконец, я хотел бы знать, как он сумел выбраться отсюда, раз все дороги перекрыты.

— Возможно, он и не выбирался. Возможно, он прячется где-то неподалеку.

— Скоро узнаем.

Проехав еще милю, Норрис спросил:

— О чем задумались?

— Лэнгли мертв. Макдональд где-то недалеко, и сейчас его разыскивают.

— И что же?

— Странно, что ничего не слышно про третьего, Гоулда.

— Да, не слышно, — согласился Норрис. — Похоже, он как в воду канул. Это ни о чем не говорит… Только о том, что кому-то везет больше, чем другим.

— Если это можно назвать везением.

— В смысле?

— Не обязательно дело в везении. Возможно, он просто самый умный из троих, по-настоящему

хитрый. Если так, он в придачу самый опасный.

— В конце концов он обязательно на чем-нибудь споткнется, — заверил Норрис. — Так бывает всегда!

— Я сам был беглецом, за которым охотились по всей стране, — заметил Харпер. — Конечно, охотились не так настойчиво и упорно, но все равно мне пришлось приложить немало сил, чтобы остаться на свободе. Я знаю, что такое быть в бегах, намного лучше вас, всегда выступавших в роли охотника и никогда — в роли добычи. Человек, способный исчезнуть, как исчез Гоулд, весьма опытен. Слишком опытен, чтобы расслабиться.

— Это не может вечно его спасать.

— У нас в запасе нет вечности. Времени остается все меньше. Каждый день, каждый час работает против нас.

Они прибыли на место, и Харпер распахнул дверцу машин.

— Вы знаете лишь то, о чем вам считают нужным сообщать. Я же скажу вам кое-что еще.

— Что именно?

— Если окажется, что мы действовали слишком медленно, если мы будем обречены на поражение, в гнездо вашего разума отложат чужое

яйцо. Вы станете настоящей кукушкой, в новом и оригинальном значении этого слова. Как и все остальные. Но в этом есть и хорошие стороны — быть живым мертвецом войдет в моду!

Глава 10

На следующее утро заняться своими делами Харперу так и не удалось. У него не нашлось даже времени на просмотр почты. Придя в контору вместе с неотступно следовавшим за ним от самого дома эскортом, он снял шляпу и только собирался повесить ее на вешалку, как Норрис сказал:

— Не стоит. Надевайте шляпу, и едем. Прямо сейчас.

— Куда?

— Не знаю. Мне не сочли нужным это сообщить.

Так оно и было. В мыслях Норриса читалось лишь то, что прибыла служебная машина, чтобы куда-то отвезти Харпера, которого не будет весь день, и что охране поручено на время его отсутствия оставаться на заводе.

На этот раз Харпер не стал спорить и нехотя смирился. Снова надев шляпу, он вышел на улицу и сел в машину, в которой не было никого, кроме водителя.

Когда они тронулись с места, за ними последо-

вала еще одна машина — в ней сидели четверо. Харпер насмешливо помахал Норрису, который стоял на тротуаре, пытаясь догадаться, почему приманку столь неожиданно забрали из ловушки. За углом с обочины внезапно сорвалась третья машина, обогнала их и поехала впереди. В ней тоже были четыре человека.

— Ну и кавалькада, — заметил Харпер. — Кто-то оказывает мне почести, которые я давно заслужил.

Водитель молчал, сосредоточившись на том, чтобы следовать за едущей впереди машиной. Он явно был из тех людей, которые не знают значения слова «страх» — как и значений всех остальных слов. Машина, ехавшая позади, держалась на расстоянии двадцати ярдов.

— Дам тебе сто долларов, если ты нажмешь на газ и оторвешься от этой компании.

Водитель не ответил, даже не улыбнулся.

Оставив бесполезные попытки, Харпер откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, мысленно шаря вокруг невидимыми пальцами. Как выяснилось, водитель знал одно — он должен следовать за головной машиной, быть готовым к любым неприятностям и любой ценой стремиться их избежать.

Харпер стал нащупывать мысли других.

Сидевшие в головной машине знали, куда направляется процессия. Теперь это знал и Харпер. Он поразмыслил минуту-другую — зачем они туда едут — и решил, что рано или поздно все равно выяснит. Лениво уставившись через боковое стекло на проносящиеся мимо магазины и пешеходов, он по выработавшейся за последние дни привычке мысленно прощупывал окрестности.

Они проехали два светофора и больше десятка перекрестков, когда он ощутил чуждые импульсы, слабые и далекие, но вполне отчетливые. Их источник находился на боковой улице, в шести, восьми, может, даже десяти сотнях ярдов от него.

Судорожные вспышки псевдочеловеческих мыслей перемежались с бессвязным бормотанием.

— Быстрее! Сворачивай туда! — бросил Харпер, приподнимаясь на сиденье.

Хмурый водитель крепче сжал толстые губы, дал предупреждающий сигнал и нажал на газ. Через заднее стекло ехавшей впереди машины, которая тоже прибавила скорость, на Харпера уставились двое; эта машина пронеслась по дороге, не сворачивая, и устремилась дальше.

— Слишком медленно соображаешь, — про-

ворчал Харпер, прищурившись и продолжая прислушиваться. — Сворачивай на следующую улицу, и побыстрее. Мы можем объехать вокруг квартала и схватить его, прежде чем он исчезнет.

Машина продолжала мчаться вперед. Она проскочила и этот поворот, и следующий, и еще один. Далекая судорожно дергающаяся мысль превратилась в ничто и пропала.

— Вот ведь тупоголовый! — выругался Харпер. — Упустил такой шанс…

Ответа не последовало.

Сдавшись, Харпер сердито замолчал, думая, от кого исходила уловленная им короткая мысль — от самого Макдональда или от одного из его неожиданных дубликатов. Понять это было невозможно — подобные разумы не раскрывают свою личность, подобно человеческим. Все, что можно было с уверенностью сказать, — на свободе бродит смертельный враг, хотя весь город начинал напоминать военный лагерь.

Харпер был все так же мрачен два часа спустя, когда машины проехали через тщательно охраняемые ворота на окруженную неприступным забором территорию, поднялись на небольшой холм и остановились возле группы зданий, неви-

димых с главной дороги. Возле главного входа стояла вывеска с надписью: «Министерство обороны. Лаборатория биологических исследований».

В сопровождении четверых людей из головной машины Харпер вошел в здание. Вид у сопровождающих был такой, будто они не сомневались — при первой же возможности Харпер отрастит крылья и улетит. Судя по всему, им тоже рассказали лишь часть истории, а остальное дорисовало их воображение.

Харпер сел в кресло в приемной, под наблюдением троих, в то время как четвертый пошел кого-то искать. Вскоре он вернулся с седовласым человеком в белом халате, который тут же удивленно воскликнул:

— Уэйд Харпер! Чтоб мне провалиться!

— Что в этом такого необычного? — проворчал Харпер, — Когда мы встречались в последний раз четыре года назад, вы не были потрясены до глубины души.

— Если вы уже знакомы с доктором Лимингом, — вмешался один из сопровождающих, — нет нужды представлять вас друг другу. Так что мы уходим.

И этот человек вышел, забрав с собой осталь-

ных.

— Мне было поручено провести некую проверку с помощью некоего специалиста, которого должны были привезти сегодня утром. Мне дали понять, что его слово имеет решающее значение. Имени специалиста мне не назвали.

Лиминг отступил на шаг, окинув Харпера взглядом с головы до ног.

— А это, оказывается, вы. Четыре год а не пошли вам на пользу. Вы выглядите еще старше и уродливее.

— Вы тоже выглядели бы так, если бы оказались на моем месте.

Харпер недовольно фыркнул.

— Я приехал сюда, как королевская особа, под солидной охраной. Крепкие ребята впереди, крепкие ребята сзади, а над головой наверняка летела целая эскадрилья вертолетов. Вряд ли все это лишь для того, чтобы вы подсунули мне очередную задачку — как побрить бациллу. Более того, мой торгашеский инстинкт говорит, что вы не планируете дать мне повторный заказ на аппаратуру ценой в двенадцать тысяч долларов. Так в чем же дело?

— Сейчас покажу, — кивнул доктор Лиминг. — Пойдемте.

Проведя Харпера по ряду коридоров, доктор ввел его в длинное помещение, заставленное лабораторной посудой и инструментами, среди которых Харпер заметил несколько шкафов с собственной продукцией. Молодой человек в белом халате и очках бросил на них беспокойный взгляд.

— Мой ассистент, доктор Балир, — представил Лиминг. — Познакомьтесь с Уэйдом Харпером.

Доктор показал на ближайший микроманипулятор и набор приспособлений к нему, потом кивнул на Харпера.

— Вот человек, который делает все эти штуки.

— Рад познакомиться, — с подобающим случаю восхищением сказал Балир.

— В таком случае можете причислил» себя к немногим избранным, — ответил Харпер.

— Не обращайте внимания, — посоветовал Лиминг Балиру, — Он ляпает первое, что придет в голову.

— Из-за того и вся суматоха, — заметил Харпер, — учитывая, что приходит мне в голову в последнее время.

Он огляделся по сторонам.

— А все-таки, зачем я здесь?

Лиминг подошел к большому шкафу, достал

крупноформатную фотографию и протянул Харперу. На фото был изображен туманный белый шар, опоясанный чуть более темной полосой.

— Фото планеты Юпитер? — предположил Харпер, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы проверить догадку, заглянув в мозг Лиминга.

— Нет, оно куда меньше, — сообщил Лиминг, — хотя достаточно массивное для своих размеров. Это вид молекулы протеина под электронным микроскопом.

— Если вы хотите ее вскрыть, вам не повезло. У меня нет ничего, что могло бы работать со столь мелкими объектами.

— Очень жаль, — сказал Лиминг, — Но нас интересует не это.

Вернув фотографию в шкаф, он повернулся к вделанному в стену тяжелому стальному сейфу, осторожно его открыл и извлек контейнер из прозрачного пластика с плотно пригнанной крышкой. Внутри лежала пробирка, на четверть заполненная бесцветной жидкостью.

— То же самое, только его тут в миллион раз больше, — объявил Лиминг. — Вам это о чем-нибудь говорит?

Харпер уставился на жидкость.

— Нет.

— Подумайте хорошенько, — посоветовал Лиминг. — Ведь оно, насколько нам известно, до сих пор живое.

— Живое?

— Я имею в виду — жизнеспособное. Это вирус, извлеченный из головного и спинного мозга некоторых трупов.

— Известный вирус?

— Нет.

— Фильтрующийся?

— Мы не пытались его фильтровать. Мы выделили его с помощью обработки на новой центрифуге.

— Тогда, если он не мертв, он до сих пор не в себе после подобной встряски, — сказал Харпер. — Давайте попробую еще раз, когда он придет в чувство.

— Как раз это мы и хотели бы знать. Есть ли у него вообще какие-то чувства? Судя по тому, что мне известно, определить это можете вы и только вы.

Доктор нахмурился.

— Мне сообщили, что окончательное слово за вами. Если вы скажете, что вирус безвреден, это значит, что либо он стал таким после обработки

и выделения, либо мы на неверном пути и вынуждены будем начать все сначала.

— В любом случае, — сказал Харпер, — вовсе незачем стоять и держать его на вытянутой руке, словно только что откопанную дохлую кошку. Положите его обратно в гроб и закройте крышку. На мою оценку это никак не повлияет. Если бы эта штука могла и желала заявить о своей природе, я мог бы сказать вам об этом еще в приемной, даже не заходя сюда.

Убрав контейнер, Лиминг запер сейф и выразительно развел руками.

— Значит, мы нисколько не продвинулись вперед?

— Не обязательно, — ответил Харпер.

Облокотившись о лабораторный стол, задумчиво глядя на Лиминга и Балира, он исследовал мысли обоих и наконец сказал:

— Вам сообщили, что с Венеры вернулись трое исследователей, заразившихся неизвестной болезнью, которая начала распространяться. Вам прислали тела известных на данный момент жертв, начиная с девушки по имени Джойс Уитингэм. Ваша задача — выделить причину заболевания, изучить ее природу и, если возможно, изобрести лекарство.

— Верно, — кивнул Лиминг. — Это совершенно секретная информация. Судя по всему, вам ее тоже сообщили.

— Сообщили? Я сам ее получил. И это оказалось не сложнее, чем выдернуть зуб.

Харпер подался вперед, пристально глядя на доктора.

— Вы уверены, что этот вирус — подлинная причина заболевания?

— Был полностью уверен — до вашего появления. Теперь уже нет.

— Почему вы так думаете?

— Трудно объяснить, насколько тщательно мы обследовали те трупы. Задача вдвойне усложнялась тем, что все приходилось делать на расстоянии, со всеми предосторожностями, чтобы избежать контакта и заражения. Наши ведущие специалисты трудились двадцать четыре часа в сутки, и все, что им удалось найти, — неизвестный прежде вирус. Возможно, в нем все и дело. Наверняка в нем.

Помолчав, Лиминг заключил:

— Но, судя по вашим словам, это не так.

— Я ничего подобного не говорил.

— Вы сказали, что вирус для вас ничего не значит.

— В его нынешнем состоянии — да.

Харпер поколебался.

— Я обладаю особой способностью определять людей, зараженных этой болезнью. Если вам не сказали, как я это делаю, — я тоже не могу сказать. Считайте это еще одной совершенно секретной информацией. В нашем проклятом мире чересчур много секретов. Однако кое-что я все же могу сказать.

— Что?

— Я распознаю симптомы. Вы же просите меня найти причину. Это далеко не одно и то же. На мой взгляд, это совершенно другая проблема.

— Но вы можете сделать хоть какое-то предположение, которое бы нам помогло? — спросил Лиминг.

— Могу изложить свои соображения. Ваше дело — решать, есть в них смысл или нет.

— Давайте. Нам пригодится любая точка зрения.

— Хорошо. Поймите, я ни в коей мере вас не критикую, утверждая, что власти послали меня сюда, исходя из совершенно дурацких умозаключений.

— Каких именно?

— Что можно раздеться, будучи абсолютно

голым. Что можно плавать без воды. Что можно ехать по дороге без велосипеда, крутя педали.

— Выражайтесь яснее, — предложил Лиминг.

— Нельзя быть болезнью, если некого ею заразить. Нельзя бежать без ног, говорить без рта, думать без мозга. Если эта штука — действительно то, чем, по-вашему, она является и чем, на мой взгляд, она и в самом деле может оказаться, сейчас она полностью связана. Связана по руками и ногам, если можно так выразиться, и потому представляет собой лишь то, чем выглядит, а именно — комок слизи. Ее сила, если таковая существует, перестала быть реальной, превратившись в потенциальную. Я могу определить реальную силу. Но потенциал я способен оценить не больше, чем читать будущее.

— Понимаю, о чем вы. — Лиминг медленно улыбнулся. — Вы считаете нас не слишком умными, верно?

— Я не называл вас глупцами. Я просто думаю, чем могу вам помочь.

— Ладно. — Лиминг махнул рукой в сторону сейфа. — Это не все, что у нас есть. Только половина. С остальным мы поступили в освященных веками традициях — испытали на собаке.

— Хотите сказать, что вы кому-то ввели этот

вирус?

— Да, как я только что сказал, собаке.

Харпер растерянно уставился на доктора. За всю жизнь ему ни разу не удалось уловить мысль животного. С телепатической точки зрения кошки и собаки, птицы и пчелы для него просто не существовали. Их мысли распространялись на какой-то иной волне, отличной от человеческой. Он точно так же не мог услышать их мысли, как не мог видеть в ультрафиолетовом диапазоне.

— И что с ней стало?

— Выжила. И до сих пор жива. Хотите взглянуть?

— Да, хочу.

Собака оказалась черным лабрадором-ретривером. Она сидела в прочной клетке, вероятно, позаимствованной в цирке или ближайшем зоопарке, — со стальным палом, толстыми стальными прутьями по бокам и сверху и подвижной перегородкой внутри. С помощью этой перегородки животное можно было загнать в одну половину клетки, пока чистилась другая половина и наполнялись миски с едой и водой. В этой клетке, которой вполне хватило бы для разъяренного носорога, лабрадор выглядел неуместно и довольно трогательно.

Заметив приближающихся людей, пес повернулся к ним, поставил лапы на прутья и, виляя хвостом, умильно заскулил. Изо всех сил демонстрируя собачье дружелюбие, он сосредоточил свое внимание на Харпере, ведя себя как щенок из зоомагазина, которому очень хочется, чтобы его купили.

— Что скажете? — спросил Лиминг.

— Судя по его виду, ваша инъекция для него не опаснее впрыскивания дистиллированной воды.

— Вынужден с вами согласиться. Но можем ли мы полагаться на внешний вид? Вы сказали, что можете распознать реальность. Что ж, этот пес вполне реален. Так каков ваш диагноз?

— Я не могу поставить диагноза, — ответил Харпер. — Я не в состоянии почуять врага среди собачьего племени. Мои способности действуют лишь в отношении двуногих, таких же как и я, только не таких волосатых.

— Гм!

Лиминг разглядывал лабрадора, который стоял на задних лапах, поставив передние на прутья и прямо-таки упрашивая Харпера вывести его погулять.

— Вы заметили, что все его внимание сосредоточено на вас, а меня он полностью игнорирует?

— нахмурившись, спросил доктор.

— Вполне естественно. Будь я собакой, я бы поступил так же.

— Я не шучу, — заверил Лиминг. — Я говорю совершенно серьезно.

— А в чем дело?

— Мы ввели дозу вируса этому животному сегодня в полдень, прямо в этой клетке, после чего быстро вышли и наблюдали за результатами с другой стороны решетки.

— И что случилось?

— Сперва пес вел себя нормально, вылизывал место укола, бесцельно бродил по клетке и бросал на нас удивленно-укоризненные взгляды, как бывает у собак, которые считают, что их ударили ни за что. Спустя четыре минуты он упал, судорожно дергаясь и приглушенно скуля, из пасти пошла пена.

— А потом?

— Пес удивительно быстро пришел в себя, — продолжал Лиминг. — Он десять раз обошел клетку, изучая каждый ее уголок и явно пытаясь найти возможность сбежать. Когда это ему не удалось, он зарычал на оказавшегося рядом Балира… С такой ненавистью, что это надо было видеть. Уж не знаю что и как, но пса словно подменили.

— Сейчас он выглядит достаточно спокойным, — заметил Харпер.

— Я знаю. И это очень важно. Он разозлился на Балира, потом обратил свою ярость на меня. Пару часов он выказывал маниакальную вражду ко всем, оказывавшимся поблизости. Эмоциональная реакция на лишение свободы?

— Возможно.

— Но через пару часов его поведение изменилось — так быстро, как актер меняет костюмы между актами. От ненависти не осталось и следа. Пес делал все, чтобы втереться в доверие к Ба-лиру, и устроил такое представление, что тому даже стало его жалко. Видя или ощущая результат, пес удвоил усилия, стараясь добиться его дружбы. Однако Балир — ученый и не позволил себе поддаться нелогичным чувствам. Потому он не стал отвечать взаимностью.

— И что было дальше?

— Пес попытался подлизаться ко мне. Без стыда признаюсь, что порой мне становилось его жаль — пока я не вспоминал, что могу выразить сочувствие лишь двумя способами. А именно — войти в клетку и погладить его, что могло быть весьма опасно, или выпустить его на свободу, что могло привести к настоящей катастрофе. Так что

я остался непреклонен.

— Это все?

— Нет. Сегодня утром он попытался проделать свои трюки с Джимом Кэлторпом, который приносит ему еду. Кэлторпа предупредили, чтобы он пользовался перегородкой и держался подальше от собаки, что бы ни случилось. Он тоже не поддался на собачьи заигрывания. Теперь пес испытывает ту же тактику на вас.

Взглянув на Харпера, Лиминг спросил:

— Какие выводы вы можете сделать из подобного поведения?

— Конструктивное мышление, — ответил Харпер. — Пес понял, что сбежать отсюда без посторонней помощи невозможно. Единственный для него шанс — найти слабовольного человека, который согласится на сотрудничество. И теперь он пробует разных кандидатов на эту роль по мере их появления.

— Именно это я и подозреваю. Но если мы правы и пес действительно подбирает подходящего сообщника, не слишком ли он умен для рядовой собаки?

— Не знаю. Правда не знаю. Как я уже говорил, я не специалист по собакам. Все, что мне известно, — это что некоторые собаки бывают весьма умны

и способны решать не слишком сложные задачи. Про таких говорят, что они почти как люди.

— Да, но у исключительно умной собаки способности развиваются почти с рождения. Они не появляются внезапно, как новый ошейник.

— И что дальше?

— Это животное было рядовым представителем своего вида, каких полным-полно. Теперь же его разум намного выше среднего. Уровень его интеллекта повысился с семидесяти собачьих ай-кью до ста собачьих ай-кью. Или даже больше — что, учитывая обстоятельства, внушает определенную тревогу. Из этого можно сделать выводы, которые, как мы надеялись, вы сумеете подтвердить. Без вашей помощи нам будет крайне сложно.

— Есть неплохой выход, — предложил Харпер, — если кому-то хватит смелости на такое пойти.

— И какой же?

— Прикончите пса, извлеките из его тела эту дьявольскую жидкость и введите ее человеку. Или, если вам не жаль содержимого пробирки, которую вы показывали мне в лаборатории, воспользуйтесь им — заодно сэкономите время и не дадите возникнуть лишним проблемам.

— Это невозможно! — заявил Лиминг.

— Покажите мне человека, которому сделана инъекция, и я смогу с уверенностью сказать, сумели ли вы определить и выделить истинную причину всех неприятностей.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Мы не можем подвергнуть человека столь опасному испытанию.

— Сейчас науке уже поздно считаться с моральными критериями. Такие времена миновали пятьдесят лет назад. Сегодня еще одна грязная проделка пройдет незамеченной. Общественность привыкла к мысли, что все мы дегенерировали до скопи-ша морских свинок.

Лиминг неодобрительно нахмурился.

— Все могло бы пройти нормально, если бы нам удалось найти добровольца, — сказал он. — Вот только где его взять? Вы же не согласитесь на роль подопытного, так?

— Не соглашусь. Даже если бы я оказался настолько безрассуден, мне бы этого не позволили. Дядя Сэм считает меня чересчур ценным, чтобы потерять.

Харпер ткнул в грудь Лиминга толстым пальцем.

— И уже сам этот факт подсказывает, где вы могли бы взять вашу экспериментальную тушку.

А именно — среди тех, кто не представляет ценности, чья судьба никого не волнует, включая их самих.

— То есть?

— В камерах смертников сидят десятки головорезов, ожидающих, когда их отправят на виселицу, электрический стул или в газовую камеру. Дайте любому из них шанс, пусть даже один из тысячи, получить свободу — и увидите, как он за него ухватится. Скажите, что хотите сделать ему инъекцию. Если он умрет — что ж, ему все равно предстоит умереть. Но если его удастся вылечить, он получит прощение и будет освобожден. Возможно, ему даже найдется место на государственной службе, в награду за оказанную обществу услугу.

— Я не обладаю властью принимать подобные решения, выходящие за рамки закона.

— Кто-то же обладает. Найдите его и пинайте, пока он не проснется.

— Сомневаюсь, что на это способен тот, кто стоит ниже президента, и даже для президента это почти предел полномочий.

— Ладно. Тогда добивайтесь встречи с президентом. Если вы до него не доберетесь, это сделает кто-то другой и с куда более чудовищной целью.

— Послушайте, Уэйд, говорить — одно, а делать — совсем другое. Вы когда-нибудь пытались добраться до высокого начальства?

— Да.

— И как далеко вам удалось проникнуть?

— Я добрался до генерала Конуэя и застал его врасплох. Если подумать, он из тех, кто падок на лакомые кусочки. Расскажите ему подробно о том, что здесь произошло; о том, что я сказал; о том, что вы намерены сделать; о том, что ваш подопытный должен быть человеком, и только человеком. Вывалите проблему прямо генералу на колени и поставьте его перед фактом: от нее никуда не деться. Можете быть уверены, решение найдется очень скоро!

Пока Лиминг обдумывал услышанное, Харпер снова посмотрел на пса. Лабрадор заскулил, пытаясь просунуть лапу сквозь прутья. Он во всех отношениях выглядел собакой, всего лишь собакой и только. Но не было доказательств ни за, ни против того, что он — обычный пес. Где-то бродили существа, которые тоже с виду ничем не отличались от людей, но людьми не являлись. Главный вопрос — осталось ли это животное обычной собакой или стаю собакой-оборотнем?

Харпер попытался прислушаться к мыслям

требовавшего его внимания пса, но абсолютно ничего не услышал. Пустота, полнейшая пустота. Естественный диапазон восприятия Харпера был слишком узок, чтобы воспринимать излучение мыслей существ, не принадлежавших к его собственному виду. Харпер попытался послать в собачий мозг импульс, вызывавший немедленную реакцию тех, кто скрывался в человеческом теле. На пса это никак не подействовало, он продолжал лебезить и подлизываться, явно не догадываясь, что кто-то пытается проникнуть в его разум.

Молчаливый эксперимент служил лишь подтверждением того, что Харперу было уже известно, а именно: мозг собаки настроен на общение с ее сородичами, а так называемая способность собак читать людские мысли — не более чем точная оценка поведения, жестов, выражения лица и тона голоса. По этой причине исследования Лиминга, продолжайся они в нынешнем русле, не могли привести к удовлетворительным результатам. Они зашли в тупик. Следовало двигаться в ином направлении, для чего требовалась высшая форма жизни.

Лиминг наконец вышел из задумчивости.

— Мне это не нравится, и вряд ли такое сой-

дет мне с рук. Тем не менее я согласен закинуть приманку Конуэю, при условии, что вы будете меня прикрывать. Возможно, если он не станет слушать меня, то послушает вас.

— Попытка не пытка.

— Я ученый, а он — военная шишка. Мы говорим нарезных языках. Ученый умеет убеждать, в то время как военный способен только лаять. Если он не сумеет или не захочет понять, что я пытаюсь ему объяснить, если потребуется на него рявкнуть, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, вы возьмете телефонную трубку и пустите в ход нужные ругательства.

— Конуэй не настолько глуп, — ответил Харпер. — Высокий чин вовсе не означает пустую башку, несмотря на кое-какие исключения, которые лишь подтверждают правило.

— Пойдемте ко мне в кабинет, — предложил Лиминг, — Свяжитесь с ним, а потом посмотрим, что делать дальше.

Первым делом Харпер позвонил Джеймсону.

— Я в Лаборатории биологических исследований — о чем, вероятно, вы знаете, поскольку меня доставили сюда явно не без вашего участия. Я намерен позвонить генералу Конуэю. Доктор Лиминг хотел бы с ним поговорить.

— Тогда почему вы звоните мне? — спросил Джеймсон.

— Потому что я уже пытался связаться с Конуэем раньше, помните? С тем же успехом я мог бы попытаться пожать руку Господу Богу. И ни у Лиминга, ни у меня нет ни времени, ни терпения возиться с каждой мелкой сошкой в Вашингтоне. Ваше дело — сообщить им, чтобы меня соединили с ним напрямую.

— Послушайте, Харпер…

— Заткнитесь! — приказал Харпер. — Вы уже достаточно мною попользовались. Теперья попользуюсь вами. Делайте, что я сказал.

Бросив трубку, он откинулся на спинку кресла и фыркнул, хмуро уставившись на телефон.

— Кто такой этот Джеймсон? — опасливо спросил Лиминг.

— Большая шишка из ФБР.

— И вы приказываете ему, что делать?

— В первый раз, — сказал Харпер. — И судя потому, что я о нем знаю, — в последний.

Лицо его помрачнело.

— Так или иначе, почему одни всегда должны отдавать приказы, а другие — их исполнять? Почему иногда не меняться ролями, верно? У нас демократия, или я заблуждаюсь?

— Ну, ну, — запротестовал Лиминг. — Не придирайтесь ко мне. Я просто воспринимаю вещи такими, какие они есть.

— Конечно, черт побери. Если бы вы, ученые, иногда чересчур не усердствовали, мы бы…

Не договорив, Харпер пожевал нижнюю губу и закончил:

— Не обращайте внимания. Раз в месяц мне нужно выговориться, иначе я свихнусь. У Джеймсона было достаточно времени. Если он до сих пор ничего не сделал — значит, он и не собирается предпринимать никаких шагов.

— Могу поспорить, он ничего не сделал.

— Скорее всего, вы правы, хоть мне и неприятно в этом признаваться.

Харпер снова взял трубку.

— В любом случае, увидим.

На экране появилось лицо молодого человека.

— Меня зовут Уэйд Харпер, — представился Харпер. — Я бы хотел поговорить с генералом Конуэем, по срочному делу.

— Одну минуту.

Лицо исчезло, на смену ему появилось другое, постарше.

— О чем вы хотите говорить с генералом? — спросил человек на экране.

— А вам какое дело? — грубо спросил Харпер. — Идите прямо к старику Конни и выясните раз и навсегда, снизойдет ли он до разговора со мной.

— Боюсь, я не смогу этого сделать, не изложив ему суть вашего… — Человек на экране замолчал, посмотрел в сторону, поспешно сказал: — Прошу прощения, — и исчез.

Несколько секунд спустя он снова появился со слегка ошеломленным видом.

— Оставайтесь на линии, мистер Харпер. Мы соединим вас при первой же возможности.

Харпер улыбнулся, глядя на опустевший экран.

— Похоже, вы все-таки проиграли, — сказал он Лимингу. — Джеймсон все же выполнил мою просьбу, хотя и не слишком торопился.

— Я удивлен.

— Я тоже. Посмотрим, чем все закончится.

По экрану пошли концентрические круги, потом он очистился, и на нем появилось суровое лицо генерала Конуэя.

— В чем дело, мистер Харпер?

Кратко изложив суть, Харпер передал трубку Лимингу, который подробно описал текущее положение дел, закончив тем, что ему требуется подопытный и что он надеется на помощь со стороны Конуэя.

— Я не одобряю подобной тактики, — бесстрастно проговорил Конуэй.

— В таком случае, генерал, мы не можем продвинуться дальше, — покраснев, сказал Лиминг. — Мы застряли.

— Чушь! Я прекрасно понимаю ваше рвение и хитроумие способа, который вы предлагаете. Но я не могу тратить ценное время на поиски законного способа использовать приговоренного к смерти преступника, в то время как подобный шаг совершенно излишен и никому не нужен.

— Я обратился к вам с просьбой исключительно потому, это считаю этот шаг необходимым, — заметил Лиминг.

— Ошибаетесь. Вам прислали четыре трупа известных жертв. Еще два будут в вашем распоряжении сегодня, вскоре вы их получите. По мере того как будет распространяться инфекция и увеличиваться число заразившихся, рано или поздно нам удастся поймать одного из них живым. Что вам еще нужно?

Лиминг вздохнул и терпеливо продолжал:

— Живая жертва могла бы помочь, но не во всем. Самое неопровержимое доказательство причины болезни — демонстрация того, что она вызывает характерный эффект. Я не могу проде-

монстрировать заражение болезнью с помощью подопытного, который уже ею заразился.

— Да, наверное, — согласился Конуэй. — Но такого подопытного, с которым общаться несколько проще, чем с собакой, можно заставить самого идентифицировать причину. Полагаю, в ваших силах придумать способ, который мог бы вынудить его, если можно так сказать, выдать самого себя.

— С ходу мне приходит в голову лишь один такой способ, — сказал Лиминг. — Проблема в том, что он долог, трудоемок и требует немалой работы вслепую.

— Что за способ?

— Исходя из предположения, что этот вирус является настоящей причиной — в чем мы пока еще сомневаемся, — нам необходимо найти действенный антиген. Тогда наше доказательство будет основано на возможности вылечить живого человека. Если нам этого не удастся…

— Лекарство необходимо найти, — заявил Конуэй не терпящим возражений тоном, словно то было окончательным решением. — Любой ценой. Единственная альтернатива — долгое и систематическое уничтожение всех жертв, в масштабах, которые никто не в состоянии даже представить.

Вообще-то мы можем столкнуться с тем, что окажемся по отношению к ним в меньшинстве — и тогда меньшинство обречено, а вместе с ним все человечество.

— И вы полагаете, что жизнь одного закоренелого преступника — слишком высокая цена, чтобы предотвратить такое? — язвительно спросил Лиминг.

— Я ничего подобного не думаю, — возразил Конуэй. — Я бы без колебаний пожертвовал населением всех наших тюрем, будь это в моей власти и будь я убежден, что это наша единственная надежда. Но такое не в моей власти, и я не убежден в необходимости подобных мер.

— Дайте я с ним поговорю, — предложил Харпер, видя, что Лиминг совсем пал духом.

Взяв трубку, Харпер воинственно посмотрел на лицо на экране, зная, что генерал сейчас смотрит на него.

— Генерал Конуэй, вы говорите, что у вас недостаточно полномочий и вы не убеждены в необходимости такого шага?

— Совершенно верно, — кивнул Конуэй.

— Если спросить мнения президента, возможно, тот посчитает иначе. Он обладает необходимой властью или может ее получить. Не присваивае-

те ли вы его право на решение?

— Присваиваю право? — повторил Конуэй, словно эти слова были самыми страшными ругательствами. С видимым усилием взяв себя в руки, он сдержанно проговорил: — Президент не может работать больше двадцати четырех часов в сутки и потому делегирует часть своих полномочий другим. И некоторые из этих полномочий исполняю я.

— Благодаря чему пользуетесь его благосклонностью в отличие от других, — парировал Харпер. — Так как насчет того, чтобы обратиться к нему напрямую?

— Нет.

— Ладно. Больше я не буду вас просить. Я требую.

— Требуете? — недоверчиво переспросил генерал.

— Да. Отказ от сотрудничества — игра, в которую могут играть двое. Вы можете передать предложение Лиминга президенту — или же считать, что с данного момента я больше в ваших разборках не участвую.

— Вы не можете так поступить.

— Могу.

— Вы прекрасно знаете, что без вашей помощи

мы не в состоянии уверенно опознать источник заразы. Вы же не можете просто сидеть и ничего не делать, зная, что происходит?

— Могу. И более того — буду. Вы не единственный, кто может изображать упрямого осла.

— Это возмутительно! — взорвался генерал Конуэй.

— И к тому же мятеж, — кивнул Харпер. — Неприкрытая измена. Можете меня за это расстрелять. Попробуйте и увидите, что вам это даст. Мертвый я буду бесполезен.

Конуэй возмущенно посмотрел на него, тяжело вздохнул и наконец сказал:

— Вопреки моим убеждениям, я встречусь с президентом и сделаю все возможное, чтобы его убедить. Обещаю сделать это как можно быстрее, но успех гарантировать не могу.

— Вашего слова мне вполне достаточно, — сказал Харпер, — Вы офицер и джентльмен. И хотя пути наши противоположны, мы работаем ради одной и той же цели, разве не так?

Раздраженно фыркнув, он положил трубку и посмотрел на Лиминга.

— Он это сделает. Он из тех, кто непременно сдержит слово, раз уж удалось вырвать у него обещание.

— Надо сказать, дерзости вам не занимать, — с легкой завистью заметил Лиминг. — Настолько, что мне очень интересно, есть ли у вас вообще друзья. Когда-нибудь вы зайдете чересчур далеко, и вам проломят череп.

— О чем вы говорите? Конуэй — мужчина, я тоже мужчина. Мы оба стрижемся и носим брюки. Когда-то мы оба ревели во всю глотку и пачкали пеленки. И мы оба будем одинаково плохо пахнуть через месяц после нашей смерти. Я что, должен целовать ему ноги?

— Думаю, нет.

— Значит, мы с вами пребываем в блаженном согласии.

Харпер посмотрел на часы.

— Прежде чем уйти, я бы хотел узнать еще кое-что, если можно.

— Что именно?

— Каким образом стала распространяться эта болезнь? Как она передается от одного к другому?

— Так же, как ею заразилась собака, — сказал Лиминг. — Той девушке, Джойс Уиттингэм, сделали укол в руку, вероятно, ввели кровь жертвы.

— Мы не можем с уверенностью сказать, что собака ею заразилась.

— Да, но мы знаем, что ею заразилась мисс Уиттингэм. И мы знаем, что ей был сделан укол, также как и двум другим. У четвертого трупа был заклеенный пластырем порез, который говорит о том же самом. Скорее всего, их реакция была такой же, как у собаки, — несколько минут замешательства, короткие судороги и быстрое восстановление.

— Что ж, тот факт, что одного лишь контакта, судя по всему, недостаточно, уже кое-чем может нам помочь, — задумчиво проговорил Харпер. — Это означает, что будущую жертву нельзя заразить, просто чихнув в ее сторону. Человека нужно схватить и достаточно долго удерживать, чтобы сделать инъекцию и дождаться конца ее действия, так?

Лиминг кивнул.

— Если этот вирус — не настоящая причина болезни, он определенно является ее побочным продуктом. И если он не причина, — доктор выразительно развел руками, — мы понятия не имеем, где искать другую.

— Можете еще что-нибудь рассказать о вирусе?

— Да. Он внедряется в головной и спинной мозг. Это его естественная среда обитания. Все

остальное — лишь теория, и вам решать, чего она стоит. На мой взгляд, вирус размножается, пока его концентрация в кровеносной системе не становится слишком высокой, и тогда он стремится куда-то передать избыток, найти другую кровеносную систему, ведущую к другому головному и спинному мозгу. Можно это представить себе неким нечеловеческим аналогом сексуального желания, где передача вируса заменяет половой акт. Непреодолимая реакция на всеобщий закон: «Плодитесь и размножайтесь».

— Гм!

Харпер задумался. Ему было любопытно узнать, каким образом осуществлялась передача вируса от существа к существу в родном мире венериан-цев. Принадлежали ли излюбленные носители вируса на Венере к достаточно высокоразвитой форме жизни, способной изготавливать шприцы и пользоваться ими? Или они занимали более низкое положение в пирамиде жизни — нечто зубастое, способное передать зараженную кровь одним укусом?

Харпер подозревал последнее. Сколь бы чуждой ни была эта зараза с земной точки зрения, она была порождением природы и существовала в своеобразном симбиозе с другим таким

же порождением природы. Так что способ ее распространения был скорее естественным, чем искусственным, и применявшиеся на Земле инъекции были лишь заменой этого способа — вполне действенной заменой.

Если его предположения были верны, сидящая в клетке собака вполне могла заполучить себе спасителя и столь желанного союзника, цапнув его за ногу или лизнув руку, на которой оказался бы едва видимый порез. Присутствие вируса в ее слюне могло открыть путь к свободе и массовому захвату человеческих тел. Теоретически это животное было опаснее кобальтовой бомбы.

— Если хотите моего совета, — сказал Харпер Лимингу, — вам стоило бы прикончить этого пса, пока он не прикончил вас.

— Не беспокойтесь. Нам часто приходится решать подобные проблемы. Никто к нему не приблизится на расстояние плевка, не говоря уже о том, чтобы до него дотронуться.

— Дело ваше. А мне пора заняться своими делами. Я возвращаюсь домой, назад в ловушку, в которую, как надеется Конуэй, может попасться живой экземпляр.

Харпер мрачно усмехнулся.

— Если мне сильно не повезет, к вам могут

доставить связанного по рукам и ногам зомби, который окажется мной.

— То есть? — Глаза Лиминга расширились.

— Неважно. Давайте найдем моих сопровождающих. Если я вернусь без них, мне наверняка не поздоровится.

Харпер посмотрел в потолок, словно призывая небо в свидетели.

— Что за мир!

Глава 11

Когда утром Харпер пришел к себе в контору, там уже был Рауш.

— Вчера мы оставались здесь до восьми вечера, думая, что вы сюда вернетесь. Если бы ваш охранник не сообщил, что вас целым и невредимым доставили домой, нам бы пришлось проторчать тут всю ночь.

— Я слишком поздно вернулся — то одно, то другое, включая три остановки по дороге.

Повесив шляпу, Харпер сел за стол и потянулся к почте.

— Где Норрис? Как вы здесь оказались? Я думал, вы сидите в засаде в доме Баумов.

— Мы потеряли всякую надежду кого-нибудь там поймать. Новости о Баумах появились во вчерашних вечерних газетах — сообщается, что оба погибли в автокатастрофе. В ночных новостях по стерео показывали, как увозят с места происшествия разбитую машину. Несмотря на прикрытие, этого сообщения достаточно, чтобы предупредить сообщников Баумов. Там мы никого не схватим, даже если просидим целый год.

— Что ж, все, что я могу сказать, — некоторым неплохо удается водить федералов за нос.

Харпер разорвал несколько конвертов и быстро пробежал глазами содержимое.

— На мой взгляд, они чересчур сообразительны, и это никак не вписывается в мою любимую теорию, что все преступники, по сути, — идиоты.

Подняв взгляд от письма, он задумчиво добавил:

— Если эту компанию можно назвать преступниками.

— А как еще их можно назвать?

— Угрозой. Крайне опасной угрозой. Подобной стае бешеных собак. Или компанией больных оспой, прячущихся от врачей. Но то, с чем мы имеем дело сейчас, намного хуже оспы.

Перечитав письмо, Харпер бросил его в корзину.

— Куда, вы сказали, уехал Норрис?

— Я ничего не говорил. Если вас это удовлетворит — он отправился в очередную поездку, от которой, скорее всего, не будет никакого толку.

— Что значит «в очередную»?

— Вчера, пока вас не было, — объяснил Рауш, — ребята задержали целых восемь предполагаемых Макдональдов. Это можно было бы назвать

верхом оперативности, если бы кто-нибудь из них и вправду оказался Макдональдом. Но — ничего подобного. Полчаса назад Норрис поехал взглянуть на девятого.

— Как он их проверяет?

— Достаточно просто. У него есть фотографии, отпечатки пальцев и прочее, на основании чего можно точно определить нужного нам человека. Пока такого не нашлось.

— Я бы многое отдал, чтобы узнать, каким образом Макдональду удается ускользать, — заметил Харпер, — Когда-нибудь это могло бы мне весьма пригодиться.

— В каком смысле? — уставился на него Рауш.

— Вдруг я решу присвоить деньги фирмы и сбежать? — Харпер рассмеялся фальшивым смехом. — Холя нет. Какой же я дурак! Если я сбегу с деньгами фирмы, я просто заберу свои собственные. Что еще раз доказывает — владелец фирмы не может причинить ей никакого вреда. Подумайте над этим.

— Я думаю, — подозрительно проговорил Рауш. — И я думаю, что вы меня дурачите. А еще мне кажется, что ваши шуточки не смешны.

— А я и не собирался шутить.

Харпер взял со стола еще несколько писем и

разорвал конверты.

— Случилось еще что-нибудь, о чем мне следовало бы знать?

— Вчера днем заходил ваш друг из полиции, Райли, и очень интересовался, куда вы делись.

— Вы ему объяснили?

— Каким образом? Мы сами этого не знали. А даже если бы и знали, ничего бы ему не сообщили — не положено.

— Он не говорил, зачем пришел?

— Нет. У меня создалось впечатление, будто он просто заглянул поболтать. Сказал, что зайдет сегодня еще раз. Покрутился туг немного, пытаясь клеиться к вашей секретарше, потом ушел.

Харпер бросил на стол письмо, которое держал в руке, и пристально посмотрел на Рауша.

— Что вы сказали насчет моей секретарши?

— Райли немного полюбезничал с ней, а после ушел.

— Никогда! Ни за что не поверю! Он не стал бы пытаться ухаживать за Мойрой, даже если бы она сама о том умоляла. Я над ним постоянно подшучиваю на эту тему. Он никого не любит, кроме собственной жены.

— Тем не менее, — сказал Рауш. — Возможно, что-то изменилось. Вы не можете этого знать, вы

же не спите с ним вместе.

— Разумно, — согласился Харпер, успокаиваясь. — Мойра должна прийти минут через десять. Я у нее спрошу.

— А зачем? Разве что вас настолько интересуют ее любовные похождения.

— Нас с ней связывает обоюдное влечение кденьгам, — сообщил Харпер. — Не более того.

— Дело ваше, — пожал плечами Рауш.

Он побродил по мастерской, с интересом наблюдая за процессом сборки микроманипулягоров, и вернулся, когда появилась Мойра.

Подождав, пока секретарша усядется за пишущую машинку, Харпер спросил:

— Что там у тебя с Райли?

Вопрос явно застал ее врасплох.

— Не понимаю, мистер Харпер.

— Мне сказали, будто этот носорог пытался с тобой заигрывать.

— О, ничего особенного. — Она слегка покраснела. — Он просто немного со мной поболтал, и я знаю — он не имел в виду ничего этакого.

— Но он никогда раньше так себя не вел, верно?

— Нет, мистер Харпер. Думаю, ему просто надо было чем-то себя занять, раз он вас не застал.

Харпер наклонился, внимательно глядя на нее, но не читая ее мысли.

— Он не пытался назначить тебе свидание?

В ее голосе прозвучало легкое негодование.

— Нет, конечно! Он предложил мне билет в театр. Сказал, это кто-то отдал ему этот билет, а сам он пойти не сможет, поэтому дарит мне.

— Ты взяла?

— Нет. Билет был на вчерашний вечер. У меня уже было назначено свидание, и я не могла пойти.

— Он был разочарован, когда ты отказалась от билета?

— Я не заметила.

Мойра перевела взгляд на Рауша, прислушивавшегося к беседе, потом — на Харпера.

— А в чем, собственно, дело?

— Да ничего особенного, красавица. Я пытаюсь понять, был ли Райли вчера днем пьян или трезв. Меня это очень интересует, поскольку я ни разу в жизни не слышал, чтобы Райли напился.

— Чтобы обратить на меня внимание, вовсе незачем напиваться, — многозначительно ответила Мойра.

— В точку, малышка! — одобрительно заметил Рауш.

— Не суйте свой нос в мои личные дела, — бросил Харпер, снова беря со стола письмо. — Не обращай внимания, Мойра. Займемся делом. Ответ клинике Вестера: «Запасные иглы из титанового сплава для модели номер четырнадцать доступны в комплектах из шести штук. Стоимость…»

Он закончил диктовать и давал указания работникам в мастерской, когда вернулся мрачный Норрис.

— Вы даже представить себе не можете, сколько людей могут быть внешне похожи на одного беглеца!

— Хотите сказать, опять поймали не того?

— Да. Торговца красками, достаточно похожего на Макдональда, чтобы оправдать задержание. К тому же торговец куда-то очень спешил, разозлился и попытался снести заграждение на дороге. Это-то его и погубило.

— Послушайте, — сказал Харпер, — Макдональд сбежал, нагруженный багажом, к тому же у него был как минимум час форы. Вы действительно считаете, что он до сих пор в городе?

— Нет, не считаю. Думаю, один шанс из ста, что это и вправду так. Мы не только не нашли его следов, но не нашли ни одного из Ридов, не на-

шли и их машины. Думаю, они каким-то образом проскользнули через кордон и теперь далеко в лесах. Но мы не отказываемся ни от одного, даже самого ничтожного шанса.

— Ладно. Тогда я скажу вам кое-что: если эти трое сбежали, они оставили здесь по крайней мере одного сообщника.

— Откуда вы знаете? — спросил Норрис.

— Вчера мы проехали мимо одного из них. Я пытался убедить шофера погнаться за ним, но шофер отказался остановиться. Он делал лишь то, что ему было приказано. Еще один пример того, как тупое послушание может разнести в пух и прах любую инициативу.

Норрису последнее замечание не понравилось, но он пропустил его мимо ушей, спросив:

— У вас есть предположения, кто это был?

— Никаких. Иначе я сказал бы вам об этом вчера вечером и сэкономил ваше время. Это мог быть кто угодно, абсолютно кто угодно. Кроме догадок, у меня ничего нет.

— И все же попробуйте. В последнее время вам крупно везло.

— Это совершенно дикое предположение, можно сказать, выстрел наугад, — почти извиняющимся тоном сказал Харпер. — Я не могу

избавиться от мысли, что самое безопасное место в мире для того, за кем охотятся, — город, где все охотятся за кем-то другим. Никто не обращает на него внимания, и он может чувствовать себя в безопасности — потому что сосредоточиться на чем-то одном можно, лишь игнорируя все остальное.

— Продолжайте, — заинтересованно кивнул Норрис.

— Таким образом, если присутствие здесь моей тушки делает этот город крайне привлекательным для врага и все в городе заняты поисками Макдональда…

— Давайте же, договаривайте!

— Уильям Гоулд может прекрасно себя здесь чувствовать. Кто станет его искать?

— Вся страна. И вы это знаете.

— Я не имею в виду всю страну. Я имею в виду лишь этот город. В отличие от остальной страны все здесь настолько увлечены Макдональдом, что Гоулд может прийти к вам домой и предложить посидеть с ребенком, и вы с благодарностью заплатите ему два доллара.

Харпер стучал пальцами по столу, пока до слушателей доходил смысл его слов, затем добавил:

— После чего этот ребенок никогда уже не будет

прежним.

— Верна ваша догадка или нет — не имеет никакого значения, — вмешался Рауш. — Гоулл точно так же в розыске, как и Макдональд. Вреда не будет, если мы напомним городу об этом факте.

— Не будет, — согласился Норрис. — Вот прямо сейчас этим и займись.

Норрис посмотрел вслед поспешно вышедшему Раушу, затем снова перевел взгляд на Харпера.

— И как вам приходят в голову подобные мысли?

— Наблюдатель видит большую часть игры. И, как я уже говорил, я сам побывал в роли добычи в отличие от вас. Порой большое подспорье — умение поставить себя на место другого. Вот почему первый и, возможно, лучший детектив в истории был бывшим преступником с длинным послужным списком.

— Кто это?

— Эжен Франсуа Видок.

— Постараюсь как-нибудь с ним встретиться, — пообещал Норрис. — Если к тому времени сам не окажусь в тюрьме, завершая свое образование.

— Вы никогда с ним не встретитесь. Он умер задолго до вашего рождения. Так или иначе, я…

Харпер замолчал, обнаружив нечто странное в

окружавшем его океане мыслей. Сосредоточившись, он прислушался.

Снова то же знакомое бессвязное бормотание.

Бла-бла-бла.

— Вы что-то сказали? — переспросил Норрис, не заметив его внезапного замешательства.

— Ничего особенного. Не обращайте внимания.

Пренебрежительно отмахнувшись, Харпер вернулся в кабинет и, сев в кресло, проверил, что пистолет находится наготове у него под мышкой.

— Мойра, — спокойно сказал он, — в мастерской лежит пакет для Шульца-Мастерса. Это срочно. Я бы хотел, чтобы ты немедленно отнесла его на почту. Проверь, чтобы его отправили дневной почтой. Назад можешь не торопиться, меня вполне устроит, если ты вернешься после обеда.

— А как же корреспонденция, мистер Харпер?

— Чтобы с ней разобраться, у тебя будет в запасе вся вторая половина дня. А сейчас отправляйся — я хочу иметь наготове ответ, если Шульц-Мастерс начнет орать на меня по телефону.

— Хорошо.

Она поправила шляпку, взяла сумочку и пошла в мастерскую за посылкой.

Подойдя к окну, Харпер смотрел, как Мойра быстро идет по улице в сторону, противоположную той, откуда приближалась опасность. Что ж, по крайней мере, это позволит ей избежать возможных неприятностей.

В десяти ярдах за Мойрой, быстро постукивающей каблучками, шагали два коренастых типа. Они знали, куда она направляется, поскольку установленный в кабинете микрофон сообщал обо всем Норрису или любому другому агенту. Но они не собирались выпускать ее из виду и не выпустили ни разу с тех пор, как была установлена ловушка. Харпера это вполне устраивало.

Он не стал открывать окно, как в тот раз, когда почувствовал приближение Амброза Баума. Оставив окно закрытым, Харпер стоял и наблюдал за происходящим на улице, напрягая до предела свои телепатические способности.

На этот раз он не собирался совершать ошибку, послав мысленный импульс и обратив врага в бегство, а в придачу сообщив противнику информацию, которую тот столь горячо желал узнать. На сей раз Харпер намеревался лишь слушать, ничем выдавая другому разуму, что тот для него открыт… Хотя для этого Харперу приходилось довольствоваться чтением мыслей венерианца,

вне зависимости оттого, насколько осмысленными были эти мысли.

Отойдя от окна, Харпер опустился в кресло, невидящим взглядом уставившись на стол Мойры и продолжая слушать и ждать. Ощущения были уникальными и весьма любопытными, несмотря на предыдущие краткие столкновения Харпера с этими существами.

Судя по медленному увеличению амплитуды отдаленных импульсов, приближавшийся двигался не спеша, вероятно, часто останавливаясь и делая вид, будто разглядывает витрины магазинов. В его мыслях не ощущалось страха или напряжения. Напротив, он хладнокровно оценивал возможные опасности и пытался их избежать.

Он не мыслил человеческими понятиями, потому его разум не походил на человеческий. С точки зрения мыслительных процессов враг был двуязычным. Странное бормотание являлось инопланетной звуковой дорожкой, синхронизированной с инопланетными мыслеформами — следствие выработавшейся за бесчисленные столетия привычки оперировать мысленными понятиями своих далеких носителей. Пребывание внутри человеческого мозга совершенно

этому не препятствовало. Любой мозг использует поступающие в него данные, а этот разум был вооружен знаниями, принадлежащими двум мирам и как минимум двум различным видам.

Хотя его внимание было направлено на другое, Харпер успевал размышлять и сам. Что, если этот мало-помалу приближающийся таинственный незнакомец — не кто иной, как Уильям Гоулд? Неужели он надеется, что может расправиться с Харпером и безнаказанно уйти?

Вряд ли его целью было убить Харпера, даже ценой собственной жизни, поскольку таким образом враг ничего бы не добился. Больше всего на свете венерианцы жаждали завладеть точной информацией о том, каким именно способом их можно опознать. Уничтожив же единственного человека, знавшего тайну, они навсегда остались бы в нынешнем гибельном неведении.

Единственной разумной тактикой было схватить Харпера и силой выведать у него правду. Стоило ему оказаться у них в руках, как дальнейшее оставалось делом техники — венерианцы просто завладели бы им, как завладели другими людьми, после чего смогли бы отыскать записанные у него в мозгу необходимые данные, которые отныне стали бы безраздельно принадлежать

им.

Ничто другое не могло дать ответ на вопрос, с чем им приходится сражаться. Ничто другое не могло помочь им противостоять такой же угрозе, исходящей из иных источников. Стало быть, приближающийся незнакомец в лучшем случае был разведчиком, который собирался испытать на прочность местную защиту, в худшем — похитителем, надеющимся бог знает как в одиночку сделать свое дело.

В последнем случае ситуация была куда серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Враг был далеко не глуп. Ни один из его посланников не попытался бы при данных обстоятельствах схватить Харпера, не имея хотя бы минимальных шансов на успех.

Поток мыслей чужака усилился, полный коротких непонятных сцен, напоминающих обрывочные образы некоего кошмарного пейзажа. Харпер на мгновение отвлекся, шаря вокруг в поисках других таких же разумов. Может, десять или двадцать венерианцев стекаются к нему со всех сторон в надежде подавить численным превосходством?

Но нет, больше никого ему обнаружить не удалось. К нему приближался только один, а если

в окрестностях и был еще кто-то, то находился вне пределов досягаемости Харпера. Если так — выбрали они такое расстояние чисто случайно или начали делать некоторые весьма проницательные выводы?

Харпер все еще напряженно сидел, не пытаясь проникнуть в разум незнакомца. Норриса предупреждать он не стал, хотя и собирался это сделать; на некоторое время Харпер решил взять инициативу в стой руки. Прежняя тактика не принесла плодов, кроме нескольких трупов и фотографии туманного шара, — поэтому, возможно, стоило внести в нее некоторые изменения. Харпера не волновал ни связанный с этим риск, ни цена, которую, возможно, придется заплатить, — причиной такого поведения было скорее нетерпение, чем смелость.

Чужой разум теперь двигался по тротуару прямо под окнами, но Харпер не стал вставать и подходить к окну, чтобы прежде времени не спугнуть врага. Если чужак пройдет дальше, мимо входной двери, Харпер выскочит на улицу и схватит его. Но если он войдет внутрь, Харпер останется на месте и встретит его лицом к лицу.

Чужак остановился у входной двери, и поток его мыслей мгновенно переключился на челове-

ческие понятия, словно на экране стереовизора вдруг подстроили резкость. Причины были понятны: пришелец вступил в контакт с двумя стоявшими на страже агентами и тотчас приспособился к новой ситуации — приспособился быстро и безукоризненно, как может сделать только существо, постоянно меняющее маски, поскольку никогда не имело собственного лица.

Именно тогда Харпер понял, кого ему ожидать. Об этом ему сообщили мысли агентов, обменявшихся с пришельцем несколькими фразами.

— Этот орангутанг на месте? Или опять ушел на охоту за прибылью?

— Греет задницей кресло в своем кабинете.

— Ничего, если я ввалюсь?

— Без проблем.

Харпер мрачно усмехнулся. Прочитав мысли агентов, впустивших врага, он переключил внимание на Норриса, сидевшего на скамейке в мастерской, и почти увидел его глазами направляющегося к двери кабинета чужака.

Затем тот вошел, и Харпер сказал как ни в чем не бывало:

— Привет, Райли. С чем пожаловал?

Осторожно усевшись на стул отсутствующей Мойры, Райли посмотрел на Харпера, невольно

выдав ему часть своих мыслей.

«Похоже, он каким-то таинственным образом распознает нас с первого взгляда. Все говорит об этом. Но сейчас он никак не реагирует. Странно. Что-то не так».

— Держу палец у тебя на пульсе, — вслух ответил Райли.

— Зачем?

— Тому, кто найдет убийцу Элдерсона, обещана награда в пять тысяч долларов. И капитан Ледсом об этом не забыл, несмотря на всю кутерьму вокруг трех парней, вины которых никто даже не знает. И я тоже ничего не забыл. Пять тысяч — куча денег.

— Надеешься в конце концов продать меня за эту сумму?

— Нет. Я не верю, что это сделал ты. Но мне кажется, ты знаешь куда больше, чем говоришь. И могу побиться о заклад, что, как только весь шум уляжется, ты сам займешься расследованием.

— И что с того?

— Тебе может потребоваться моя помощь. Или мне может потребоваться твоя. Мы вместе могли бы наложить лапы на тот мешок с золотом.

— Становишься торгашом на старости лет? Да еще и бабником в придачу?

— В каком смысле?

Осторожно направляя разговор в нужное русло, Харпер пояснил:

— Заигрываешь с Мойрой, пока меня нет.

— Чушь!

— Соблазняешь ее билетом в театр…

Этих слов оказалось достаточно.

Последовавшая в ответ мысль длилась не более двух или трех секунд, но была достаточно подробной, чтобы ясно представить картину. Ни о чем не подозревающая Мойра, наслаждающаяся спектаклем с семнадцатого места. Уильям Гоулд на восемнадцатом месте в том же ряду, притворяющийся, будто делает то же самое. Разговор в антракте, проводы до дома — после чего Мойра больше не человек.

Гоулд был достаточно молод и привлекателен, чтобы план мог сработать. Помешало лишь назначенное раньше свидание Мойры. Сопровождавший Мойру бдительный эскорт мог причинить определенные проблемы, если бы только Гоулд не сумел отвязаться от агентов, убедив девушку пригласить его к себе домой. Возможно, именно так он и собирался действовать. В мыслях Райли не оказалось никаких сведений об этом.

— Я не мог пойти сам, — сказал Райли. — Что же мне было делать с билетом? Съесть?

— Ты мог отдать его своей жене.

Возникшая в ответ очередная мысленная картина подтвердила то, что Харпер был вынужден нехотя признать еще раньше. Жена Райли больше не была его женой. Она превратилась в живую колонию туманных шариков, которые испытывали непреодолимое желание распространиться, но пол носителя их нисколько не интересовал. Косвенным образом это давало в руки еще один факт об особенностях врага, а именно — враг не мог завладеть человеком, вступив с ним в сексуальный контакт. Вирус не мог проникнуть или предпочитал не проникать в тело путем диффузии, его требовалось вводить непосредственно в кровеносную систему.

— Она не захотела идти одна, — сказал Райли, — А в чем, собственно, дело? Почему тебя так интересует, куда ходит Мойра и что она делает по вечерам?

И сразу же мысль: «Он явно что-то подозревает, раз так интересуется Мойрой. Непонятно, что именно? То ли он действительно все знает, то ли нет… Но, похоже, все-таки не знает».

— Судя по тому, что говорят федералы, мне

угрожает некая опасность, — ответил Харпер. — Если так, она угрожает и Мойре, просто потому, что девушка работает со мной и находится рядом. Я не хочу, чтобы она из-за меня пострадала.

Эти слова дали ожидаемый результат, успокоив чужой разум.

«Чем-то похоже на игру в шахматы, — подумал Харпер — Ход противника и ответный ход, заманивание в ловушку, поиск любого преимущества или бреши в защите, которые в конечном счете приведут к мату».

В следующее мгновение Райли проиллюстрировал данное сравнение, сделав опасный ход.

— В паз не возможно. Но я не Гоулд, Макдональд или Лэнгли. Я-то тут при чем?

Ничего другого не оставалось, кроме как принять вызов, смело двинув вперед свою шахматную фигуру.

— Я не про тебя лично, — сказал Харпер, пристально глядя на него. — Мне слегка не по себе, поскольку я не знаю, кто дал тебе этот билет.

Мысленный ответ последовал сразу же: «Гоулд».

— Какая разница? — уклонился от ответа Райли. — Откуда он мог знать, что я не воспользуюсь им сам, а предложу Мойре?

— Ладно, неважно, — устало отмахнулся Харпер. — Из-за этих гроих разыскиваемых я стал таким нервным, что готов сомневаться в собственной матери.

Слова его вновь пролились успокоительным бальзамом на чужой разум — лишь потому, что выглядели достаточно правдоподобно.

— Чем скорее их поймают, тем лучше для меня, — продолжал Харпер, забрасывая свежую наживку, — Взять, к примеру, Макдональда. Недавно он был где-то совсем рядом. Опытный полицейский вроде тебя наверняка сумел бы его найти.

Эврика! Последовавшая реакция была столь отчетливой, словно мысли были написаны на бумаге. Гоулд, Макдональд, Риды и еще двое неизвестных собрались в доме Райли, ожидая, когда туда придет Харпер — под любым предлогом, какой только сможет изобрести Райли.

Значит, вот какова истинная цель визита.

Райли пока не пытался заманить Харпера в ловушку, но наверняка собирался это сделать. Приди в мою обитель, сказал мухе паук.

И рано или поздно — как надеялись враги — Харпер зайдет к Райли в гости, в то время как агенты, тенью следующие за своим подопечным, вежливо останутся на улице. Харпер войдет в

дом, словно ягненок на бойню, и через некоторое время выйдет, внешне нисколько не изменившись. Потом агенты проводят его домой и оставят наедине со странными снами о далеком мире, где слепые жуки питаются частями тел собственных мертвецов; где на извивающихся корнях дрожат кактусы с ядовитыми шипами и где лишь немногие проворные существа обладают собственной душой.

Чуждый разум, управлявший телом Райли, оказался достаточно проницательным, чтобы попытаться заманить в ловушку охотника.

— С чего ты взял, что мне бы это удалось, если целый отряд агентов не сумел справиться?

Харперу пришлось реагировать быстро.

— Да потому, что ты местный. А они не из нашего города. У тебя есть источники информации, которые им недоступны. Ты знаешь здесь все входы и выходы — по крайней мере, должен узнать за столько-то лет.

Однако этого оказалось недостаточно.

— Тогда почему, вместо того чтобы нагрянуть сюда десятками, они не положились на полицию?

— Спроси меня о чем-нибудь другом, — пожал плечами Харпер. — Возможно, кто-то решил, что

чем больше народу этим займется, тем лучше.

— Но пока они ничего толком и не добились, верно? — спросил Райли, в голосе которого прозвучало нечто вроде сарказма.

Но это был не сарказм, а скрытая под его маской попытка навести на разговор о Баумах и о том, каким образом в них распознали тех, кем они стали.

Мысли Райли работали быстро, настойчиво подгоняемые слизью, которая ими управляла. Но как он ни пытался, он не мог найти удовлетворительного объяснения столь странному контрасту между своей собственной неуязвимостью и быстрой гибелью других ему подобных.

Пока у него имелась на этот счет лишь одна теория, которую никак нельзя было назвать удовлетворительной, а именно: грозные способности Харпера, вероятно, функционировали бессистемно и включались только при определенных условиях, в данный момент отсутствовавших. Но ни одна теория не могла объяснить, каким именно образом это происходило. Напротив, нынешняя ситуация только усложняла загадку. Что за природа может быть у способностей, позволяющих уверенно определить врага, но действующих лишь периодически?

В течение нескольких секунд, пока Райли размышлял нал этими вопросами, Харпер пытался найти ответы на свои. Сколько он сможет выудить из Райли, умело подталкивая беседу в нужном направлении и при этом не выдав себя? Как лучше сформулировать вопросы и замечания, которые помогут извлечь нужную информацию из чужого разума? Как выяснить, каким образом захватили самого Райли? Сколькими еще людьми завладели чужаки, их имена, места, где они скрываются, их планы и тому подобное?

— Да, — согласился Харпер. — Пока они ничего не добились.

Райли не желал уступать.

— Если не считать того, что прикончили парочку ребят по фамилии Баум. Мы получили стандартное сообщение от патрульного. Они погибли вовсе не в автокатастрофе, что бы ни утверждала официальная версия. А в результате той заварушки, в которую оказался замешан ты.

Харпер промолчал.

— Возможно, все это не мое дело, — продолжал Райли, придав голосу нужную степень убедительности, — но, если бы я знал, как и почему были убиты Баумы, это могло бы навести меня на след Макдональда.

— Каким образом? — спросил Харпер, гладя прямо на него, — Разве туг есть какая-то связь?

— Ты сам знаешь, что есть. Все это части одной и той же бредовой истории.

— С чего ты взял?

В чужом мозгу промелькнуло мгновенное замешательство, потому что ему пришлось взять под сомнение то, что раньше он считал непреложной истиной.

— А разве нет?

— Может, да, а может, нет, — с совершенно бесстрастным видом проговорил Харпер.

— Черт возьми, если ты не знаешь, что творится, кто же тогда знает?

Еще одна искусно расставленная ловушка, побуждение к уклончивому ответу, из которого можно было бы сделать немало выводов.

Харпер обошел ловушку стороной, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Все, что я могу тебе сказать, — стало известно, что у Баумов установились приятельские отношения с Макдональдом. Соответственно, возникла необходимость их допросить. Как только их заметили, они тут же бросились бежать сломя голову — а потом все покатилось одно за другим.

Харпер помолчал — и добавил, будто эта мысль

только что пришла ему в голову:

— Никак не могу понять. Их ведь не обвиняли ни в каком преступлении, почему же они попытались бежать?

Мысли в мозгу противника беспорядочно сменяли друг друга. Ему задали вопрос, ответ на который был для него жизненно важен. Но тот, кому положено было знать ответ, сам его искал.

«Почему они попытались бежать?»

Вопрос всплывал снова и снова, и каждый раз на него находился лишь один ответ: Баумы пытались бежать, поскольку их опознали и они поняли, что их опознали. Таким образом, способ идентификации чужаков должен был каким-то образом о себе заявлять. Человека, захваченного чуждым разумом, невозможно было прощупать так, чтобы тот ничего не заметил.

Однако сейчас данная гипотеза подвергалась реальной проверке, а Райли никто не опознал, никто не разоблачил, он не ощущал никакого контакта, никакого прикосновения — вообще ничего.

И что же из этого следовало?

«Предположим, двуногие этой планеты делятся на два типа, А и Б. Первый из них уязвим, поскольку может быть опознан неким методом,

суть которого еще предстоит выяснить. Джойс Уиттингэм относилась к этому типу, как и Баумы и, возможно, остальные. Но, по неизвестным причинам, тип Б невосприимчив к силе, которой обладает Харпер и, быть может, некоторые другие люди. Лишь благодаря удачному стечению обстоятельств тело по имени Райли оказалось принадлежащим ко второму типу».

Харпер слушал эти мысли, благодаря судьбу за то, что враг оставался в своей псевдочеловеческой роли, не переключившись на бормочущий инопланетный язык.

«Если данное предположение верно, — продолжал размышлять чужак, — то спасение совсем рядом. Мы должны узнать, какой именно критический фактор защищает тип Б и каким образом отличить один тип от другого. После того как мы это узнаем, надо будет завладевать только телами типа Б. С уязвимыми можно будет разобраться потом».

Мы! Множественное число! На мгновение Райли подумал о себе как о целой толпе!

Харперу стало не по себе от только что полученного напоминания о весьма неприятных фактах. Захватчик представлял собой многомиллионную орду. Каждый захват человеческого тела являлся

победой целого армейского корпуса в облике нескольких капель могущественной слизи, в которой каждый воин был… чем?

Крошечной сферой с размытыми очертаниями.

Туманным шариком.

Сторож брату моему!

Решив в полной мере воспользоваться представившейся возможностью, Харпер продолжал:

— Кто-то однажды сказал, что единственная разница между теми, кто сидит в тюрьме, и теми, кто остается на свободе, лишь в том, что вторых так и не удалось разоблачить. Возможно, совесть братьев Баум была не вполне чиста, и они ошибочно предположили, что об этом стало известно. Вот и бросились бежать, словно кролики.

— Возможно, — согласился Райли, продолжая размышлять: «Не сходится. У них не было никаких причин бежать, кроме осознания того, что их сущность раскрыли. Харпер знает, что они такое на самом деле, но отказывается это признавать. Впрочем, неудивительно. Он никогда никому ни слова не говорил о своих способностях. — И, после короткой паузы: — Но в данный момент эти способности у него отсутствуют. Почему? Нужно выяснить!»

— Так или иначе, что за смысл в пустой болтовне? — продолжал Харпер, ловко провоцируя собеседника. — От нашего разговора нет никакого толку, а мне нужно работать.

— Ты можешь дать мне какую-нибудь наводку на Макдональда?

— Нет. Ищи его сам. Тебе скажут огромное спасибо, если ты его поймаешь. К тому же он может навести на след Гоулда, которого разыскивают с не меньшим усердием.

— Гоулда? — Райли уставился на него, думая: «Они знают или подозревают, что он в этом городе?»

— И всех, с кем он общался за последние три месяца, — добавил Харпер, подливая масла в огонь.

Результат его разочаровал. В ответ он получил лишь мимолетные, фрагментарные образы двух десятков человек, по которым невозможно было определить, кто они, где живут и какую роль играют в этой войне за планету.

— Когда Гоулд и Макдональд окажутся за решеткой, — продолжал Харпер, — у нас, возможно, появится время на поиски убийц Элдерсона. И тогда мы можем попытаться получить те самые пять тысяч долларов.

Удар попал в цель. Упоминание об Элдерсоне

вызвало ожидаемую реакцию — фрагмент крайне живых воспоминаний. Макдональд держит Джойс Уитингэм, пока Гоулд вонзает иглу ей в руку. Джойс сопротивляется и кричит. Неожиданно прямо позади останавливается полицейская машина. Из нее выскакивает Эдцерсон и бежит к «тандербагу». Лэнгли достает пистолет и стреляет, прежде чем Элдерсон успевает вмешаться. Значит, убийца — Лэнгли.

Ха! Из этого можно было сделать новые, весьма существенные выводы. Все силы закона и правопорядка по всей стране, включая Райли, были подняты на ноги, чтобы схватить трех человек, а не двух. Но Райли совершенно не интересовался Лэнгли, он спрашивал только про Макдональда. Он совершенно спокойно отнесся к упоминанию о Гоулде. Любой нормальный человек поинтересовался бы третьим разыскиваемым — если только не знал, что того уже нет в живых. Знал ли об этом Райли? Если да, то откуда? Как это выяснить?

Харпер отважно затронул данную тему.

— Что касается Лэнгли, о нем можно больше не беспокоиться.

Райли ничего не ответил вслух, но мысленно произнес: «Конечно. С ним покончено».

— Кто тебе это сказал? — спросил Харпер.

— Что?

— Сказал про Лэнгли.

— Не понимаю, о чем ты. Никто мне про него не говорил.

— Я только что упомянул, что Лэнгли можно больше не искать, — напомнил Харпер. — Ты ничего не ответил, даже не удивился. Я решил, что ты давно обо всем знаешь, хотя не могу представить откуда.

— Ошибаешься, — возразил Райли, поспешно пытаясь скрыть свой промах. — Я впервые про это слышу. Никакие сведения до меня не доходили.

Но было уже поздно. Его мысли отставали на несколько секунд от мыслей Харпера, а язык вообще пришел к финишу последним. Несмотря на расстояние в сотни миль, Райли узнал о смерти Лэнгли в то же мгновение, когда того не стало. Он ощутил эту смерть так же ясно, как человек, который, глядя ночью через долину, видит внезапно гаснущий далекий огонек.

То была совершенно чуждая способность, не имевшая ничего общего с человеческими. Захваченный чужаками разум мог чувствовать других ему подобных и слепо следовать за ними, пока все они не собирались вместе. А если кого-нибудь из

них больше не удавалось ощутить — это значило чью-то смерть далеко за горизонтом. Просто сам факт смерти, без всяких подробностей.

Эта же способность позволяла воспринимать издаваемый другим мысленный зов о помощи. Она не имела никакого отношения к телепатам, то был просто некий пси-фактор, позволяющий Райли взглянуть вдаль, увидеть лучик жизни, исходящий от одного из его собратьев, увидеть, как лучик мигает, призывая на помощь, а потом гаснет. Не более того.

Возможно, крайняя форма инстинкта, на Земле называющегося стадным. Защитный механизм, развившийся на другой планете, где ради выживания клану иногда требовалось быстро собраться вместе, а одиночки погибали.

Таким образом, у венерианского вируса имелся естественный враг, постоянный противник, недостаточно сильный для того, чтобы полностью подчинить его себе и тем более уничтожить, но достаточно грозный, чтобы ограничить его распространение и поддерживать баланс конкурирующих форм жизни на далекой планете.

Кем мог быть этот враг? Каким-нибудь животным с крепким желудком, пожирающим могущественный вирус с жадностью лакающей

сливки кошки? Зверем, способным сожрать тело захваченного без вред а для себя? Или существом куда меньших размеров, которое, подобно ордам муравьев-воинов, уничтожало армии злодеев?

Подобные данные могли бы представлять немалую ценность, если бы удалось их заполучить. Но как? Как выманить их из враждебного и осторожного разума, не выдав при этом себя? Как можно расспрашивать венерианца о фауне и флоры Венеры, делая вид, будто считаешь его уроженцем Земли?

Информацию могла бы со временем собрать новая экспедиция — при условии, что ее не постигнет та же судьба, что и первую. Но если неотложные проблемы не будут решены здесь и сейчас, не будет и новой экспедиции — по крайней мере, состоящей из людей.

Сведения о противнике смертельного врага находились совсем рядом, по другую сторону стола, скрытые в чужом мозгу. Если бы только их удалось извлечь, ученые могли бы найти на Земле местный аналог этого врага, способный справиться с инопланетной угрозой. В перспективе такие сведения были куда ценнее, чем поимка всех пораженных чужим вирусом жертв. Они означали возможность устранить коренную при-

чину, вместо того чтобы бороться с симптомами.

Харпер отчаянно искал способ, как сделать крайне опасный ход — так, чтобы с виду он казался совершенно невинным. Райли вопросительно смотрел на Харпера, и его знакомый взгляд никак не выдавал того, что за ним скрывалось.

— Лэнгли и еще один человек попали в ловушку, — облизнув губы, сказал Харпер. — Они отстреливались, как безумцы. Взять их живыми было невозможно.

Райли поднял брови, изображая удивление.

— Все знали, что его разыскивают, но никому не говорили, за что именно. Судя по подобной реакции, причина была весьма серьезной. И какой тогда смысл во всей этой секретности?

— Не спрашивай меня. Политику государства определяю не я. — Харпер устало махнул рукой. — Сам знаешь, как любят всяческие тайны те, кто сидит наверху.

Райли что-то презрительно проворчал.

Настал критический момент. Нужно было действовать крайне аккуратно, словно в руках у Райли был динамит. Одна ошибка, и последует взрыв, который застанет врасплох Норриса и остальных. Слава богу, что Мойры здесь нет.

— Возможно, — продолжал Харпер, будто о чем-

то вспоминая, — у Лэнгли действительно было не все в порядке с головой. Если так, мне это не нравится. У каждого есть свои потаенные страхи, и у меня тоже.

— Например?

— Когда я был маленьким, я боялся больших черных собак. Сейчас, став взрослым, я испытываю крайнее отвращение к душевнобольным. Я боюсь сумасшедших.

Собравшись с духом, он сделал свой ход:

— А что больше всего пугает тебя?

Господи, получилось! Он увидел все столь отчетливо и живо… Вот он, страх, пожизненный ужас. Более того, Харпер был уверен, что понял его суть — не конкретную форму, но саму его жестокую природу. И источник этого страха находился здесь, на Земле, готовый к применению. Харперу пришлось крепко сжать губы, чтобы не закричать.

Райли встал и, нахмурившись, напряженно спросил:

— Почему ты спрашиваешь?

За этими словами последовали мысли: «Несколько минут назад он сказал, что от болтовни нет никакого толку, что он занят и что ему нужно работать. Однако продолжает поддерживать

беседу, постоянно задавая мне вопросы, и мне приходится выкручиваться, отвечая на его намеки. Тем не менее он, похоже, вполне доволен ответами, которые я старался ему не давать. Как такое может быть?»

Враждебный разум с нарастающей тревогой искал ответ. О телепатии он понятия не имел, поскольку в его естественной среде обитания ничего подобного не встречалось. Но когда проницательный мозг не в состоянии разрешить проблему на основании имеющихся данных и призывает на помощь свое воображение, возможно все.

В любой момент Райли мог осознать то, чего не осознавал раньше.

После чего должен был произойти взрыв.

Глава 12

Небрежно почесывая под мышкой, чтобы пальцы были поближе к пистолету, Харпер сказал:

— Не знаю, зачем я тебя спросил. Меня это нисколько не интересует. Если тебя так волнует эта тема, можешь считать мой вопрос пустой болтовней. Я и так слишком долго ею занимался, учитывая, сколько у меня еще работы. Убирайся и дай мне заняться делами.

Однако направить поток мыслей Райли в ином направлении не удалось.

«У него там оружие, — думал Райли. — Я много раз видел его с оружием. Он держит на нем руку, не в силах скрыть напряжения. Он бы так себя не вел, если бы ничего не знал. — И затем, после озадаченной паузы: — Я пришел к нему под видом старого знакомого. Но он готов поступить со мной так, как поступил бы с тем, чем я на самом деле являюсь».

Улыбнувшись, Харпер убрал руку и почесал голову. Это было ошибкой.

«Во имя Великого черного камня Карсима, он читает мои мысли!»

Стол опрокинулся с грохотом, от которого содрогнулся пол. Харпер нырнул головой вперед и схватил Райли за руку, которую тот сунул в карман, где лежало что-то маленькое, овальное и металлическое.

Громко ругаясь на неизвестном языке, Райли попытался свободной рукой оторвать от себя Харпера. Он был крепок и силен, его мощные лапы в свое время удержали не одного сопротивляющегося преступника. Вцепившись в Харпера изо всех сил, полицейский был застигнут врасплох, когда тот неожиданно поддался. Райли покачнулся, и Харпер отчаянно толкнул его вперед.

Они упали вместе, Харпер оказался сверху. Глаза Райли горели, лицо побагровело. Он пытался отпихнуть противника, не давая тому добраться до предмета у себя в кармане. Придавить Райли к полу было не легче, чем разъяренного тигра.

Громадный кулак обрушился на лицо Харпера, разбив губы. При виде крови лицо Райли исказилось, превратившись в жуткую маску, он удвоил усилия, пытаясь отшвырнуть противника, тяжело дыша, не сводя глаз с крови, стекающей по губам Харпера.

Отчаянно пытаясь держаться, Харпер получил удар коленом в живот, судорожно выдохнул,

сплюнул алыми каплями и прохрипел:

— Ничего не выйдет, ах ты…

Отпустив правое запястье Райли, он схватил его за горло обеими руками и надавил большими пальцами.

В этот миг в дверь ворвался Норрис с пистолетом в руке.

— Прекратите! — заорал он. — Прекратите, я сказал!

С чудовищной силой сбросив с себя Харпера, Райли хотел пнуть его в голову, но промахнулся. Вскочив, он яростно уставился на Норриса, не обращая внимания на пистолет, и потянулся к карману, но тут же растянулся во весь рост: Харпер, перекатившись, резко дернул Райли за ноги.

Снова сцепившись, оба покатились по полу, размахивая ногами. Высокий шкаф содрогнулся от толчка, наклонился и опрокинулся, засыпав кабинет множеством бумаг. Телефон свалился со стола, к нему добавились две бутылки чернил и одна с клеем. Посреди образовавшегося хаоса продолжали яростно драться двое.

Сжав губы, Норрис шагнул вперед с явным намерением прекратить драку. Появились Рауш и еще двое агентов. Вчетвером они отшвырнули Харпера в сторону и, поставив Райли на ноги,

крепко в него вцепились.

Яростно ругаясь, Райли изобразил на лице приличествующее случаю негодование и возмущенно заявил:

— Похоже, он окончательно свихнулся. Напал на меня без предупреждения и без каких-либо причин. У него явно не все дома.

Сказано это было столь естественным тоном, что Норрис на мгновение подумал, не случилось ли и вправду что-то с Харпером прямо у них под носом, несмотря на все предосторожности.

— Поищите у него в кармане и увидите, — предложил Харпер, сидя на краю опрокинутого стола и промокая разбитые губы носовым платком.

Норрис полез в карман Райли, вытащил оттуда гранату и внимательно рассмотрел.

— Армейская модель, такая же, какая была у Баума.

Он пристально посмотрел на Райли.

— Интересно, как она оказалась у офицера полиции?

— Он больше не офицер полиции, — сказал Харпер. — И он больше не Райли. Отправьте его в Лабораторию биологических исследований. Он им сейчас очень нужен.

Эти слова вызвали у пленника внезапный

приступ ярости. Его держали за руки, но ноги его были свободны. Пнув Норриса в живот, он вырвался и попытался выхватить у него гранату. Норрис согнулся пополам, но гранату не выпустил. Райли набросился на него, бессвязно бормоча и исходя пеной. Он издавал странные хныкающие звуки, черты его лица исказились до неузнаваемости.

Один из агентов ударил его дубинкой. Райли пошатнулся, руки его безвольно повисли. Агент нанес еще один безжалостный удар. Райли обмяк, словно пустой мешок. Он лежал с закрытыми глазами, сжав губы, с которых срывалось странное бульканье.

— Не люблю тех, кто бьет в живот, — сказал агент.

Норрис с трудом выпрямился, лицо его побелело. Он протянул агенту гранату.

— Уберите ее куда-нибудь, где она не сможет причинить вреда.

— То же самое касается ее владельца, — напомнил Харпер. — Свяжите его, чтобы он не смог задушить себя собственноручно, и отправьте в Биолабораторию.

— Он?..

— Да. И это моя вина. Он побывал здесь, и это

стоило ему его души.

— Я думал, вы можете почуять их приближение, — недовольно сказал Норрис. — Какой смысл охранять вас в радиусе полумили, если они могут запросто войти и…

— Я знал, что он сюда идет.

— Тогда почему не сказали? Я слушал ваш разговор, и мне он показался явно подозрительным. Вы зачем-то пытались его провоцировать. Но поскольку вы не поднимали тревоги, мы…

— Послушайте, — твердо заявил Харпер, — сейчас не время объясняться и выяснять причины случившегося. Отправьте его к доктору Лимингу в Биолабораторию, как можно скорее. И не давайте ему ни малейшего шанса покончить с собой по дороге. Я вас прямо предупреждаю — если он не сумеет сбежать, он убьет себя любыми доступными средствами. Его нужно доставить живым и невредимым.

— Хорошо.

Норрис кивнул остальным. Те подняли Райли, который все еще был без сознания, скованный наручниками по рукам и ногам, и унесли.

В очередной раз промокнув губы, Харпер уныло уставился на руины своего кабинета, пытаясь оправиться от физического и душевного потря-

сения. Безумные обстоятельства вывернули наизнанку старый закон, сделав непреложным обратное: «Нет больше той любви, аще кто положит души друзей своих за себя»{2}.

Ужасно, ужасно!

Вошла Мойра со словами:

— Я забыла все свои деньги, поэтому не смогла…

Она остановилась, широко распахнула глаза и судорожно вздохнула.

— Ради всего святого, мистер Харпер, что случилось?

— Я слишком сильно чихнул.

Перевернув стол и поставив кресло на ножки, он сел и погрузился в размышления, пока Мойра собирала с пола бумаги. Неожиданно Харпер хлопнул себя рукой полбу и воскликнул:

— Чем старше я становлюсь, тем делаюсь глупее!

Он выскочил на улицу. Мойра стояла на коленях посреди кабинета, уставившись ему вслед.

На тротуаре стояли Норрис и Рауш, сунув руки в карманы и глядя вслед двум быстро удаляющимся полицейским автомобилям.

{2} Комментарии: 2

Перефразированное: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою задруги своя» (Евангелие от Иоанна, 15, 13).

— Его увезли, — сообщил Норрис. — Передадут Лимингу с рук на руки.

С некоторым сомнением он добавил:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете. Если мы и на этот раз ошиблись, проблем не оберешься.

— Вы еще не имели дела даже с половиной проблем, — поспешно сказал Харпер. — У него дома скрывается целая компания таких же. Более того, у меня есть все основания считать: они поняли, что Райли схватили, как только его оглушили дубинкой. Десять шансов к одному, что они намерены бежать. Вам придется действовать очень быстро, чтобы задержать их.

— Мы не можем прыгнуть выше головы, — с безразличным видом ответил Норрис, не двигаясь с места.

— Там Макдональд и еще несколько, — настаивал Харпер. Он раздраженно посмотрел на Норриса. — Так вы собираетесь что-нибудь сделать или я должен заняться этим сам?

— Спокойнее, — с легкой улыбкой посоветовал Норрис. — Мы прекрасно знаем, где живет Райли. За ним время от времени следили.

— И что?

— Когда его забрали, следующим логичным шагом стала облава у него дома. Туда отправились

двадцать человек на пяти машинах. Они схватят любого, до кого сумеют добраться. Потом, если потребуется, мы прибегнем к вашим услугам, чтобы узнать, кто есть кто.

— Значит, вы меня опередили?

— Порой бывает и такое, — снова улыбнулся Норрис. — Не можете же вы всегда и везде быть первым. Никто на такое не способен, будь он хоть семи пядей во лбу.

— Спасибо за напоминание. Пошлите кого-нибудь, пусть поищет вокруг мусорных баков немного пепла, ладно? Хочу посыпать им голову.

Харпер вернулся в контору. Мойра уже успела навести некое подобие порядка. Убрав в шкаф последние разбросанные бумаги, она с грохотом захлопнула дверцу и посмотрела на Харпера, словно многострадальная мать на безответственного ребенка. Впрочем, его это нисколько не уязвило.

— Спасибо, ангел мой. Иди пообедай.

Подождав, пока она уйдет, Харпер снял трубку телефона и позвонил по межгороду Лимингу.

— К вам сейчас везут живой экземпляр, и, если повезет, скоро будет еще несколько. Только не говорите мне, что вы собираетесь сделать с первым. Не хочу этого знать.

— Почему? — полюбопытствовал Лиминг. — Это кто-то из ваших близких?

— Да. Большой неуклюжий добродушный полицейский, которого я знал много лет. Мне страшно подумать о том, что вы будете его резать.

— Его никто не будет резать. Все, что нам было нужно, мы уже проделали на трупах. Живые жертвы будут использованы в качестве подопытных для испытаний возможной вакцины.

— Каков шанс, что удастся создать подходящее лекарство? — спросил Харпер.

— Есть другая, куда более серьезная проблема, — ответил Лиминг. — А именно — сумеем ли мы найти лекарство вовремя. Мы можем добиться успеха и вместе с тем потерпеть неудачу, если успех придет слишком поздно.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— На данном этапе я не готов брать на себя какие-либо обязательства. Мы не единственные, кто этим занимается. В подобной критической ситуации правительство обращается ко всем, кто может оказать помощь, включая частные лаборатории. Кому-то другому может повезти больше, и он найдет решение раньше нас. Все, что мы можем, — работать не щадя сил и молиться.

— Если действенную вакцину удастся создать,

она будет безопасной? — продолжал расспрашивать Харпер.

— В каком смысле?

— Не окажется ли лекарство немногим лучше, чем болезнь?

— К чему, черт побери, вы клоните?

— Я хочу вам кое-что сказать, — поколебавшись, продолжал Харпер. — Этот вирус не в состоянии самостоятельно мыслить, точно так же, как вы не в состоянии управлять несуществующим автомобилем. Но он может мыслить, когда в его распоряжении есть чей-то мозг. И я знаю, о чем он, в числе прочего, думает. Он смертельно боится менингококка.

— Что? — ошеломленно воскликнул Лиминг.

— Я сообщаю вам совершенно реальный факт. У этого внеземного кошмара есть собственный кошмар. Ни одно живое существо не может одновременно быть им заражено и болеть спинномозговым менингитом. Что-то должно уступить, и уступает именно вирус.

— Откуда вы об этом узнали?

— От одной из жертв. Той самой, которую сейчас везут к вам.

— Каким образом?

— Он сообщил мне об этом, сам того не сознавая.

Он назвал источник своего навязчивого страха, а теперь я говорю об этом вам.

Лиминг глубоко вздохнул, глаза его возбужденно вспыхнули.

— Вполне возможно. В самом деле, может быть и так. Область местной инфекции одна и та же. Головной и спинной мозг. Вы ведь понимаете, что это значит — борьба за жизненное пространство.

— Предположим, вы введете кому-то менингококк, — продолжал Харпер, — и человека можно будет считать излечившимся от чужеродной болезни. Но как он отреагирует на само лекарство?

— Это нам еще предстоит выяснить, — с мрачной решимостью сказал Лиминг.

— Что ж, у меня нет иного выбора, кроме как предоставить разбираться вам. Все, о чем я прошу: помните, что ваш первый подопытный — мой друг.

Положив трубку, Харпер некоторое время сидел за столом, сгибая и разгибая пальцы, потом уронил голову на руки, пробормотав:

— Не кто иной, как Райли и его жена. Бедняги!

Во еторой половине дня Норрис вызвал Харпера из кабинета так, чтобы не слышала Мойра.

— Арестовали миссис Райли, миссис Рид и двоих мужчин по фамилии Фарли и Мур. Как

выяснилось, женщины — родные сестры. Фарли и Мур были друзьями Ридов. У Мура имелись близкие деловые контакты с братьями Баум. Ясно прослеживается связь и то, каким образом зараза передавалась от одного к другому.

— Они сопротивлялись?

— Еще как! Когда наши ребята ворвались в дом, там никого не оказалось и входная дверь была открыта. Крысы бросились бежать, но скрыться из виду не успели. Миссис Райли, Фарли и Мура задержали на улице в полумиле оттуда. Потребовалось по трое на каждого, чтобы их скрутить.

— А что с остальными? — спросил Харпер.

— Миссис Рид задержали в магазине, где она пыталась смешаться с толпой. Она дралась, как дикая кошка. Сам Рид предпочел броситься с крыши, чтобы не попасть в руки полиции. Макдональда обнаружили на парковке, где тот пытался угнать машину. Он был вооружен и отстреливался до конца.

— Он мертв?

— Да. Как и Лэнгли, по той же самой причине. Взять его живым оказалось невозможно.

— А что насчет Гоудда?

Норрис сделал шаг назад.

— В каком смысле — насчет Гоулда?

— Он тоже был там, в доме Райли.

— Вы уверены?

— Уверен.

Норрис не стал возражать, лишь сказал:

— Его и след простыл. Но его обязательно найдут.

Немного подумав, он добавил:

— Сейчас мы отслеживаем всех, кто общался с этой компанией, и арестовываем, как только удается их найти. Таких могут оказаться сотни. Любой, кто оказывался в радиусе ярда от них, может быть задержан для допроса. Так что будьте готовы на них взглянуть, когда мы выстроим их перед вами в ряд.

— Ладно.

— На это могут уйти недели, возможно, месяцы.

— Придется пострадать.

Харпер задумчиво посмотрел на него.

— Вы говорите, в доме Райли было пусто, когда туда прибыли ваши люди?

— Да.

— Кто предупредил их о том, что нужно срочно уходить?

— Никто, — сказал Норрис. — Когда Райли не вернулся вовремя, они встревожились и сбе-

жали.

— Я более чем уверен, — заявил Харпер, — что их предупредили.

— Кто?

— Сам Райли, невольно. Он потерял сознание, и для них этого оказалось достаточно. Они сбежали в тот самый миг, когда один из ваших парней стукнул Райли дубинкой по голове. Они поняли, что его схватили.

— Не понимаю, каким образом, — возразил Норрис.

— Не имеет значения. Я просто говорю вам, что каждый из них сразу же узнает, когда другого выводят из строя.

— В любом случае, что с того?

— В Биолаборатории держат зараженную собаку. У меня такое чувство, что рано или поздно животное сумеет позвать на помощь. Это всего лишь предположение, не более того. Как насчет того, чтобы убедить Джеймсона поставить там охрану?

— Там уже есть охрана. Вы прекрасно знаете, раз сами там были.

— Военная охрана. Она не готова к проблемам такого рода.

— Здесь опознанием врага занимаетесь вы,

— сказал Норрис. — Кто будет заниматься этим там?

— Я.

— На таком расстоянии?

— Я отправлюсь туда. Я постоянно нахожусь в центре внимания врага, где бы я ни был. Та собака для них — точка притяжения, как и каждая живая жертва, находящаяся в наших руках.

Стоит собрать все жертвы вместе, и враг, движимый стремлением спасти своих, обуреваемый местью и желанием остаться неузнанным, неминуемо устремится в это место всем скопом, сделав ставку на совместные усилия. Для нас это единственный шанс покончить с противником одним ударом.

— Я свяжусь с Джеймсоном и попрошу его поговорить с генералом Конуэем, — сказал Норрис — План действительно стоит того, чтобы над ним подумать.

— Заодно можете сказать Джеймсону, что я туда уже еду, независимо от того, что он решит.

— Вы не можете так поступить.

— Могу. Только попытайтесь мне запретить и сами увидите, что получится, — усмехнулся Харпер. — Я свободный человек и намерен оставаться таковым без любезного разрешения Конуэя или

кого-нибудь еще.

— Но мы с Раушем должны быть рядом с вами, — возразил Норрис. — И наша задача — стеречь здешнюю ловушку, которая работает; посмотрите только на сегодняшнюю добычу.

— Приманка перемешается к крысиной тропе получше и покрупнее, — ответил Харпер, — Хотите поехать со мной — дело ваше.

Вернувшись в кабинет, он нашел свой портфель, проверил его содержимое и сказал Мойре:

— Остаешься за старшую. Отправляй продукцию заказчикам, извинись перед ними за мое отсутствие и клади прибыль в банк. Папа отправляется в новое путешествие.

Норрис и Рауш погрузились в машину Харпера, когда тот уже собирался тронуться с места.

— Мы будем сидеть у вас на хвосте, что бы вы ни делали, — заявил Рауш. — Ваш завод остается под охраной. Но если туда явится кто-то из тех, предупредить нас будет некому.

— То же касается и Биолаборатории, которая теперь для них куда более соблазнительная цель.

Харпер вырулил на середину улицы.

— А я не могу находиться в двух местах одновременно.

Следом за ним ехала еще одна машина с аген-

тами. Проезжая через город, Харпер мысленным взором обшаривал окрестности. Он решил, что на этот раз не упустит даже самый слабый отзвук чуждой мысли. Теперь он сам сидел за рулем и сам отправится за чужаком в погоню.

Но ничего не было слышно. Они выехали за город, так и не ввязавшись в лихорадочное преследование одиночки, маскирующегося в толпе под человека. Это вовсе не значило, что Гоулд или его сообщники сбежали из города; это значило лишь, что они прячутся где-то вне радиуса действия телепатических способностей Харпера.

Спустя час после наступления темноты машина свернула к окруженному забором и тщательно охраняемому месту своего назначения. Норрис немедленно позвонил Джеймсону и коротко доложил ему о последних событиях. Некоторое время спустя Джеймсон перезвонил.

— Вы своего добились, — сообщил Харперу Норрис. — Конуэй распорядился принять особые меры для охраны Биолаборатории.

— Если только я не ошибся в своих расчетах, они нам понадобятся.

Они действительно понадобились.

Атака последовала четыре дня спустя, когда стало уже казаться, будто ничего не произойдет.

И организована она была так, как могли организовать атаку только управляемые чужой волей умы, располагающие информацией двух миров и пытающиеся объединить тактику обоих. План представлял собой компромисс между тайным проникновением и прямым штурмом.

Около полудня к воротам, преграждавшим главный вход, подъехал большой, официального вида автомобиль. Водитель был одет в форму сержанта военной полиции, его единственным пассажиром был седой властный человеке форме четырехзвездного генерала. Сержант показал часовому внушительный пропуск с подписью и печатью, украшенный большим гербом. Часовой не спеша взглянул на него, даже не пытаясь открыть ворота. Он почувствовал запах эвкалипта.

— Быстрее! — властно поторопил сержант под суровым взглядом генерала.

Часовой медлил, хотя и слегка нервничал из-за присутствия высокопоставленного командира. За последние несколько дней его хорошо обучили, и он понимал, что ворота должны оставаться закрытыми даже для самого Господа Бога, если только в находящейся рядом будке не раздастся звонок, разрешающий войти.

Звонок не раздался. Наблюдавший за ними из

будки за забором агент нажал кнопку. Сигнал в здании, находившемся в четверти мили от ворот, привлек внимание Харпера. Прекратив разговор с Раушем, он прислушался и нажал еще на одну кнопку. Из будки послышался пронзительный писк, и над главным зданием взвыла сирена тревоги.

Вздрогнув, часовой выронил пропуск и направил пистолет на сержанта. Из будки выскочили четверо агентов с оружием в руках. Еще десяток появились на дороге позади машины.

И снова захваченные внеземным вирусом продемонстрировали свое нечеловеческое презрение к пулям и смерти. С бесстрастным лицом сержант бросил машину вперед. Часовой выстрелил за две секунды до того, как капот ударил его в грудь. Машина врезалась в самую середину ворот и взорвалась.

Ворота, будка, машина, оба сидевшие в ней, часовой и шестеро агентов были разнесены в клочья. Еще четверо агентов лежали мертвые. Шестеро стонали возле забора, раненые, ножи-вые.

По дороге промчались два тяжело нагруженных автомобиля и устремились в пролом. Раненые агенты стреляли в них, но безрезультатно.

Ни одна из машин не смогла преодолеть за разрушенными воротами и двадцати ярдов, несмотря на свою бешеную скорость. Тревога была поднята слишком быстро, и к такому повороту событий все заранее приготовились.

Ехавшей впереди машине преградил дорогу восьмитонный танк, изрыгающий огонь из трех амбразур; он обстреливал цель со скоростью две тысячи пуль в минуту. Машину занесло на траве, она перевернулась, разбрасывая вокруг осколки стекла, куски металла и брызги крови. Внутри никто не шевелился.

Машина, следовавшая за ней, остановилась сразу за забором, из нее выскочили восемь человек, которые рассыпались веером и побежали, стараясь не попасть под обстрел. Не обращая на них внимания, танк деловито расплющил их автомобиль.

Чуть дальше послышалось громкое шипение, и перед бегущей восьмеркой поднялось облако густого тумана. Это их не остановило — они продолжали бежать, пока еще через двадцать ярдов один за другим не упали без чувств.

Двое выронили гранаты, которые сжимали в руках, когда ядовитый туман лишил их сознания. Сработали детонаторы, последовали два корот-

ких взрыва. В воздух полетели комья земли и клочья плоти.

Пока люди в масках уносили оставшихся шестерых, танк, тарахтя гусеницами, проехал вперед и перекрыл собой ворота. По другую сторону территории слышались выстрелы и крики — шесть человек застрелили двух патрулировавших периметр часовых, перелезли через забор и угодили в ловушку. Безрассудная тактика, полагавшаяся на успех отвлекающего маневра у ворот.

Спустя пять минут после того, как сражение закончилось, конвой из бронированных автомобилей отправился объезжать окрестности в радиусе пятидесяти миль. Харпер сидел в первом из автомобилей. Спустя два часа он уловил единственный след.

— Туда! — сказал он, показывая на заброшенную ферму.

Итогом облавы стали три трупа и два тяжелораненых пленника.

К рассвету поиски завершились, но никого больше так и не нашли. Харпер вернулся с покрасневшими глазами, растрепанными волосами, сытый всем этим по горло.

— Гоулд был в той, первой машине, — сообщил Норрис.

— Мертв?

— Все мертвы, все девять. Танк хорошо постарался.

Агент пожал плечами.

— Теперь наша задача — выяснить личности всех, включая тех, кого разорвало на куски. Затем мы должны найти всех, с кем они общались, и доставить к вам для проверки. Похоже, мне придется заниматься этим до скончания лет.

В комнату вошел Лиминг, бледный и усталый от недосыпания.

— Я хотел бы, чтобы вы пошли взглянуть, — обратился он к Харперу.

Проведя Харпера подлинным коридорам, где на каждом углу стоял вооруженный часовой, Лиминг подошел к ряду забранных толстой решеткой камер и показал на одну из них.

— Что скажете? — с тревогой в голосе спросил он.

Харпер заглянул внутрь. Там, на краю койки, тупо глядя перед собой, сидел Райли в одних трусах и носках. Взгляд его был тусклым, на мясистом лице застыло по-детски удивленное выражение.

— Ну? — поторопил Лиминг. — Вирус побежден?

— Да, — без особой радости ответил Харпер.

— Вы можете с уверенностью сказать, что в его организме вируса больше нет?

— Да.

Поколебавшись, Лиминг мрачно проговорил:

— Я ввел ему то, чего, по вашим словам, он больше всего боялся. Мы должны были попытаться, у нас не было времени ждать, когда будет готова вакцина. Безопасность человечества важнее жизни индивидуума. Я пригласил Готлиба и Матерса с Базы бактериологического оружия, и мы попробовали.

Харпер промолчал.

— Это действительно оказалось лекарством, — продолжил Лиминг. — Физически оно не вызывает побочных эффектов. С этой точки зрения у него нет никаких симптомов менингита. И все же ему пришлось заплатить некоторую цену. Я это знаю, но мне нужно ваше подтверждение.

Он посмотрел на Харпера, словно надеясь на один шанс из тысячи, что окажется неправ.

— Какова эта цена?

— Безумие, — сказал Харпер.

— Мне жаль это слышать.

Лиминг немного помолчал, ощущая горький вкус победы, затем со слабой надеждой проговорил:

— В соседней камере — еще один. По фамилии Мур.

Харпер подошел к решетке.

— То же самое, — заявил он.

А потом внутри у него словно что-то взорвалось, и он рявкнул:

— Им лучше было бы умереть! Слышите? Их мозги превратились в кашу, от их разума ничего не осталось, им лучше было бы умереть!

— Их и так можно считать мертвыми, — ответил Лиминг, словно защищаясь, — Они уже были мертвы, когда их ко мне доставили. Я не могу восстановить потерянную человеческую душу, не могу ее вернуть. У науки есть свои пределы. Когда же она научится творить такое, она перестанет быть наукой. Самое большее, что мы можем сделать — защитить общество, уничтожив источник инфекции. И это нам удалось.

— Знаю, знаю. Не думайте, будто я в чем-то обвиняю вас или кого-то другого. — Харпер успокаивающе похлопал Лиминга по плечу. — И не вините себя. Это просто моя нелогичная привычка — сожалеть о самых отвратительных жизненных фактах, даже если они непреложны.

— Все, что можно будет сделать, — будет сделано, — заверил Лиминг, слегка приободрившись.

— Мы введем всем такую же вакцину — по крайней мере, это быстро и надежно. Потом ими займутся лучшие специалисты по душевным болезням. Это уже не моя область, но я бы не стал говорить, что им невозможно помочь. Возможно, другим врачам удастся вернуть их к нормальной жизни.

— Никогда, — уверенно заявил Харпер. — Поле боя у лаборатории — бесплодная земля, изрытая воронками, усыпанная обломками и пропахшая запахом разложения. Точно так же выглядят их мозги.

Он ушел, нервно ломая пальцы. Война за планету была выиграна — как обычно, благодаря тому, что некоторые пожертвовали собой ради многих. Некоторые — лучшие представители человечества. Так всегда было и так всегда будет.

Прошло еще два года, прежде чем стихли последние отголоски сражения. Это случилось, когда Харпера вызвали, чтобы дать заключение о небольшой группе напуганных людей, найденных наконец в самых отдаленных местах. Они были последними из общавшихся с зараженными. Как оказалось, от внеземного вируса никто из этих людей не пострадал.

За долгое время Харпер проверил восемь с

лишним тысяч подозреваемых, многих из которых доставили из-за океана при содействии предупрежденных и бдительных правительств других стран. В первую неделю он обнаружил четырех мужчин, которые уже не были людьми, а во вторую неделю — одну такую женщину. После не нашлось ни одного чужака. Мир очистился от инопланетной заразы.

Пропавший космический корабль был найден на глубине в шестьсот футов на дне залива Пьюджет-Саунд, и его до сих пор по частям постепенно поднимали на поверхность. Ученые занимались разработкой надежных средств зашиты для второй венерианской экспедиции и искали эффективное оружие, с помощью которого можно было бы освободить вендов, подвижных лемуроподобных смышленых созданий, которые умели говорить.

«Вар сильвин, венд?»

Лунная строительная компания выиграла процесс, и власть имущие на законных основаниях получили по рукам. Награда в пять тысяч долларов положила начало фонду в помощь семьям астронавтов, и общая сумма уже превысила миллион. С точки зрения Харпера, на данный момент это были два самых приятных события.

Но никто больше не распахивал могучей рукой его дверь, никто не сбрасывал с его стола бумаги, чтобы усесться на столешницу, никто не отнимал у него время для обмена оскорблениями. Райли был далеко, в большом сельском доме, где помогал ухаживать за садом, выполнял мелкие поручения, улыбался чирикающим воробьям. Когда приходило время сна, его укладывали в постель. Как и остальные ему подобные, он стал большим ребенком и никогда уже не мог сделаться другим. Никогда, никогда, никогда.

Что касается самого Харпера, последствия всей этой истории должны были остаться с ним навечно. Не только в воспоминаниях, но и в повседневной жизни.

Он расширил свой бизнес, занявшись производством вспомогательной продукции. На его заводе теперь работали сорок человек. Один из них, Вайсс, был не только опытным инженером, но и тайным правительственным агентом — глазами Конуэя. Можно было, конечно, уволить этого человека, ослепив таким образом Конуэя, — но тогда к Харперу приставили бы кого-нибудь другого. И избежать этого не было ни малейшей возможности.

Его почту просматривали. Много раз Харпер

подозревал, что его телефон прослушивается. Каждый раз, когда он отправлялся куда-нибудь на машине или в самолете, кто-то неотступно следовал за ним. Раз в месяц звонили Норрис или Рауш и заводили разговор о пустяках с целью дать понять, что память у властей долгая и они ничего не прощают.

Им требовалось постоянное доказательство того, что Харпер останется единственным телепатом до конца своих дней, или же, напротив, свидетельство того, что рыбак рыбака начинает видеть издалека. Одного Харпера было вполне достаточно. Двое были бы уже опасны. Десяток телепатов могли бы вызвать немалый кризис.

Несмотря на го что дела у Харпера шли все лучше, он был раздражен, разочарован и отчаянно одинок. Он испытывал обжигающее душу одиночество редкого зверя в зоопарке, которого постоянно разглядывают сотни любопытных. Порой Харперу казалось, что его бы с удовольствием пристрелили и набили из него чучело, если бы не теоретическая возможность повторения недавних событий. Он мог снова понадобиться властям.

Да, его боялись, но куда больше боялись другого.

Из этой ситуации не было иного выхода, кроме как с головой уйти в работу, сосредоточиться на деле, выбросив из головы все остальное, — чем Харпер и занимался, по мере сил. Завод вырос, микроманипуляторы стали лишь малой частью его продукции. Харперу была уготована судьба богатого человека, запертого в тюрьме размером с весь мир.

Прошло еще тридцать месяцев — всего четыре с половиной года. А потом случилось чудо. В это невозможно было поверить, но так оно и было.

Харпер собирался вывести машину с парковки, как вдруг ощутил быстро промелькнувшую чужую мысль. Ему показалось, будто его ударили по голове. Направление и расстояние определились автоматически — примерно четыре мили к югу. Расстояние, намного превышавшее его обычный радиус восприятия.

Чувствуя, как вспотела лежащая на ручке дверцы ладонь, Харпер стоял и вслушивался, ища источник мыслей… И нашел его. Источник не был внеземным — так показалось лишь из-за того, что он был новым и странным, никогда не встречавшимся прежде. Он был мощным и чистым, отличавшимся от других мысленных потоков, как шампанское отличается от воды.

Харпер послал мысленный импульс и туг же получил ответ, в котором чувствовалось такое же потрясение, какое испытывал он сам. Он сел в машину, чувствуя, как дрожат руки. Мысли возбужденно бурлили в голове, под ложечкой слегка посасывало. Некоторое время он сидел, глядя сквозь ветровое стекло, словно погрузившись в мечты. Наконец поехал в большой ресторан и заказал обед.

Она сидела в одиночестве за столиком в противоположном конце зала. Рыжеватая блондинка, невысокая, пухленькая, лет тридцати с небольшим. Лицо в симпатичных веснушках, носик слегка вздернут. Девушка ни разу не взглянула в его сторону — и Харпер, уходя, не обратил на нее никакого внимания.

После этого они часто встречались, ни разу не приближаясь друг к другу и не обмениваясь ни единым словом. Иногда он обедал в одном месте, а она пила кофе в другом, на расстоянии в полмили. Порой он о чем-то рассеянно думал у себя в кабинете, а она погружалась в задумчивость в далеком магазине. Они ходили на один и тот же спектакль: он сидел в одной части зала, она — в другой, и оба почти не замечали представления.

Они ждали — ждали, когда обстоятельства

изменятся таким естественным образом, чтобы не возбудить подозрений у наблюдателей. Оба знали, что подобный случай приближается. На пальце Мойры появилось кольцо с бриллиантом.

В положенное время Мойру проводили с поздравлениями и свадебным подарком. На объявление о поиске ее преемницы откликнулись двадцать девушек. Харпер побеседовал со всеми одинаково вежливо, задавая одни и те же вопросы и не выказывая предпочтений ни одной из кандидаток.

Наконец он выбрал Фрэнсис, рыжеватую блондинку с полноватой фигурой и вздернутым носиком.

Десять дней спустя со своим обычным визитом явился Норрис, посмотрел на новенькую и одарил ее приятной улыбкой, мысленно решив, что девушка вполне симпатичная, но не более того. Он завел с ней пустяковый разговор, в то время как Харпер слушал, мечтательно уставившись в некую точку за спиной агента.

«В пятидесятый раз — выйдешь за меня замуж?»

«В пятидесятый раз — да. Но тебе придется потерпеть. Не все сразу».

— Так вот, этот парень сунул управляющему пачку документов, подтверждавших, что он — банковский служащий из головной конторы, — болтал Норрис. — Управляющий повелся, и…

Агент прервал рассказ и проговорил уже громче:

— Эй! Вы меня слушаете?

— Конечно. Продолжайте. Не могу дождаться развязки истории.

«Я не хочу терпеть. Не хочу ждать. Я хочу жениться на тебе сейчас же».

«Ты сам прекрасно знаешь — мы должны быть осторожны».

«Я хочу, чтобы у нас были дети, такие же, как мы».

«Подожди!»

Она вставила лист в пишущую машинку, поправила бумагу и улыбнулась. Лицо ее порозовело.

— Это его и погубило, — закончил Норрис, пребывая в полном неведении о только что разыгравшейся немой сцене. — Он на всю жизнь оказался связан по рукам и ногам.

— Разве все мы не связаны точно так же? — заметил Харпер, ничем не выдавая своей радости.